ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
1817 года.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ IV ВАСИЛІЕВИЧЪ II.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Ляпцкаго. Заключеніе и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла внѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою. Крѣпости на Литов. границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Строеніе Китая-города и новыхъ крѣпостей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

Годъ 1533 - 1538.

Г. 1533. Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Государя.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда—если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу—не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря (1); но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную Думу: Князья Бѣль-

скіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присутствовали въ оной [2]. Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ [3], и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Ѳедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный лѣтами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою [4]. Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями Думы, которая рѣшила дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матери [5].

Г. 1533. Составъ Государственной Думы.

Главные Вельможи Глинскій и Телепневъ.

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духовенства, Вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ Митрополитъ благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россіею и давать отчетъ единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиновниковъ во всѣ предѣлы Государства извѣстить гражданъ о кончинѣ Василія, и клятвеннымъ обѣтомъ утвердить ихъ въ вѣрности къ Іоанну [6].

Присяга Іоанну.

Едва минула недѣля въ страхѣ и надеждѣ, вселяемыхъ въ умы государственными перемѣ-

Г. 1533. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича.

нами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрія Іоанновича Дмитровскаго, старшаго дяди Государева, или оклеветаннаго или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ ви,ахъ беззаконнаго властолюбія: ибо сказанія Лѣтописцевъ несогласны. Пишутъ, что Князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣгъ отъ Государя въ Дмитровъ, былъ милостиво освобожденъ вдовствующею Великою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на престолъ, и въ семъ намѣреніи открылся Князю Борису Горбатому, усердному Вельможѣ, который съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность такой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неосторожность, и боясь доноса, рѣшился прибѣгнуть къ безстыдной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знатныхъ чиновниковъ, его самого и Князя Бориса, готоваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замыслъ Шуйскаго возмутить спокойствіе Государства: первому изъявили благодарность, а втораго посадили въ башню. Но Бояре, излишно осторожные, представили Великой Княгинѣ, что если она хочетъ мирно царствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: „вы видите мою

„горесть: дѣлайте, что надобно *для* пользы Г. 1533.
„Государства.“ Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ Дмитровъ. „Тамъ“ — говорили они — „никто не посмѣетъ косо взглянуть „на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.“ Юрій съ твердостію отвѣтствовалъ: „Я пріѣхалъ „въ Москву закрыть глаза Государю брату „и клялся въ вѣрности къ моему племяннику; не преступлю цѣлованія крестнаго „и готовъ умереть въ своей правдѣ (7)“.

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія, оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно чрезъ Дьяка своего, Тишкова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. „Гдѣ же со„вѣсть?“ сказалъ Шуйскій: „вчера Князь „вашъ цѣловалъ крестъ Государю Іоанну, а „нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ.“ Дьякъ изъяснялъ, что сія клятва была невольная и беззаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбатаго, Князь Борисъ Думу, а Дума Елену, которая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію (8).

Замѣтимъ, что *первое* сказаніе вѣроятнѣе: ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то

Г. 1533. ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Такое начало Правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись тиранства;

Общій страхъ.

а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ Государь, и самая Правительница дѣйствовала по внушеніямъ Совѣта, то Россія видѣла себя *подъ жезломъ возникающей Олигархіи*, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ Коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили, что Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать, ко вреду отечества (10); что другіе родственники Государевы должны ожидать такой же участи—и сіи мысли, естественнымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ, столь ласково порученныхъ Василіемъ Боярамъ въ послѣднія мину-

ты его жизни. Князь Симеонъ Θеодоровичъ Бѣльскій и знатный Окольничій Иванъ Ляцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные Правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество (11), тайно снеслися съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожидаемая измѣна удивила Дворъ, и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и Князя Воротынскаго съ юными сыновьями взяли, оковали цѣпями, заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Ляцкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда торжественнаго; но старшаго изъ Бѣльскихъ, Князя Димитрія, также Думнаго Боярина, оставили въ покоѣ какъ невиннаго. — Дотолѣ считали Михаила Глинскаго душею и вождемъ Совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человѣкъ имѣлъ великодушіе, и бѣдственнымъ концемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владѣя сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и Думою и Государствомъ, Михаилъ, какъ пишутъ, смѣло и твердо говорилъ племянни-

Измѣна Князя Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго.
Г. 1534.

Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго.

г. 1534. цѣ о стыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ: Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣть Государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ Бояриномъ и другомъ Василіевымъ, Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни, въ той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде (12): мужъ знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими страстями, счастіемъ и бѣдствіемъ, Вельможа и предатель двухъ Государствъ, помилованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой чести, въ церкви Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣстникомъ Новогородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ Думнаго Боярина(13).

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Іоанновичь, будучи слабаго характе-

ра и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Бояръ, которые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго (14); но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу, жалуясь на Правительницу. Вѣстовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословитъ ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хотя Митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, отвѣтствуя: „мнѣ Г. 1534.

„*самому такъ казалось!*" Разстались ласково, но безъ искренняго примиренія.

Г. 1536. Смерть Князя Юрія. Въ сіе время — 26 Августа, 1536 года — Князь Юрій Іоанновичъ умеръ въ темницѣ *отъ голода*, какъ шпіунъ [15]. Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лекарь Ѳеофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни [16]. Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: „Въ „болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли.* „Согрѣй во мнѣ сердце милостію. Не уже ли „велитъ Государь влачить меня отсюда на „носилахъ?" Елена послала Крутицкаго Владыку Досиѳея, *вывести его изъ неосновательнаго страха*, или, въ случаѣ злаго намѣ-

Г. 1537. ренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князья Оболенскіе, Никита Хромый съ Конюшимъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если

Бѣгство, умыселъ и заключеніе Князя Андрея Іоанновича. Досиѳеевы увѣщанія останутся безполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ, и рѣшился — быть преступникомъ: со-

брать войско, овладѣть Новымгородомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ Дѣтямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: „Великій Князь младенецъ; „вы служите только Боярамъ. Идите ко „мнѣ: я готовъ васъ жаловать.“ Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильныя мѣры: Князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоли: устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечь; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что Государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію клятву, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключить въ тѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приставили стражу; Бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотря на ихъ знатный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ;

Г. 1537.

Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ.

г. 1537. а Дѣтей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новогородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго.— Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ честію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни *тайныя* всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Смерть Князя Андрея.

Такимъ образомъ въ четыре года Еленина *правленія именемъ юнаго Великаго Князя* умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили множество знатныхъ родовъ торговою казнію Андреевыхъ Бояръ, между коими находились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство Государя Самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію; *поколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру,* необходима для государственнаго блага, столь первая вредна, по оному, возбуждая ненависть; а тѣмъ Правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной.— Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной *любви* и *свирѣпству* кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Правительница и Дума не уклонялись отъ системы Василіевой: любили миръ и не страшились войны. Дѣла политическія.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о восшествіи Іоанновомъ на престолъ, Елена и Бояре утвердили дружественныя связи съ Швеціею, Ливоніею, Молдавіею, съ Князьями Ногайскими и съ Царемъ Астраханскимъ. Въ 1535 и 1537 году Послы Густава Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствіемъ, отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесяти-лѣтнее перемиріе (17). Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Оксу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Королѣ Магнусѣ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи торговать свободно, подъ охраненіемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнъ Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичь Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ и съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ (18). Уже старецъ Плеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ отъ имени всѣхъ *Злато-*

Г. 1534 — 1538.

Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею.

г. 1534 — 1538. *носцевъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Бояръ* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уставили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею; чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцевъ, ни ихъ достоянія; чтобы не казнить Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: ,,А ,,кто преступитъ клятву, на того Богъ и ,,*клятва, моръ, гладъ, огнь и мечь.*''

Воевода Молдавскій, Петръ Стефановичъ, также ревностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую Молдавія. дань Султану, но еще именовался Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную политическую систему; воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла *вступаться* за него въ Константинополѣ, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву (19). Именитый Бояринъ Молдавскій, Супжаръ, въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ Посолъ Заболоцкій ѣздилъ къ Петру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда,

коему онъ не давалъ покоя, готовый всегда разорять Польскія земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Солимана, который (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, требуя *урочной*, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, однакожъ вымолили у Султана право избирать собственныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ [20]. Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) прислалъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ [21]. Г. 1534 — 1538. Посланникъ Турецкій.

Къ Царю Астраханскому, Абдылъ-Рахману, посылали Боярскаго Сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдылъ-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея [22]. Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, Князья сихъ многолюдныхъ степныхъ Ордъ, Шийдякъ, Астрахань.

*

Г. 1534 — 1538. Дѣла Ногайскія.

Мамай, Кошумъ и другіе, хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; требовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести: на примѣръ, чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ письмахъ *братьями* и *Государями*, какъ Хановъ не уступающихъ въ достоинствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочиновныхъ людей, а Бояръ для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местію, напоминая, что отцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалились, что у нихъ 500 тысячь воиновъ, и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ: на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сіи Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: „Государь *жалуетъ* и Хановъ и Князей, „смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ ни„кому *урока*.“ Мамай, именуясь Кальгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ сво-

ихъ краспорѣчіемъ и какою-то Философіею. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: „Любез„ный братъ! не ты и не я произвели „смерть, но Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, „дѣти наслѣдуютъ ихъ достояніе. Плачу „съ тобою; но покоримся необходимости“ (23)! Сіи Ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ. Г. 1534 — 1506.

Посольство къ Карлу V.

Правительница и Бояре хотѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому (24). Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Присяга Казанцевъ.

Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ.

Но главнымъ предметомъ нашей Политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народъ Казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: „Могу согласиться на „миръ, если юный Великій Князь уважитъ „мою старость и пришлетъ своихъ По„словъ ко мнѣ или на границу“ (25). Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, Король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ; предвидя отказъ, вооруж-

Г. 1534 — 1538. жался и склонилъ Хана къ союзу съ Литвою противъ Россіи. Еще гонецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Гирея, когда узнали

Нападеніе Крымцевъ. въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ въ Рязанскія области, гдѣ, на берегахъ Прони, Воеводы Князья Пунковъ и Татевъ побили ихъ на голову (26). За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія Воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе Великаго Князя.

Хотя, увѣренные въ неминуемой войнѣ съ Королемъ, Правительница и Бояре спѣшили изготовиться къ ней: но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ нашихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго, давъ имъ богатыя помѣстья (27) и слушая ихъ разсказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ Вельможъ, о неудовольствіи народа, Король замыслилъ вдругъ отнять у насъ всѣ Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій Воевода,

Г. 1534. Война съ Литвою. Сентября 3. Андрей Нѣмировъ, со многочисленною ратію вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но смѣлая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испугала Литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а Намѣстникъ Стародубскій, Князь Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ и съ знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загла-

дить первую неудачу, Литовцы сожгли худо-укрепленный Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ и мужественный Воевода Московскій, Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь Θеодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приближиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ Черниговцевъ ударить на станъ Литовскій, гдѣ сіе неожидаемое нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли обороняться; во тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтѣ уже не было ни одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ Король обманулся въ своей надеждѣ завоевать Украйну, беззащитную, какъ ему говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Ляцкій. Въ тоже время другой Воевода его, Князь Александръ Вишневецкій, явился подъ стѣнами Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ (28).

Г. 1534.

13 Сентября.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго Великаго Князя и Елены, требовала благословенія отъ Митрополита на войну съ Ли-

Г. 1534. тивою; а Митрополитъ, обратясь къ Державному младенцу, сказалъ: „Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй: мы будемъ „молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ
28 Октября. „Богъ помощникъ!“ Полки въ глубокую осень выступили изъ Москвы, съ двумя главными Воеводами, Князьями Михайломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телепневъ, желая славы мужества, велъ передовый полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ Литовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадою крѣпостей, Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новогородцами и Псковитянами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбатый, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Бряславля. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, встревоженный близостію враговъ; заботился, приказывалъ, и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150,000 (29) Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятинадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы—истребивъ въ ней жилища и жителей, скотъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливоніи,—не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую,

въ началѣ Марта.—Другіе Воеводы, Князья Г. 1534.
Ѳеодоръ Телепневъ и Тростенскіе, ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли, и нигдѣ не сражались (30). Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ *воинскихъ прогулокъ.* Не было устроеннаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имѣло способовъ нашего — то есть, сильнаго, твердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести Россіянъ Литописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ Литовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичь Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ (31), вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саипъ засѣлъ въ Киркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Султана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ тѣсный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже воюИсламъ господствуетъ въ Тавридѣ.

ютъ Литву. Бояре Московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Спригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Кальгою, именуется Царемъ, и не давно, въ присутствіи Литовскаго Посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гиреееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Спригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ *Исламу*, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ
г. 1535. союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать въ Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: „кто недругъ Великому Князю, а мнѣ другъ, тотъ и ему „другъ," не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Іоанну, и хвалился великодушнымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячь *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ будто бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему половину казны своей. Ханъ

ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Сапъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Перекопи съ толпами разбойниковъ, но конечно не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ, въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Атаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожъ соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местію, и показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ (32). г. 1535.

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Елениными любимцемъ, Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля; нигдѣ не видали его, выжгли предмѣстіе Мстиславля, взяли острогъ, отправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣе. Новогородцы и Псковитяне должны были съ другой стороны также вступить въ Литву, основать на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и сое-

Г. 1535. диниться съ Шуйскимъ; но Предводители ихъ, Князь Борисъ Горбатый и Михайло Воронцовъ, только отчасти исполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ Воеводу Бутурлина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу, стали въ Опочкахъ, и не хотѣли соединиться съ Шуйскимъ [33]. Бутурлинъ заложилъ Ивангородъ на Себежѣ, въ землѣ Литовской какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не противился; не было слуха о непріятелѣ.

Строеніе крѣпости въ Литвѣ. Іюня 29.

Однакожъ Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовскіе, Панъ Юрій Радзивилъ, Андрей Нѣмировъ, Гетманъ Янъ Торновскій, Князь Илья Острожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Стародубу. Свѣдавъ о томъ, Московскіе Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣкою; что Исламъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ Литовскимъ, услужилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Іоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Сапь-

20 Августа. Набѣгъ Крымцевъ.

Гирей воюетъ Россію (34). Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили шедшее къ Стародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячь людей. Князья Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хищниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи (35). Г. 1535.

Но Литовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный Князь Оболенскій-Щепинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу (36). Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Ѳедоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продлить осаду, сдѣлали тайный подкопъ и взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; домы запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; топталъ, гналъ Литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но стѣсненный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, былъ взятъ въ полонъ, вмѣстѣ съ Княземъ Сицкимъ. Знатный мужъ, Князь Петръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ; Никита Кодычевъ умеръ отъ раны чрезъ два дни (37). 13,000 граж-

Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ.

29 Августа.

г. 1535. дапъ обоего пола погибло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый Москвитянинъ Θедоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣвъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Ли-
Сентяб. товцы, завоевавъ единственно кучи пепла, ушли во-свояси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Число враговъ нашихъ еще умножилось
Мятежъ Казани. новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саипъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошніе Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они недовольны

Царевною и Княземъ Булатомъ, имѣютъ до пяти-сотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ Царемъ (39). Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворецъ (40). Опишемъ достопамятныя подробности сего представленія.

Шигъ-Алей въ милости.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему отца Іоаннова, винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу (41). Онъ желалъ представиться и Великой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери, въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни (42); далѣе, съ обѣихъ сторонъ, Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такойже участи, чтобы загладить преступленіе (43). Вмѣсто Елены отвѣ-

Г. 1536, Генв. 9.

Г. 1536. чалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милостиво. „Царь Шигъ-Алей!" сказалъ онъ: „Василій Іоанновичь возложилъ на тебя опалу: „Іоаннъ и Елена простили вину твою. Ты „удостоился видѣть лице ихъ! Дозволяемъ „тебѣ забыть минувшее; но помни новый „обѣтъ вѣрности!" Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней Боярынями (44), а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Рѣпнинъ былъ Кравчимъ Фатьмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу — и никогда, по сказанію Лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи (45).

Война съ Казанью. Между тѣмъ война съ Казанью началася: ибо заговоръ нѣкоторыхъ Вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново (46). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но встрѣтивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жи-

тели Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели г. 1536.
искусства, вышли въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра строгости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Коряковѣ. Плѣнниковъ отослали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть (47).

Война Литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою Побѣда надъ Литвою.
побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужас- 27 Февраля.
ная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари Литовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіяне же стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру, коего ледъ съ трескомъ обломился

Г. 1536. подъ ними. Тутъ Воеводы Себежскіе, Князь Засѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться: ударили, смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всѣхъ истребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и какъ сѣтовали въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Краковѣ, такъ веселились въ Москвѣ; показывали народу трофеи — честили, славили мужественныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ (48). Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почепъ, Стародубъ, — основавъ на сей землѣ, въ Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, Князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи (49).

Крѣпости на Литовской границѣ.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, Дума Боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско (50). Онѣ дерзнули (въ Апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову (51). Хотя Исламъ, осыпанный Королевскими дарами, примирился-было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями: однакожъ, уступая ему имя Царя, не

уступалъ власти; началась новая ссора г. 1536.
между ими, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Сапу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею (52).

Уже Сигизмундъ — видя, что Россія и съ Государемъ-младенцемъ сильнѣе Литвы — думалъ о мирѣ; изъявилъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Лятцкаго подъ стражею (53), и столь немилостиво обходился съ Княземъ Самеономъ Бѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь, искать защиты и покровительства Султанова. Еще въ Февралѣ 1536 года Королевскій Вельможа, Панъ Юрій Радзивилъ, писалъ къ любимцу Елены, Князю Телепневу (чрезъ его брата, бывшаго Литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ Державъ: Телепневъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины (54). Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ отправилъ своихъ Вельможъ въ Литву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали то несогласнымъ съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичъ, Полоцкій Воевода, съ четырмя сынами знатныхъ Дворянъ и

Перемиріе съ Литвою.

г. 1537.

*

г. 1537. слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Кіева и всей Бѣлоруссіи; не только спорили, но и бранились; устали, и рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва Гомелемъ (55). Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянъ. Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ Императору и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить Молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что Воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши (56).

Дѣла Крымскія. Если Политика Великихъ Князей не терпѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Іоанна въ своей готовности наступить на Короля всѣми силами, и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что Князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Кон-

стантинополя въ Тавриду, хвалится съ помо- Г. 1537.
щію Султана завоевать Россію. [57] ,,Остерегись," писалъ Исламъ: ,,властолюбіе и ,,коварство Солимана мнѣ извѣстны: ему ,,хочется поработить и Сѣверныя земли ,,Христіанскія, твою и Литовскую. Онъ ,,велѣлъ Пашамъ и Сапъ-Гирею собирать ,,многочисленное войско, чтобы измѣнникъ ,,твой, Бѣльскій, шелъ съ нимъ на Россію. ,,Одинъ я стою въ дружбѣ къ тебѣ и мѣшаю ,,ихъ замыслу." Бѣльскій дѣйствительно искалъ гибели *отечества*, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, хотѣлъ усыпить Правительницу увѣреніями въ его раскаяніи, писалъ къ ней и требовалъ себѣ *опасной грамоты*, обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, чтобы загладить вину своего бѣгства усердною службою. Могъ ли такой преступникъ ждать милосердія отъ Елены? Сіе мнимое раскаяніе было новымъ коварствомъ, и Правительство наше не усомнилось также прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать злодѣя. Именемъ Іоанновымъ Бояре отвѣтствовали ему, что преступленіе его, извиняемое юностію лѣтъ, забывается навѣки; что и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостію Великихъ Князей; что Іоаннъ съ любовію встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытностію [58]. Въ то же время послали изъ Москвы гонца и дары къ Исла-

Г. 1537. Смерть Исламова. му, съ убѣдительнымъ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и Бояре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга (59).

Смерть Исламова и возстановленное нѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, но будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россіею; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу (60). Ханъ не замедлилъ оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею местію, извѣстилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Іоанну братУгрозы Саипъ-Гирея. ство, желая даровъ и *запрещая* ему тревожить Казань. ,,Я готовъ жить съ тобою

„въ любви"— велѣлъ онъ сказать Великому Князю— „и прислать въ Москву одного изъ „*знатнѣйшихъ* Вельможъ своихъ, если ты „пришлешь ко мнѣ или Князя Василія Шуй„скаго, или Конопатаго Телепнева, примирить„ся съ *моею* Казанью и не будешь требовать „дани съ ея народа; но если дерзнешь воевать, „то не хотимъ видѣть ни Пословъ, ни гон„цевъ твоихъ: мы непріятели; вступимъ въ „землю Русскую, и все будетъ въ ней пра„хомъ" (61)! г. 1533.

Въ сіе время полки наши готовились итти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинымъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою; а въ Генварѣ 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взялъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена (62). Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ всѣ мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Саипъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Князя на миръ, съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался присяжникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали Хану именемъ Іоанна: „Ты называешь Ка-

г. 1538. „зань *своею*; но загляни въ *старыя лѣтопи-*
„*си:* не тому ли всегда принадлежитъ Цар-
„ство, кто завоевалъ его? Можно отдать
„оное другому; но сей будетъ уже поддан-
„нымъ перваго, какъ верховнаго Владыки.
„Говоря о твоихъ мнимыхъ правахъ, мол-
„чишь о существенныхъ правахъ Россіи. Ка-
„зань наша, ибо дѣдъ мой покорилъ ее; а вы
„только обманомъ и коварствомъ присвои-
„вали себѣ временное господство надъ нею.
„Да будетъ все по старому, и мы останем-
„ся въ братствѣ съ тобою, забывая вины
„Сафа-Гиреевы. Отправимъ къ тебѣ знат-
„наго Посла, но не Шуйскаго и не Телен-
„нева, которые по моей юности необходи-
„мы въ Государственной Думѣ (63).

Симъ заключились дѣла внѣшней Полити-
ки Еленина правленія, ознаменованнаго и
нѣкоторыми внутренними полезными учре-
жденіями, въ особенности строеніемъ но-
выхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности
Россіи.

Строеніе Китая-города и новыхъ крѣпостей.

Еще Великій Князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюдства Московскаго и недостаточнымъ для защиты онаго въ случаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія 20, начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣрѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто суд-

ныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги Придворные, Митрополитовы, Боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Іюнѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маія 16, послѣ креснаго хода и молебна, отпѣтаго Митрополитомъ, Петрокъ Малой, *новокрещеный* Италіянецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ (64). Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаемъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ (65). — Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, Елена основала: 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунза*; 2) Буйгородъ въ Костромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Соли*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новѣгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширнаго и столь мало населеннаго, вызывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготу, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Татарами въ плѣнъ: для чего требовала г. 1538.

Г. 1538. вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: „душа человѣческая дороже золота." Сей умный Владыка Новогородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ (66).

Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Къ чести Еленина правленія Лѣтописцы относятъ еще перемѣну въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновенно *пять рублей и двѣ гривны;* но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, испытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ старыхъ денегъ; указала перелить ихъ и чеканить изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльщиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ лили растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки).—Изображеніе на монетахъ осталось древнее: Св. Георгій или, по сло-

вамъ Лѣтописца, Великій Князь на конѣ, но только не съ мечемъ въ рукѣ, какъ прежде, а съ *копіемъ*: отъ чего стали онѣ именоваться *копейками* (67). г. 1538.

Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для тирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ (68). Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри (69); но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ.— Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединился и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ; другіе, старѣйшіе, назывались только именемъ Бояръ: никто не имѣлъ заслугъ, если не могъ угодить любимцу Двора. Желали перемѣны— и Великая Княгиня, юная лѣтами, цвѣтущая здравіемъ

Общая нелюбовь къ Еленѣ.

Г. 1538, Апрѣля 3. Кончина Правительницы.

вдругъ скончалась. Современникъ, Баронъ Герберштеинъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ (70). Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую месть*; но ее нѣтъ ни для сына противъ отца, ни для подданнаго противъ Государя: а Елена, по малолѣтству Іоанна, законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, Исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ Монархіи, что особа Вѣнценосцевъ *неприкосновенна*. Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ, согласимся, что извѣстіе Герберштеина вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преставилась во второмъ часу дни, и въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ (71). Не сказано даже, чтобы Митрополитъ отпѣвалъ ея тѣло. Бояре и народъ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный Великій Князь плакалъ, и бросился въ объятія къ Телепневу, который одинъ былъ въ отчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ правитъ Государствомъ?

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Паденіе и смерть К. Телепнева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги внѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Штокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Г. 1538 — 1547.

Г. 1538. Паденіе и смерть К. Телепнева.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ

Г. 1538. честолюбивыхъ. Доселѣ Правительница замѣняла Государя: наступало время совершенной Аристократіи или Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россіею: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзирательницы, Боярыни Агриппины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ перемѣною обстоятельствъ, уменшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Властителей: чтобы узнать, кто могъ быть ея тайнымъ виновникомъ, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Государей, они служили Новугороду, и въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ Воеводою

[72]. Видя рѣшительное торжество Само- Г. 1538.
державія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ
за другимъ, вступили въ службу Москов-
скую и были знаменитѣйшими Вельможами.
Князь Василій Васильевичь, занимавъ первое
мѣсто въ Совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ
[73], занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ
болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который,
уступая ему наружную честь, исключитель-
но господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ
средства успѣха, преклонивъ къ себѣ мно-
гихъ Бояръ и чиновниковъ, сей властолю-
бивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ само-
вольства и насилія объявилъ себя Главою
Правленія: въ седьмый день по кончинѣ
Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ
юному Іоанну особъ: его надзирательницу,
Боярыню Агриппину, и брата ея, Князя
Телепнева, — оковать цѣпями, заключить
въ темницу, не смотря на слезы, на вопль
Державнаго, беззащитнаго отрока. Не судъ
и не праведная, но беззаконная, лютая
казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи,
коему за недѣлю предъ тѣмъ раболѣпство-
вали всѣ Князья и Бояре. Телепнева уморили
голодомъ, какъ Правительница или самъ
онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ;
но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства,
и Лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть,
внушенную завистію къ бывшему любимцу
Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ
сына ея [74]. Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятель-

Г. 1538. ность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣта, гдѣ только одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Іоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, Князь Иванъ Ѳедоровичь, и Шуйскій, Андрей Михайловичь, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; втораго пожаловали въ Бояре (75). Ослѣпленный гордостію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на вышней степени Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича (76). Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Даніиломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

дать Князю Юрію Булгакову-Голицыну Боярство, а сыну знаменитаго Хабара Симскаго (77) сань Окольничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Өедору Мишурину, измученному воинами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ предъ городскою тюрмою (78). Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя: то есть, беззаконно и нагло. Достойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Г. 1538.

Смута Боярская: К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ (79). Явивъ суетность властолюбія, она не исправила Бояръ Московскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ Главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить месть надъ врагами и

Смерть К. Василія Шуйскаго.

сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Данiила: замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ

Г. 1539.

сам былъ сверженъ съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ (80), гдѣ строгою, постною жизнію имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. На его мѣсто Епископы посвятили — *судьбами Божественными* и *Великокняжескимъ* (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — *Іоасафа Скрыпицына, Игумена Троицкаго.*

Сверженіе Митрополита

Избраніе Іоасафа.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и внѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, *ни любви къ добру*; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; на примѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы (81); однимъ словомъ, *изъявлялъ всю низкую*, ма-

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства.

лодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Такъ Бояринъ Андрей Михайловичь Шуйскій и Князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирѣпствовали какъ львы*, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ святыхъ Обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; торжища и монастыри опустѣли.— Къ сему ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частые, опустошительные набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. Мы были— говорятъ Лѣтописцы— жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ

Г. 1539.

Набѣги внѣшнихъ непріятелей.

*

г. 1539. Господарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну: „Я сдѣлалъ то, что вы нѣсколько разъ дѣ„лали. Отецъ и мать твоя, не разумѣя го„сударственныхъ уставовъ, ловили, злодѣй„ски убивали моихъ Пословъ на пути въ Ка„зань: я также имѣю право мѣшать твое„му сообщенію съ моимъ недругомъ Молдав„скимъ. Ты хочешь отъ меня пріязни: для „чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что „у меня болѣе ста тысячь воиновъ? Если „каждый изъ нихъ плѣнитъ хотя одного „Русскаго, сколько тебѣ убытка, а мнѣ при„были? Не таюсь, ибо чувствую силу свою; „все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что „говорю. Гдѣ желаешь видѣться со мною? въ „Москвѣ, или на берегахъ Оки? Знай, что „буду къ тебѣ не одинъ, но съ великимъ „Султаномъ, который покорилъ вселенную „отъ Востока до Запада. Укажу ему путь „къ твоей столицѣ. Ты же что мнѣ сдѣла„ешь? Злобствуй какъ хочешь, а въ моей „землѣ не будешь"(82). Не только Іоаннъ III и Василій, но и Правительница, отъ времени до времени удовлетворяя корыстолюбію Хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго Посла и

купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани (83); а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми (84); являлись единственно толпами, жгли, убивали, плѣняли, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: „Батый протекъ молніею „Русскую землю: Казанцы же не выходили „изъ ея предѣловъ, и лили кровь Христі„анъ какъ воду. Беззащитные укрывались „въ лѣсахъ и въ пещерахъ; мѣста бывшихъ „селеній заросли дикимъ кустарникомъ. „Обративъ монастыри въ пепелъ, невѣрные „жили и спали въ церквахъ, пили изъ свя„тыхъ сосудовъ, обдирали иконы для укра„шенія женъ своихъ усерязями и монистами; „сыпали горящіе уголья въ сапоги Ино„камъ и заставляли ихъ плясать; осквер„няли юныхъ Монахинь; кого не брали въ „плѣнъ, тѣмъ выкалывали глаза, обрѣзывали „уши, носъ; отсѣкали руки, ноги и — что „всего ужаснѣе — многихъ приводили въ „Вѣру свою, и сіи несчастные сами пали Г. 1539.

Г. 1539. ,,Христіанъ какъ лютые враги ихъ. Пишу ,,не по слуху, по видѣнное мною, и чего ,,никогда забыть не могу" (85). Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ терпѣніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли (86)! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ (87), и видѣли безполезность онаго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ Уѣздѣ (88). Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Посольства въ Царьградъ, въ Штокгольмъ. Договоръ съ Ганзою, союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ Королю Шведскому: въ Константинополѣ и въ Штокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тре-

вожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ поко҃ доживалъ вѣкъ свой (89).

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополита Даніила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвятителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству, и видя неспособность Шуйскаго управлять Державою, или по инымъ, менѣе достохвальнымъ причинамъ, Митрополитъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре пристали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливости, и вдругъ, именемъ Іоанновымъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго изъ темницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію Митрополита и Бояръ, не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну, и съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, ни присутствовать въ Думѣ (90), гдѣ сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни гоненія. Правительство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ Намѣстниковъ, и Псковитяне освободились отъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву.

Г. 1540. Заговоръ противъ Шуйскаго; освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его.

Г. 1540. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для Новогородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловальники* или Присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ тѣмъ способа беззаконствовать и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель Бояръ (91). — Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переѣхали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были представлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя помѣстья Андреевы и дозволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ Княжескихъ (92). — Назовемъ ли милостію скудное, жалостное благодѣяніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ (93), забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакого устава человѣческаго, только за вины отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ Самодержца, коему надлежало

Прощеніе Князя Владиміра Андреевича и матери его.

Облегчають судьбу К. Димитрія Углицкаго.

истребить въ Россіи вредную Систему Удѣловъ, и который любилъ Единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ Правители, желая быть милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру [94]; велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей, впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быть, въ первый разъ смягчился тогда душею и пролилъ слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашествѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ [95].

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый Вельможа, Князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли: юностію его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь простилъ: одно дѣйствіе, коимъ Исторія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на отечество, явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почестями опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ Государства! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, противнымъ уставу справедливости и блага.

Г. 1540 — 1541.

Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго.

г. 1540 — 1541. гражданскихъ общесшвъ. Гонецъ Московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ (96) : сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя гибель Россіи: ибо Сапъ-Гирей казался въ дружбѣ къ Великому Князю единсшвенно для шого, чшобы произвесши въ насъ оплошносшь и нечаянносшію впаденія ошкрышь себѣ пушь въ сердце Московскихъ владѣній. Но Дума, подъ начальсшвомъ Князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внушреннемъ благоусшройсшвѣ, не выпускала изъ виду и внѣшней безопасносши.

Тайно гошовясь къ войнѣ, Ханъ приглашалъ и Царя Казанскаго иншши на Россію: къ счасшію нашему, имъ неудобно было дѣйсшвовашь въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма въ сшепяхъ; а вшорый, не имѣя сильной раши судовой, боялся лѣшомъ осшавишь за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгсшва, Россіяне могли бы ушопишь Казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ шерпѣніемъ и бездѣйсшвіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года миновавъ Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепяшсшвенно досшигнушь Мурома, но далѣе не могъ сшупишь ни шага: воины и граждане бились мужесшвенно на сшѣнахъ и въ вылазкахъ; Князь Димишрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алей съ своими вѣрными Ташарами изъ Касимова, исшребляя разсѣянныя шолны неприяшелей въ Мещерской землѣ и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣ-

Впаденіе Казанскаго Царя.

жалъ назадъ, и такъ скоро, что Воеводы Московскіе не догнали его (97). — Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе Князья и знаменитѣйшій изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить, или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско (98).

Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: Посолъ Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осматривалъ его станъ. Весною узнали въ Москвѣ (чрезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды) что Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ Ногайскихъ

Г. 1541.

Нашествіе Хана Крымскаго.

Г. 1541. Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ (99). Намѣстнику Путивльскому, Ѳедору Плещееву, велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячь сто или болѣе. Тогда Князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій остался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отвсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей
Іюля 28. сторонѣ Дона; приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова (100).

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополита о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ (101): ,,Боже! Ты защитилъ ,,моего прадѣда въ нашествіе лютаго Темиръ-,,Аксака: защити и насъ, юныхъ, сирыхъ! Не ,,имѣемъ ни отца, ни матери, ни силы въ

„разумѣ, ни крѣпости въ десницѣ; а Государ- г. 1541.
„ство требуетъ отъ насъ спасенія!“ Онъ повелъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: „Врагъ идетъ: рѣшите, здѣсь ли мнѣ быть, или удалиться?“ Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали: „Когда Едигей шелъ къ столицѣ (102), „Василій Димитріевичь удалился, чтобы со-„бирать войско въ областяхъ Россійскихъ, „но въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра Ан-„дреевича и своихъ братьевъ. Нынѣ Государь „у насъ отрокъ, а братъ его еще малолѣтнѣе: „дѣтямъ ли скакать изъ мѣста въ мѣсто и „составлять полки? Не скорѣе ли впадутъ „они въ руки невѣрныхъ, которые безъ со-„мнѣнія разсѣются и по инымъ областямъ, „ежели достигнутъ Москвы?“ Митрополитъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: „Гдѣ „искать безопасности Великому Князю? „Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою и „съ Нѣмцами; Кострома, Ярославль, Галичь, „подвержены набѣгамъ Казанцевъ; и на кого „оставить Москву, гдѣ лежатъ Святые „Угодники? Димитрій Іоанновичь оставилъ „ее безъ Воеводы сильнаго: что же случилось? „Господь да сохранитъ насъ отъ такого „бѣдствія! Нѣтъ нужды собирать войско: „одно стоитъ на берегахъ Оки, другое въ „Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ, и за-

Г. 1541. „щишишь Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога „и Святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!" Всѣ Бояре единодушно сказали: „Государь! „останься въ Москвѣ!" и Великій Князь изустно далъ повелѣніе Градскимъ Прикащикамъ готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады надолбами (103). Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества какъ бы дѣйствію сверхъестественному.

Великодушіе народа и войска.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обуздывать ихъ *мѣстничество*; но юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ главныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ станахъ (104). Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары,—соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за Вѣру и Государя

юнаго, который уповаетъ единственно на Г. 1541.
Бога и на ихъ оружіе. „Ока да будетъ не-„одолимою преградою для Хана!" писалъ Іоаннъ: „а если не удержитъ врага, то за-„градите ему путь къ Москвѣ своею грудью" „(105). Сразитесь крѣпко во имя Бога всемогу-„щаго! Обѣщаю любовь и милость не толь-„ко вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. Кто падетъ „въ битвѣ, того имя велю вписать въ *Кни-„ги Животныя* (106); того жена и дѣти бу-„дутъ моими ближними." Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. „Такъ!" говорили они: „забудемъ вражду и самихъ себя; вспом-„нимъ милость Великаго Князя Василія; „послужимъ Іоанну, коего слабая рука еще „не владѣетъ оружіемъ; послужимъ *малому*, „да онъ *великаго* честь пріиметъ! Если испол-„нится наше ревностное желаніе; если по-„бѣдимъ, то не въ одной Русской, но и въ „чуждыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. „Мы не безсмертны: умремъ же за отече-„ство! Богъ и Государь не забудутъ насъ." Сіи, дотолѣ сварливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чув-ствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: „Хотимъ, хотимъ пить смертную „чашу съ Татарами за Государя юнаго! Когда

г. 1541. „вы, отцы наши, согласны между собою, „идемъ съ радостію на враговъ невѣрныхъ!" И всѣ полки двинулись впередъ, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на Іюля 30. высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было-дрогнули и замѣшались . . . Но присиѣли Князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: Россіяне стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная Запасная Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: „Вы обманули меня, увѣривъ, „что Россія не въ силахъ бороться въ одно „время съ Казанью и со мною. Какое вой„ско! Ни я, ни опытные старцы мои не „видывали подобнаго" (107). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали

его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: „идите сюда; мы „васъ ожидаемъ!“ Г. 1541.

Наступила ночь: Воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега — и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телегѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Оттоманскіе Трофеи! — Съ сею счастливою вѣстію Димитрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они били и плѣняли отсталыхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хвалившись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить всѣ области Московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной

Бѣгство непріятеля.

Г. 1541. крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ *начальствовалъ Василій Жулебинъ* (108), у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. „Сдайся", сказали они: „Царь обѣ„щаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять „*здѣсь, пока возметъ городъ.*" Витязь отвѣтствовалъ: „Божіею волею ставится „градъ, и *никто* не возметъ его *безъ воли* „Божіей. Пусть Царь стоитъ: увидитъ „скоро Воеводъ Московскихъ." Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на *стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою;* надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князья Микулинскій и Серебряный уже близко (109): клики веселія раздались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ туры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь Воротынскій разбилъ Царевича Имина, который

было-остановился для грабежа въ Одоевскомъ Уѣздѣ (110). Г. 1541.

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, умилительная для сердецъ во дни страха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда Державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ отечества изъявлялъ признательность Воеводамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ радостными слезами отвѣчали ему: ,,Государь! мы побѣдили твоими Ангельскими ,,молитвами и твоимъ *счастіемъ*" (111)! Народъ всего болѣе вѣритъ *счастію*, и младыя лѣта Іоанновы открывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ чувствовали современники, которые видѣли въ Саипъ-Гиреѣ новаго Мамая или Тамерлана, и хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Что случилось, могло и впредь случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапныхъ* нападеній: мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли, и Государство лишалось главной своей драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

*

г. 1541. Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительства, стоялъ на вышней степени счастія, опираясь на личную милость Державнаго отрока, уже зрѣющаго душею,— на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ . . . и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, могъ бы перемѣниться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ и далъ ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлію не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣроятно, усердною любовію къ отечеству. Не было, ка-

жется, и предлога благовиднаго: заговорщики хотѣли просто, низвергнувъ властелина, занять его мѣсто, и доказать не правоту, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новѣгородѣ [112]. Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чтобы итти на Казань, обѣщаніями и ласками *умножилъ число* своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать Московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Петромъ, триста надежныхъ всадниковъ [113]. Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли задними дверьми изъ самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келіи, бросали каменьями въ окна, и едва не умертвили Іоасафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье: Игуменъ Лавры и Князь Димитрій Палецкій только именемъ Св. Сергія могли удержать неистовыхъ Дѣтей Боярскихъ [114], поднявшихъ руку на Архипастыря. Митрополитъ искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна; но Государь, пробужденный свирѣпымъ воп-

Г. 1542. Смута Бояръ. Паденіе К. Ивана Бѣльскаго.

Г. 1542. лемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть заутреню (115); кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Престолъ и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устрашили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично Главою Бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Боярами, безъ вѣдома Государева (116). Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ темницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники (117). Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ (118), онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Ссылка Митрополита.

Новое господство К. Ивана Шуйскаго.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону (119), въ надеждѣ заступить мѣсто Іоасафа. Чрезъ семь дней нарекли Макарія Первосвятителемъ и возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили (120). Такимъ образомъ Князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Митрополитовъ единственно по личной къ

Г. 1542.

Посвященіе Макарія.

Г. 1542. нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія и несправедливости возобновились. Льготы и права, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ (121). Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возрасталъ!

Перемиріе съ Литвою. Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней Политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ (122). Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наслѣдника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ (123); а Бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ

не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: последнее утѣшеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посыланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе (124). Г. 1542.

Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею.

Испытавъ неудачу, Ханъ Сапъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шертную грамоту*; но сынъ Ханскій, Иминь, и хищные Мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань (125). Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ и гнали до рѣки Мечи (126). — Казанцы требовали мира; но Князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей ме-

Г. 1542. длилъ и не заключалъ онаго [127].—Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавіею. Царевичь Астраханскій, Едигеръ, пріѣхалъ служить въ Россію [128]. Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичь, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, по требуя, сверхъ ежегодной дани, около трехъсотъ-тысячь золотыхъ, коихъ не льзя собрать въ землѣ опустошенной [129]. Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Перемѣна въ Правленіи. Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три [130], не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума высприннаго любили только господствовать и не думали заслуживать любви сограждань, ни признательности юнаго Вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя

всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душею къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Ѳедоръ Семеновичь Воронцовъ (131). Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго прѣнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не льзя ему быть при Дворѣ и въ Мо-

г. 1543.

Наглость Шуйскихъ.

Г. 1545. скве. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому (158). Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лѣтописецъ сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ наступивъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго Монарха, если

Худое воспитаніе Іоанна.

бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но

Шуйскіе, *отнявъ достойнаго Вельможу у* Г. 1543.
Государя и Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ *животныхъ*, *но* и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: „пусть Дер„жавный веселится!" Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство (188)! Они не думали *толковать* ему *святыхъ* обязанностей Вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность *отрока, развлекаемаго ежеминутными* утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ пом-

Г. 1543. пилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а *не имъ*. *Каждый день, приближая* его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые, завистливые (134): первый засѣдалъ въ Думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ Конюшаго. *Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ*, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ Бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться *мужествомъ и повелѣть*; *что Россія ожидаетъ* его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій *съ знатнѣйшими сановниками*, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ первый разъ явился пове-

Заговоръ противъ главныхъ вельможъ.

дишельнымъ, грознымъ; объявилъ съ швердо- Г. 1534. сшію, что они, употребляя во зло юносшь Декабря 29. его, беззаконсшвуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, Паденіе Шуйскихъ. главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго Вельможу (135). Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли отнималъ Дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ (136). Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ Вельможею, была ли достойна истиннаго Правительства и Государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ безъ сомнѣнія еще не могъ властвовать самъ собою: Князья Глинскіе съ Власть Глинскихъ. друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что „съ того времени Бояре начали имѣть „страхъ отъ Государя“ (137).

Опалы и жестокость новаго Правленія
Жестокость правленія. г. 1544 — 1546. действительно устрашили сердца. Сослали Феодора Шуйскаго-Скопина, Князя Юрія Темкина, Фому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя места; а знатнаго Боярина, Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили въ темницу (138): онъ находился въ тесной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ (139). Его заключили въ Переславле вместе съ женою, тамъ, где сиделъ некогда злосчастный Князь Андрей Углицкій съ детьми своими (140). Казнь, изобретенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Аѳанасья Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрезали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа (141). Чрезъ пять месяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь снова возложилъ на него опалу, также на Князей Петра Шуйскаго (142), Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, Боярина Феодора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что Ханъ Крымскій готовится итти къ нашимъ пределамъ: сынъ его, Иминь, за несколько месяцевъ предъ темъ (143) свободно грабилъ въ Уездахъ Одоевскомъ и Белевскомъ (где наши Воеводы только спорили о старейшинстве, не двигаясь съ места для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ

въ лѣта юноши, предводительствовалъ многочисленною ратію, ѣздилъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь Св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ (144). Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался Дворомъ, и злые честолюбцы занимались кознями. Однажды Государь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью Новогородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ (145), и велѣлъ ближнему Дьяку, Василію Захарову, узнать, кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Ѳедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія (146)! Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Ѳедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между Боярами, и досадовалъ, Г. 1544 — 1546.

г. 1544 — 1546. когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ! . . Такъ новые Вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Доброе согласіе съ Литвою. Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ (147). — Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели

Рать на Казань. Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлися подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и *кабаки Царскіе*, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились (148). Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вель-

можи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣкоторыхъ Князей, иныхъ выгналъ (149), и произвелъ всеобщее озлобленіе, коего слѣдствіемъ было то, что Казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими сановниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и многіе изъ Крымцевъ были истерзаны народомъ. Сеитъ, Уланы, Князья, всѣ чиновники Казанскіе, давъ клятву быть вѣрными Россіи, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ Князьями Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; веселились, праздновали, и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца Державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями, и въ затмѣніи ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держали какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ златыхъ сосудовъ Царскихъ и брали оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ сказываетъ, что Шигъ-Алей предви-

Г. 1546.

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани, и бѣжитъ оттуда.

*

г. 1546. дѣлъ свою участь, и только изъ повиновенія къ Великому Князю согласился ѣхать въ Казань (150). Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ Князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ усовѣстить Властителей Казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства: раздраживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который съ толпами Ногайскими уже былъ на Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать, и приготовилъ суда. Насталъ какой-то праздникъ: Вельможи и народъ пили до ночи, заснули глубокимъ сномъ и не видали, какъ Царь вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію (151); а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолъ Казанскомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семдесять-шесть Князей и Мурзъ, братья Чурины, вѣрные Алею, и самые неистовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную

местъ до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не велѣно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа (152).

Г. 1546.

Походъ къ устью Свіяги.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей Державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ (153). —Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха

Путешествія Великаго К. и неудовольствія народа.

на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтить Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сюювбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Г. 1546—1552.

Г. 1546. Царское вѣнчаніе Іоанна.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополита и долго говорилъ съ нимъ на-единѣ. Митрополитъ

вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за Боярами—даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще *народъ ничего не вѣдалъ*; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны. г. 1546.

Прошло три *дни* (154). Велѣли собраться Двору: Первосвятитель, Бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ Митрополиту: „Уповая на „милость *Божію и на святыхъ заступниковъ* „земли Русской, имѣю намѣреніе жениться: „ты, отче, благословилъ меня. Первою мо„ею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ „Царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, „отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ ли„шенный родителей и воспитанный въ си„ротствѣ, могу не *сойтися нравомъ съ ино*„земкою: будетъ ли тогда супружество сча„стіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, „по волѣ Божіей и твоему благословенію.“ Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе „столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! „Благословляю оное именемъ Отца небесна„го.“ Бояре плакали отъ радости, какъ *говоритъ Лѣтописецъ, и съ новымъ* восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: „еще Декабря 17.

„до своей женитьбы исполнить древній „обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на Царство*" (155). Онъ велѣлъ Митрополиту и Боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію Вѣры святый союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской Державы: Іоаннъ III *вѣнчалъ* своего внука *на Царство*; но совѣтники Великаго Князя— желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича—говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего Митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и Бармы Константиновы (156). Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества (157). Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ Царей.

г. 1547. Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ

Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, г. 1547.
взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и Бармы (158), отнесъ ихъ (провождаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначеями и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою водою, кропя людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ Князь Юрій Василіевичь, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; Митрополитъ благословилъ его (159). Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный налой съ Царскою утваріею: Архимандриты взяли и подали ее Макарію: онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ Литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на

1547. бархатъ. Князь Юрій Василіевичь осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій (160). Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто*; всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ наволоки, на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современные Лѣтописцы* не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *мѵропомазаніи*, ни о *причащеніи* (161); не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ искреннее, умилительное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и Властителей народамъ и добродѣтель Властителямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внутри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ *Великихъ Князей*, освященный древностію; а книжники Московскіе объявили народу, что симъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое

есть Россійское [162]. Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и Библейское имя Царя, напоминая Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянъ достоинство ихъ Государей. „Смирились" — говорятъ Лѣтописцы — „враги наши, Цари невѣрные и „Короли нечестивые: Іоаннъ сталъ на „первой степени Державства между ими!" Достойно примѣчанія, что Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ Царскомъ, говоря въ ней: „Не только „преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя „лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній Властитель Московскій происходитъ „отъ незабвенной Царицы Анны, сестры „Императора Багрянороднаго, и что Ми„трополитъ Ефесскій, уполномоченный для „того Соборомъ Духовенства Византій„скаго, вѣнчалъ Россійскаго Великаго Князя, „Владиміра, на Царство." Сія грамота подписана тридцатью-шестью Митрополитами и Епископами Греческими [163].

Г. 1547.

Между тѣмъ знатные сановники, Окольничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть *всѣхъ* дѣвицъ благородныхъ, и представить лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы

Бракъ Государевъ.

Г. 1547. Захарьиной [164], которой мужъ, Романъ Юрьевичь, былъ Окольничимъ, а свекоръ Бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Русскомъ [165]: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой Царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: „Днесь таинствомъ Церкви соеди„нены вы навѣки, да вмѣстѣ покланяетесь „Всевышнему и живете въ добродѣтели; а „добродѣтель ваша есть правда и милость. „Государь! люби и чти супругу; а ты, „христолюбивая Царица, повинуйся ему. „Какъ святый крестъ глава церкви, такъ „мужъ глава жены. Исполняя усердно всѣ за„повѣди Божественныя, узрите благая Іеру„салима и миръ во Израилѣ.“ Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ

Добродѣтели Анастасіи.

Февраля 13.

тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя Г. 1547.
какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ перенесенную на театръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, покланялась Ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Пороки Іоанновы и худое правленіе.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ Вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства, и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ юноши-

г. 1547. Государя; наслаждались почестями, богатствомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи (166). Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу, и бѣдные Псковитяне остались живы (167). — Честные Бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славили его мудрость (168). Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потря-

сенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ Г. 1547.
страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Пожары въ Москвѣ.

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные *великими* (169); но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами (170), гостиные казенные дворы, Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники (171); а 21 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго ды-

г. 1547. ма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли (172). Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живый былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Петромъ Митрополитомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской (173). Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Не льзя, по сказанію современниковъ, ни опи-

сать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили, и выли какъ дикіе звѣри. „Счастливъ" — говоритъ Лѣтописецъ— „кто, умиляясь душею, могъ „плакать и смотрѣть на небо!" Утѣшителей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Иванъ Петровичь Ѳедоровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичь Захарьинъ, дядя Царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ. Г. 1547.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ съ Боярами навѣстить Митрополита въ Ново-спасской Обители. Тамъ Духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ столицу? Въ Бунтъ черни.

г. 1547. нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: „Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна, „вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ „воду, и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по „Москвѣ. Вотъ, отъ чего мы сгорѣли!" Сію баснію выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожъ молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева (174), извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и Дѣтей Боярскихъ (175). Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было . . .

Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ.

Въ сіе ужасное время, когда юный Царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ изъ Новагорода (176); приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ ви-

домъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ г. 1547
возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія (177), потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ — и пріялъ оную (178). Смиренный Іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ (179): имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо нужнаго Само-

г. 1547. держцу, чтобы лучше знать людей, состояніе Государства, истинныя потребности онаго: *ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія*; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбудилъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благотворенія. — Такъ повѣствуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже *знатнымъ сановникомъ Двора*. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы Государь выдалъ ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ея, Михайла (180). Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, Князь Скопинъ-Шуйскій съ клевретами обманулись, если имѣли

надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію Царскому, *чуждому тиранства и прихотей.* Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердить благословенную перемѣну въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ Святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, *успокоенный ими въ совѣсти,* причастился Святыхъ Таинъ (181). Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ Россіи: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, *съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною* воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ (182): „Святый „Владыко! знаю усердіе твое ко благу и „любовь къ отечеству: будь же мнѣ побор-

Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ.

Г. 1547 — 1550.

Г. 1547 — 1550. „никомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано „Богъ лишилъ меня отца и матери; а Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть „самовластными; моимъ именемъ похитили „саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ — и никто не претилъ имъ. „Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался „глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію „бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ „моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые „крамольники, судіи неправедные! Какой „отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, „сколько крови отъ васъ пролилося? Я „чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда „Небеснаго!" . . . Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: „Люди „Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю „вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте „великодушны! Не льзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать „васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и „не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; „соединимся всѣ любовію Христіанскою. „Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ." Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искреннему обѣту юнаго Вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ Боярамъ; хотѣлъ, чтобы Митро-

полипть и Святители также ихъ простили г. 1547 — 1550.
именемъ Судіи Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ
Россіяне братски обнялися между собою;
чтобы всѣ жалобы и тяжбы прекратились
миромъ до назначеннаго имъ срока [183].—Въ
тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать
челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ,
обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно:
,,Алексій! ты не знатенъ и не богатъ, но
,,добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто
,,высокое, не по твоему желанію, но въ по-
,,мощь душѣ моей, которая стремится къ
,,такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о
,,несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Бо-
,,гомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ,
,,когда они, похитивъ честь, беззаконству-
,,ютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя сле-
,,зы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ
,,на богатаго! Все рачительно испытывай,
,,и доноси мнѣ истину, страшася единствен-
,,но суда Божія" [184]. Народъ плакалъ отъ
умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ Царемъ.

Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на чету избранныхъ, Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священный союзъ свой не только благоразумнаго Митрополита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой старости еще усердныхъ къ отечеству [185] и прежде отгоняемыхъ отъ трона, гдѣ вѣтреная юность не терпѣла ихъ угрюмаго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались уста

Перемѣна Двора и властей.

Г. 1547 — 1550. навѣтникамъ и козподѣямъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ Совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе Правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею (186), но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ Начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ. Только въ однихъ Самодержавныхъ Государствахъ видимъ сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависитъ отъ воли Самодержца, который, подобно искусному Механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ махину неизмѣримую, и влечетъ ею милліоны ко благу или бѣдствію.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Весьма не многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ—и самые злѣйшіе—были удалены; другихъ обуздали или

Кротость правленія.

исправили, какъ пишутъ (187). Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Ѳеодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, терзаемый совѣстію, заключился въ монастырѣ (188). Въ Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго) Князья Куракинъ-Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцати-лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Василіевича (189). Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ Конюшаго (190), оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочетъ; но сей Вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ не льзя уйти, они возвратились въ Москву, и взятые подъ стражу, клялися, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ (191).—Въ самомъ семействѣ Государскомъ, гдѣ прежде обитали холодность, недовѣреніе, зависть, вражда (192), Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: утверждаемый прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мыслахъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ Ца-

г. 1547 — 1550.

Г. 1547 — 1550. ремъ и добрымъ родственникомъ: женивъ Князя Юрія Василіевича, избралъ супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ (193); жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему въ государственныхъ указахъ, писалъ: „Мы уложили „съ братьями и съ Боярами" (194).

Желая уподобиться во всемъ Великому Іоанну III—желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды* (195)—онъ не только острилъ мечь на враговъ иноплеменныхъ, но,

Судебникъ. въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ немногіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу: *законодательствомъ*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не бле-

ска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ—и безъ учености, безъ Ѳеоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указъ о *мѣстничествѣ:* Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уставилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго Полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой Руки; что Государю принадлежитъ судить о ро-

Г. 1547 — 1550.

Обузданіе мѣстничества.

Г. 1547 — 1550. дахъ и доспоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется (196).

Стоглавъ. Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и въ 1551 году, 23 Февраля, дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, *духовными и мірскими*. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники первостепенные сидѣли въ молчаніи (197), устремивъ взоръ на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце (198); но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. „Тогда“ — сказалъ онъ — „ужаснулась душа моя и кости „во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, „сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и „люблю добродѣтель. Отъ васъ требую „ревностнаго наставленія, Пастыри Хри„стіанъ, учители Царей и Вельможъ, до„стойные Святители Церкви! Не щадите „меня въ преступленіяхъ; смѣло упрекайте

„мою слабость; гремите словомъ Божіимъ, „да жива будетъ душа моя“ (199)! Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами, и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка, Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты *Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ* и волостяхъ надлежало избрать Старость и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ (200); а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, *должествовали* заниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ (201). — Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Г. 1547 — 1551.

Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить *не только обряды ея, книги, искажаемыя* писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ

Учрежденія церковныя.

г. 1547 — 1551. всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавнымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ (202). Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій опаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы Іереи и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную (203). Желая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго (204): ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Г. 1547 — 1551.

Намѣреніе просвѣтить Россію.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыслъ его обогатить Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, разспрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ — даже Ѳеологовъ (205)! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашелъ Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиттъ набралъ болѣе ста двадцати человѣкъ (206), и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все раз-

г. 1547 — 1551. рушилось отъ низкой, завистливой Политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается отъ того еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими коварными представленіями заставили Императора думать такъ же: въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные сопутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего Посланника, который, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями: на примѣръ, чтобы Царь помогалъ Императору людьми и деньгами въ войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять Князей и Дворянъ) въ залогъ вѣрности, обѣщался соединить Церковь нашу съ Латинскою, имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ, основалъ Орденъ для Россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. (207). — Хотя благое намѣреніе Царя не исполнилось совершенно, отъ недоброжелательства Любчанъ и Правительства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго: однакожъ многіе изъ Нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію Императора и Магистра Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ

Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія (208). Г. 1547 — 1550.

Сіе истинно Царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію Вѣнценосца и смутами Бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ, что за 200 верстъ отъ Москвы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля была усѣяна пепломъ и костями Россіянъ (209). Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго! Чтобы начать съ ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и мятели, обыкновенныя въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь, почевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Роботку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы устрашенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалію въ Москву (210); однакожь велѣлъ Князю Димитрію Бѣльскому итти съ пол-

Воинскія дѣянія.

Походъ на Казань.

Г. 1547 — 1550. ками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ (211): Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втопталъ* въ городъ, *плѣнивъ богатыря* Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отмстили намъ разореніемъ Галицкихъ селъ; но Костромскій Воевода, Яковлевъ, истребилъ всю толпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ предводителя, богатыря Арака (212).

Перемиріе съ Литвою. Не довольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Іоаннъ готовился къ предпріятію рѣшительному: для того желалъ мира съ Литвою, гдѣ ветхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдникъ, Августъ, занимался болѣе любовными, нежели государственными дѣлами, и не имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сношенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый Король молчалъ, и даже не извѣстилъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши, Князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ, писали о томъ къ Литовскимъ Вельможамъ и дали имъ знать, что мы ждемъ ихъ Пословъ для мирнаго дѣла. Въ Генварѣ 1549 года Воевода Витебскій, Станиславъ Кишка, и Маршалокъ Комаевскій

пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ нелѣпыхъ предложеній твердили Боярамъ: „*Посолъ какъ мѣхъ: что въ него вложишь,* „*то и несетъ.* Исполняемъ данное намъ отъ „Короля и Думы повелѣніе." Бояре отвѣтствовали: „И такъ будемъ говорить единственно о перемиріи." Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но Паны Литовскіе не согласились внести новаго Царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямились, такъ, что Послы было-уѣхали изъ Москвы (213): ихъ воротили — и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, Князей Өеодора Оболенскаго и Михайла Голицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ Королю въ его требованіи, чтобы Евреи Литовскіе могли свободно торговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. „Нѣтъ," отвѣчалъ Іоаннъ: „сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ „смертоносныя зелія и злословили Христа „Спасителя; не хочу объ нихъ слышать" (214). — Но ни Россія, ни Литва не желала войны. г. 1547 — 1550.

Г. 1547 — 1550. Дѣла Крымскія

Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ мечемъ Іоанну, и былъ тѣмъ надменнѣе что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и считалъ себя законнымъ властелиномъ единоплеменныхъ съ ними Ногаевъ (215). Онъ самъ писалъ о томъ къ Іоанну; сказывалъ, что Кабардинцы и горные Кайтаки платятъ ему дань; хвалился своимъ могуществомъ, и говорилъ: „Ты былъ „молодъ, а нынѣ уже въ разумѣ: объяви, чего „хочешь? любви или крови? Ежели хочешь „любви, то присылай не бездѣлицы, а дары „знатные, подобно Королю, дающему намъ „15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угод- „но тебѣ воевать, то я готовъ итти къ „Москвѣ, и земля твоя будетъ подъ ногами „коней моихъ" (216). Зная, что Саипъ-Гирей возметъ дары, но не отступится отъ Казани, и что война съ нею должна быть и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца (217). - Однимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и надѣялись управиться со всѣмъ Батыевымъ потомствомъ.

Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двулѣтняго сына, именемъ Утемишь-Гирея, коего мать, прекрасная Сююмбека, дочь Князя Ногайскаго Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ (218). Вельможи возвели младенца Утемишь-Гирея на престолъ, но искали лучшаго Властителя, и хотѣли, чтобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ Россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго Царя, требуя мира (219). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ Послами, спѣшилъ воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Большому въ Суздалѣ, Передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, Сторожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Костромѣ, Лѣвому въ Ярославлѣ (220). 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ Воеводъ служить великодушно отечеству и Царю въ духѣ любви и братства, забыть гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался Князь Владиміръ Андреевичь. Іоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ несноснаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, за-

Г. 1547 — 1553. Смерть Царя Казанскаго.

Походъ на Казань.

г. 1547 — 1560. бывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги (221). Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Февраля стали подъ Казанью: Іоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ Государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воеводъ для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечь; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ; ея знатнѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ тайныхъ друзей склоняли единоземцевъ покориться его великодушію. 60,000 Россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣнобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіяне убили множество людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало, дороги испортились, и войско, не

имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и съ величайшимъ трудомъ итти назадъ. Отправивъ впередъ Большой полкъ и тяжелый снарядъ, Государь самъ шелъ за ними съ легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напоръ непріятеля (222); изъявлялъ твердость, не унывалъ, и занимаясь только одною мыслію, низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго для Россіи Царства, внимательно наблюдалъ мѣста; остановился при устьѣ Свіяги, увидѣлъ высокую гору, называемую Круглою; и взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казанскихъ, Бояръ, въѣхалъ на ея вершину . . . Открылся видъ неизмѣримый во всѣ стороны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской Губерніи. Удивленный красотою мѣста, Іоаннъ сказалъ: ,,Здѣсь будетъ городъ Христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки.'' Всѣ похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-Алей и Вельможи Татарскіе описали ему богатство, плодородіе окрестныхъ земель —и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, возвратился въ Москву съ лицемъ веселымъ.

Г. 1550. 25 Февраля.

Избраніе мѣста для новой крѣпости.

23 Марта.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность Царя, упрекали главнаго Воеводу, Князя Димитрія Бѣльскаго; говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; разсказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности

за его малодушіе или самую измѣну [223]. Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предателемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни властолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана [224].

Ни Государь ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саипъ-Гирея итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было [225]. — Зимою, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ истребилъ остальныхъ, и едва 50 человѣкъ спаслося [226]. За то Государь милостиво угостилъ Воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ, и *жаловалъ* всѣхъ Дѣтей Боярскихъ *великимъ жалованьемъ*.

Впаденіе Ногаевъ.

Г. 1551.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, Властитель знаменитый умомъ и силою, такъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, назы-

вая его *Княземъ Князей* (227). Юсуфъ хотѣлъ г. 1551.
выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суету міра и земнаго величія, ссылался на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государя не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявитъ условія мира, если Казанцы пришлютъ въ Москву пять или шесть знатнѣйшихъ Вельможъ — и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ *Думными* Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита — отпустилъ Шигъ-Алея съ пятью стами знатныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свіяги, гдѣ надлежало имъ *во имя Іоанново* поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были посланы на судахъ Волгою (228). Основаніе Свіяжска.
Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ и Симеонъ Ивановичъ Микулинскій, Дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ (братъ Царицы), Конюшій Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Нагаевъ предводительствовали Московскою ратію. Изъ Мещеры вышелъ Князь Хил-

г. 1551. ковъ, изъ Нижняго Новагорода Князь Петръ Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Бахтеяръ Зюзинъ съ Стрѣльцами и Козаками. Отняли у непріятеля всѣ перевозы на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 Мая, при закатѣ солнца; отпѣлъ тамъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, нечаянно ударилъ на посадъ Казанскій: истребивъ около тысячи сонныхъ людей, болѣе ста Князей, Мурзъ, знатныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, возвратился къ устью Свіяги и ждалъ главнаго войска (229). Оно прибыло на судахъ 24 Мая, и радостными кликами привѣтствуя землю, которой надлежало быть *новою Россіею*, съ торжествомъ вышло на берегъ, гдѣ полки Князя Серебрянаго - Оболенскаго стояли въ рядахъ и показывали братьямъ свои трофеи. Густый лѣсъ осѣнялъ гору; оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли вокругъ онаго со крестами, святили воду, основали стѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергія, и въ четыре недѣли совершили городъ Свіяжскъ (230), къ изумленію окрестныхъ жителей, которые, видя сію грозную твердыню надъ главою ветхаго Казанскаго Царства, смиренно просили Шигъ - Алея взять ихъ подъ державу Іоаннову (231). Вся Горная Сторона, Чуваши,

Мордва, Черемисы — идолопоклонники Финскаго племени, нѣкогда завоеванные Татарами, и не привязанные къ нимъ ни единствомъ Вѣры, ни единствомъ языка — послали своихъ знатныхъ людей въ Москву, дали клятву въ вѣрности къ Россіи, получили отъ Царя жалованную грамоту съ золотою печатію, были приписаны къ новому городу Свіяжскому и на три года освобождены отъ *ясаковъ* или дани. Чтобы удостовѣриться въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли ослушаться, собрались, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хотя, разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожъ, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность (232). Ихъ Князья, Мурзы и Сотники въ теченіи сего лѣта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и надѣляемые шубами, тканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новымъ отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Г. 1551.

Покореніе Горной Стороны.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати

Ужасъ Казанцевъ.

Г. 1551. тысячь воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею (233), а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ Казанскомъ игралъ невинный. безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица Сююнбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну: Крымскіе гнушались сткмъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду Царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть Царемъ. Но сдѣлался бунтъ (234): Крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехъ сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спастися, вездѣ находили Россіянъ, и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощакъ и сорокъ-пять знатнѣйшихъ его единоземцевъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ (235).

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими Воеводами, отправили Пословъ къ Іоанну (236): молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ Цари; обязы-

Мирныя условія съ ними.

вались прислать къ нему младенца Утемишь-Гирея, Царицу Сюмбеку, женъ и дѣтей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную Политику своего дѣда, которая *состояла въ томъ, чтобы не доводить* врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ спѣха, но вѣрно; зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: *удерживать взятое.* Пославъ Адашева къ Воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую Сторону, а Горную, завоеванную мечемъ Россіи, приписать къ Свіяжску. Сія мысль, раздѣлить владѣнія Казани, огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея. „Чтожъ будетъ мое Царство?" говорилъ онъ: „могу ли требовать „любви отъ подданныхъ, уступивъ Россіи „знатную часть земли ихъ?" Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно: „или они будутъ въ ру„кахъ нашихъ, или Государь въ началѣ осе„ни будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ *для*

Г. 1551.

г. 1551. „истребленія вѣроломныхъ." Надлежало повиноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ-Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Царица Сююнбека. Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ Государю Московскому. Не укоряя ни Вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу: въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ: Вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ; что многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато-украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ; пѣстуны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань, и входя въ ладію, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей Царицѣ (237). Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемишъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: Воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили день и стали у

Казани, отъ Волги до Царева луга. Алей Г. 1551.
послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевалъ въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ Царя, по долго не хотѣли уступить Горной Стороны. ,,И вы думаете" — сказали Бояре — ,,что ,,Іоаннъ подобно вамъ легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги: тамъ городъ Христіанскій! Жители окрестныхъ земель ,,торжественно поддалися намъ и воевали ,,Казань: могутъ ли снова принадлежать ей? ,,Забудьте старое: оно не возвратится." Наконецъ *шертныя* грамоты были утверждены печатію Царскою, и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за толпою (258). Шигъ-Алей въѣхалъ въ столицу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ, посадили его на тронъ—и дворъ Царскій наполнился Россійскими плѣнниками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣрили своему счастію; обливались слезами, воздѣвали руки къ небу, славили Бога. ,,Іоаннъ ,,царствуетъ въ Россіи!" говорили имъ Бояре: ,,идите въ отечество, и впредь уже ,,не бойтеся плѣна!" Въ Свіяжскѣ надѣлили ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, съѣстными припасами и послали Волгою вверхъ, числомъ 60,000, кромѣ жителей Вятскихъ и

Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ.

Г. 1551. Пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. „Никогда" — пишутъ современники —„Рос„сія не видала пріятнѣйшаго зрѣлища: то „былъ новый исходъ Израиля!" Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свіяжска, взятіе знатной части Казанскихъ владѣній и воцареніе Алея не стоило Іоанну ни одного человѣка: Россіяне вездѣ гнали, били непріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обагрялись. — Князь Булгаковъ поѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичь и Князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ пятью стами Московскихъ Стрѣльцовъ остался у Шигъ-Алея, а Князь Симеонъ Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ (239).

Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя.

Еще Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами—также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны (240). Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Сторонѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы

укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: ,,боюсь мятежа!" Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, втайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, другихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человѣкъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственные Алеевы Князья и Стрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха (241). Г. 1551.

Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію; что Московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ Царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. ,,Вижу самъ"—отвѣтствовалъ Алей съ горестію—,,что мнѣ не ,,льзя здѣсь царствовать: Князья и народъ ,,ненавидятъ меня; но кто виною? Пусть ,,Іоаннъ отдастъ намъ Горную сторону: Переговоры съ Алеемъ.

,,тогда поручусь за вѣрность Казани; иначе ,,добровольно схожу со трона и ѣду къ Госу-,,дарю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтѣ. ,,Но я Мусульманинъ, и не введу сюда Хри-,,стіанъ; впрочемъ могу оказать вамъ услу-,,гу, если Государь удостовѣритъ меня въ ,,своей милости: до отъѣзда моего изъ Ка-,,зани погублю остальныхъ злыхъ Вель-,,можъ, испорчу весь снарядъ огнестрѣльный ,,и приготовлю легкую для васъ побѣду" (242). Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ возвратился въ Москву, гдѣ находились Послы Казанскіе, Муралей Князь, Костровъ, Алимердинъ, личные непріятели Шихъ-Алея.
Г. 1552. Угадывая мысль Государеву, они — или съ общаго согласія единоземцевъ своихъ, или сами собою — донесли Іоанну, что ихъ Царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова *повиноваться Намѣстнику Московскому.* ,,Если не исполнишь воли народа" — сказали Послы — ,,то откроется бунтъ, неминуемо и скоро. ,,Удали бѣдствіе; удали ненавистнаго зло-,,дѣя. Пусть Россіяне займутъ нашу сто-,,лицу: мы выѣдемъ въ предмѣстія или въ ,,села; хотимъ во всемъ зависѣть отъ воли ,,твоей; будемъ тебѣ усердными слугами; а ,,если обманемъ, то наши головы да падутъ ,,въ Москвѣ!" Не теряя времени, Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя съ престола въ угодность на-*

роду; обѣщалъ Алею милость и жалованье, Г. 1552.
требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. ,,Не жалѣю о престолѣ," говорилъ онъ Адашеву: ,,я не могъ или не умѣлъ быть ,,на немъ счастливъ. Самая жизнь моя здѣсь ,,въ опасности. Повинуюсь Государю: да не ,,требуетъ только, чтобы я измѣнилъ Пра- ,,вовѣрію. Возьмите Казань, но безъ меня; ,,возьмите силою или договоромъ, но не изъ ,,рукъ моихъ." Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ Царство Намѣстнику Государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пушекъ, и пищали съ порохомъ отправивъ въ Свіяжскъ (243), Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велѣлъ Московскимъ Стрѣльцамъ окружить ихъ и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ: ,,Вы ,,думали убить меня, обносили въ Москвѣ, ,,не хотѣли имѣть Царемъ, и требовали ,,Намѣстниковъ отъ Іоанна: станемъ же ,,вмѣстѣ предъ его судилищемъ!" Алей пріѣхалъ съ ними въ Свіяжскъ.

Царь оставляетъ Казань.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ея жителямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ Свіяж-

Г. 1552. скихъ Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости (244). Сіи Князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву въ вѣрности; очистили дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные *холопи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступить въ ея стѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство; брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго . . . . Вдругъ все перемѣнилось.

Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ (245), отпущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья старались разувѣрить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ,

безъ насилія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказывалъ то своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подъѣхали къ городу (246): *ворота Царскія* были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняли народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ Дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ пепелъ и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею. Г. 1552.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца, К. Булгакова. Строеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь Япанча. Утомленіе войска. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ

Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Г. 1552.

---

24 Марта узналъ Государь о происшествіяхъ Казанскихъ: велѣлъ Шигъ-Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурину своему, Данилу Романовичу, итти съ нѣкоторою дружиною въ Свіяжскъ, объявивъ въ торжественномъ засѣданіи Думы, что настало время сразить главу Казани. „Богъ видитъ мое сердце,“ говорилъ онъ: „хочу не земной славы, а по-„коя Христіанъ. Могу ли нѣкогда безъ ро-„бости сказать Всевышнему: *се я и люди,* „*Тобою мнѣ данные,* если не спасу ихъ отъ „свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ ко-„ими не можетъ быть ни мира, ни отдох-„новенія?“ Бояре хвалили рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ Москвѣ и послать Воеводъ на Казань: „ибо „Россія имѣетъ не одного врага: если Крымцы, „Ногаи въ отсутствіе Государя нападутъ „на ея предѣлы, кто защититъ оные?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ, что возметъ мѣры для безопасности Государства и *пойдетъ на свое дѣло.* Велѣли собираться войску, изъ дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Коширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичь Горбатый и Петръ Ивановичь Шуйскій должны были вести Московскіе

Г. 1552. Приготовленіе къ походу Казанскому.

Г. 1552. полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположиться станомъ на берегахъ Камы съ Дѣтьми Боярскими, Стрѣльца и, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свіяжскіе Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна (247).

Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селеховскимъ, и писалъ къ Царю: ,,Думая, что мы обязаны ,,уважать вѣрность не только въ своихъ, но ,,и въ чужихъ слугахъ, умирающихъ за Государя, даю свободу Великому Воеводѣ отца ,,твоего. Всѣ иные знатные плѣнники Московскіе, взятые нами въ славной Оршинской битвѣ, уже во гробѣ.“ Царь изъявилъ Августу искреннюю благодарность, и съ живѣйшею любовію принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, упом-

Отношенія России къ Западнымъ Державамъ.

Освобожденіе старца К. Булгакова.

ленный дальнимъ путемъ, старецъ не могъ обѣдать съ Государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго, Державнаго сына Василіева (248). Г. 1552.

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости — Михайловъ на Пронѣ, Шацкъ на Цнѣ — служили оградою для Рязани и Мещеры (249). Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная Республика, составленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чертами; людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои — говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на ѳеатръ Исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцевъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для раз-

Строеніе новыхъ крѣпостей.

Начало Донскихъ Козаковъ.

Г. 1552. вѣдыванія о Ногаяхъ или Крымцахъ [250], и безпокоили набѣгами Украйну. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами [251]; искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ [252], назвали *его*, думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто Азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли [253]; но Козаки гнушались зависимостію отъ Магометанскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи — и въ 1549 году вождь ихъ Сарыазманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ [254]; обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ

открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ Сѣверныхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый Ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Сагпа (255): онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. „Отдаленіе"— писалъ къ нимъ Султанъ— „мѣшаетъ мнѣ по-„могать Азову и Казани. Заключите тѣс-„ный союзъ съ Ханомъ Крымскимъ. Я ве-„лѣлъ ему отпустить всѣхъ Астраханскихъ „жителей въ ихъ отечество, мною возста-„новляемое. Немедленно пришлю туда и Ца-„ря; дамъ Главу и Казани изъ рода Гиреевъ; „а до того времени будьте ея защитниками „ (256). Но сіи Князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азіи, возникала на развалинахъ: въ ней властвовалъ Ямгурчей (257): онъ вызвался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ Московскій поѣхалъ къ нему для договора. Царевичъ Астраханскій, Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе (258).— Опасаясь единственно Хана Крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ, и собирая войско, готовился

Г. 1552.

Новой Ханъ въ Тавридѣ.

Дѣла Астраханскія.

Г. 1552. имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе, пославъ искать себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную сторону (259); къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей множество людей умирало. Воеводы были въ уныніи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: отчасти силою, отчасти убѣжденіями они заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбатому и Шуйскому спѣшить туда съ полками изъ Нижняго Новагорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горные жители, дѣйствуя какъ непріятели, отгоняли наши табуны (260); Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умертвивъ всѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Астраханскій Царевичь, Едигеръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улусовъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Болѣзнь въ Свіяжскѣ.

Едигеръ Царь въ Казани.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые

думали, что они внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ туда умнаго Архангельскаго Протоіерея Тимоѳея съ Святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ (261). ,,Милостію Божіею, мудростію нашего Царя и ,,вашимъ мужествомъ — писалъ онъ — твердыня Христіанская поставлена въ землѣ ,,враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ ,,кровопролитія. Мы благоденствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить признательность Всевышнему? исполненіемъ Его ,,заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная тревожитъ сердце Государево ,,и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, ,,забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ ,,Содома и Гоморра; что многія благообразныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы ,,Казанскія, оскверняются развратомъ между ,,вами; что вы, угождая имъ, *кладете бритву* ,,*на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ васъ, не только болѣзнію, ,,но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцѣ; крѣпкіе слабѣютъ отъ ,,пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна яви-

Г. 1552.

Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску.

Г. 1552. „лась, и вы уклоняете щитъ предъ ними! „Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ васъ „къ раскаянію. Исправьтеся, или увидите
21 Мая. „гнѣвъ Царя; услышите клятву Церковную."

Государь то присутствовалъ въ Думѣ, то смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле. Бояринъ Князь Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій и Князь Михайло Ивановичь Воротынскій, названный тогда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою Государевымъ* (262), пошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели Князья Иванъ Пронскій Турунтай и Димитрій Хилковъ, Правую Руку Бояринъ Князь Петръ Щенятевъ и Князь Андрей Михайловичь Курбскій, Лѣвую Князь Димитрій Микулинскій и Плещеевъ, Стражу Князь Василій Оболенскій-Серебряный и Симеонъ Шереметевъ, а собственную Царскую Дружину Князь Владиміръ Воротынскій и Бояринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стояли отъ Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда съ запасами и пушками къ Ни-
Совѣтъ о Казани. жнему-Новугороду: но въ Царскомъ Совѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше итти на Казань зимою, нежели лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и дозволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сююнбекѣ (263). Будучи не способенъ къ ратному

дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни тѣломъ чрезмѣрно тучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ (264). „Казань" — говорилъ онъ — „заграждена лѣсами, озерами и болотами: „зима будетъ вамъ мостомъ." Іоаннъ не хотѣлъ ждать, и сказавъ: „войско готово, „запасы отправлены, и съ Божіею помощію „найдемъ путь къ доброй цѣли", рѣшился ѣхать немедленно въ станъ Коломенскій. Г. 1552.

16 Іюня Государь простился съ супругою. Она была беременна: плакала, упала къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ; утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ Царя, и не боится смерти за *отечество*; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: „милуй и благотвори безъ „меня; даю тебѣ волю Царскую; отворяй темницы; снимай опалу съ самыхъ виновныхъ „по твоему усмотрѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, тебя за благость" (265). Анастасія стала на колѣна и въ слухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душею, и въ послѣднемъ нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился (266); просилъ Митрополита и Епископовъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его, Юрія, который *оставался Главою Москвы*. *Святители*, Бояре, народъ, проливая слезы, Выѣздъ Государевъ.

г. 1552. обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ почевать въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ, и на семъ пути встрѣтилъ гонца, съ вѣстію изъ Путивля, что Крымцы густыми толпами идутъ отъ Малаго Дона

Нашествіе Хана Крымскаго. Сѣверскаго къ нашей Украйнѣ (267). Не знали, кто предводительствуетъ ими: Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: „Мы „не трогали Хана; но если онъ вздумалъ „поглотить Христіанство, то станемъ „за отечество: у насъ есть Богъ!" Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хотѣлъ было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Іюня 19. Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣсти (268): Крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать Большому Полку у Колычева, Передовому у Мстиславля, а Лѣвой Рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклицанія: „мы готовы

„умереть за Вѣру и за тебя, Царя добродѣтельнаго!" Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждетъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благость Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверзты, а сердца спокойны. Г. 1552.

21 Іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій, спѣшили къ сему городу; но узнали, что непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся (269). 23 Іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: „Ханъ здѣсь— „осаждаетъ городъ— имѣетъ много пушекъ „и Янычаръ Султанскихъ" Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ Епископа Ѳеодосія (270) и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ— двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху* (271). Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, силь- Приступъ къ Тулѣ.

г. 1552. ное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* [272] или отборныхъ Дѣтей Боярскихъ, изъ Новогородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Ввечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Коширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами: домы загорѣлись и Янычары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодраго начальника и великодушныхъ граждань: одни тушили огонь, другіе бились мужественно, и Янычары не могли взять крѣпости. Ханъ отложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удалился, свѣдавъ, что сильные полки идутъ отъ Коширы. Граждане Тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство Татаръ; увидѣли съ другой стороны пыль столбомъ, и воскликнувъ: „Государь, Государь спѣ-

Бѣгство Хана.

„шитъ къ намъ!" устремились въ слѣдъ за непріятелемъ; взяли его снарядъ огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурина Ханскаго, Князя Камбирдея [273]; самыя жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, и стали на томъ мѣстѣ, гдѣ были шатры Ханскіе [274]. — Обрадованный симъ успѣхомъ, Іоаннъ далъ отдохнуть войску и почевалъ подъ Коширою.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Щенятевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не знали о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и встрѣтили Россіянъ (275). Въ сей жестокой битвѣ Князь Андрей Курбскій, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Татаръ, и на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлые табуны вельблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во свояси (276). — Легкіе отряды наши топтали Крымцевъ до самыхъ степей. Г. 1552.

Іоаннъ возвратился въ Коломну, извѣстилъ Царицу, брата, Митрополита о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву трофеи: пушки непріятельскія, вельблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу свидѣтельствомъ нашей побѣды (277); а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя путями, объявивъ, что Дружина Царская, Лѣвая Рука и Запасный Полкъ должны итти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтися съ Государемъ въ полѣ за Алатыремъ (278). — Въ Наши трофеи.

*

Г. 1552. войскѣ сдѣлался ропотъ: Новогородцы, Дѣти
Ропотъ въ войскѣ. Боярскіе, жаловались, что Царь не даетъ имъ отдохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ трудахъ; что имъ невозможно вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. „Первые" — говорилъ онъ — „будутъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу „знать ихъ нужды, и все раздѣлю съ ними. „Другіе же могутъ остаться: мнѣ ненадобно малодушныхъ!" Сіи слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: „Идемъ, куда угодно Государю; а по„слѣ онъ увидитъ нашу службу и не оста„витъ бѣдныхъ." Самые безпомѣстные Дѣти Боярскіе молчали о своихъ недостаткахъ въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

Походъ. 3 Іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ и стояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невскаго, и благословилъ память Святыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ

Владиміръ донесли ему изъ Свіяжска, что г. 1552.
болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію: что Князья Микулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичь ходили на мятежниковъ Горной Стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи (279).
Въ Муромѣ увѣдомили Государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи Царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учителя. „Будь чистъ „и цѣломудренъ душею,“ говорилъ онъ: „смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. „Добродѣтели Царя спасительны для Царства.“ И Государь и Воеводы читали сію грамоту съ любовію. „Благодаримъ тебя“— отвѣтствовалъ Іоаннъ Митрополиту — „за Пастырское ученіе, вписанное у меня „въ сердцѣ. Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да „сподобитъ насъ Господь возвратиться съ „миромъ для Христіанъ (280)“! Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать Дѣтей Боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Стрѣльцами; послалъ

Г. 1552. дружину Ятроульную [281] наводить мосты, и 20 Іюля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома. Вторый станъ былъ на Шилекшѣ, третій подъ Саканскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Манѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь. и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. „Мы не имѣли запасовъ съ собою", пишутъ очевидцы: „вездѣ Природа до наступленія поста готовила для насъ изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, „рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами „падали на землю предъ нами" [282].

Тутъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свіяжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ тишинѣ и мирѣ [283]. Мятежники раскаялись, и Царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью.

—6 Августа Іоаннъ на рѣчкѣ Кивашѣ слушалъ Литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свіяжскіе встрѣтили Государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбатый и Вельможа Данило Романовичь; во второмъ Князья Симеонъ Микулинскій и Петръ Серебряный-Оболенскій съ Дѣтьми Боярскими; въ третьемъ Козаки и Горные жители, Черемисы съ Чувашами. Царь привѣтствовалъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячь (284); звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темные; съ другой величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселіе господствовали въ станѣ (285). Г. 1552.

Августа 13 открылся Свіяжскъ: съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его велѣніемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества

Г. 1552. Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ крестами, Князь Петръ Шуйской и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною приняли Іоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свіяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, домы, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи иного, столь счастливаго мѣстоположенія. Для него изготовили домъ. „Мы „въ походѣ,“ сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и спалъ въ шатрахъ на лугу Свіяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилія и пріятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостиный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоцѣнности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были *какъ дома* (286): могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать . . . . Но Іоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, Князя Вла-

димира Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно итти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ станъ къ Іоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то всѣ иные могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Татариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу (287). Г. 1552.

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой,

г. 1552. они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ: усиленная воспоминаніями древности — раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства — она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: „не въ первый разъ увидимъ Москви-„тянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ по-„бѣгутъ назадъ во-свояси, и будемъ смѣяться „надъ ними!“ Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы *исполнить мѣру долготерпѣнія*, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ (288) былъ уже на Луговой сторонѣ Волги.

Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и *тарасы* (289), чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Іоаннъ получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на миръ; поносили Государя, Россію, Христіанство; именовали Алея предателемъ и злодѣемъ писали: „все готово: ждемъ васъ на пиръ!“ —Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ (290), съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ Мурза Камай (291), и донесъ Государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что Царь Едигеръ, Кульшерифъ-Молла или Глава Духовенства, Князья ИзенешьНогайскій, Чапкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевить на- Г. 1552.

Г. 1552. родъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ (292); что Князь Япанча (293) со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружитъ, собратъ тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожитъ станъ Россіянъ. Іоаннъ принялъ Комая милостиво; совѣтовался съ Боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ (294); Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукѣ берегъ Казанки, Сторожевому устье Булака, Лѣвой Рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу (295); строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ Государева слова—и 23 Августа, въ часъ разсвѣта войско двинулось. Впереди шли Князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Стрѣльцами; за Воеводами Атаманы,—Головы Стрѣлецкіе, Сотники, всякой по чину и въ своемъ мѣстѣ, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ,—распустили знамена и Святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ живо-

творящій креспъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Г. 1552.
Царь и всѣ Воеводы сошли съ коней, опиѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и Государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ Героевъ, которые падутъ за Вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества Христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичъ и Бояре отвѣтствовали ему со слезами: „Дерзай, Царю! мы всѣ единою душею за Бога и за тебя.“ Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ Святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ, и громко сказавъ: „о Твоемъ имени движемся!“ повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто (296); не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Царь Казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Воеводы говорили другъ другу: „будемъ тѣмъ осторожнѣе!“

Россіяне обступали Казань. 7000 Стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предъ собою —не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженяхъ Осада.

Г. 1552. (297) —Царскія палаты, мечети каменныя, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю . . . Вдругъ раздался шумъ и крикъ: *заскрыпѣли, отворились ворота*. и 15,000 Татаръ, конныхъ

Первая битва. и пѣшихъ, устремились изъ города на Стрѣльцовъ: разстроили, сломили ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ; они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣтей Боярскихъ (298). Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день

Буря. сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскій и многіе шатры; потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба,

должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью (299). г. 1552.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ Правою Рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь, Князь Шемякинъ, былъ раненъ; но Князь Дмитрій Хилковъ, Глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ Дѣтьми Боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость.—Ночью Сторожевый Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а Козаки, подъ самою городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ.—Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа (300). Ставятъ туры.

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: Князь Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; Князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ изъ собственной Дружины (301). Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ;

Г. 1552. а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и
Сильная вылазка. пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые Россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, Козаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Князю Воротынскому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни Полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви, и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять біющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Россіянъ, и Государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны. Казанцы лишились въ семь дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго Князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитянъ находился добрый витязь, Леонтій Шушеринъ (502).

27 Августа Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу

со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ Князь Мстиславскій съ частію Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ защитить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго Улана, именемъ Карамыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою (303). Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, готовые умереть, не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Г. 1552. Дѣйствіе бойницъ.

Въ слѣдующій день Россіяне ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу Передоваго Полку и кинулся на его станъ (304). Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій (305), одинъ за другимъ спѣшили удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаннъ, отрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали Татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣланнаго Казан-

Наѣздникъ Князь Япанча.

Г. 1552. цами на пути въ городъ Арскъ; что имъ велѣно *не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми наѣздами* [306].

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки Казанки подъ защитою Стрѣльцовъ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, *Хилковъ, Оболенскій, стояли въ рядахъ,* ожидая Татаръ, между тѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Димитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки [307]. Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, *видя* Россіянъ готовыхъ къ битвѣ; и ввечеру донесли Іоанну, *что весь городъ окруженъ* нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій [308].

Утомленіе войска. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: Князь

Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ (309). Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу Царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы устрашенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, вписнули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ прямо, на станъ главнаго войска Московскаго. Тогда Князь Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на Татаръ: они изумились; но, будучи уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Князь Александръ съ конными, много-

Г. 1552.

Раздѣленіе полковъ

Истребленіе Япанчина войска.

Г. 1552. численными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ остановилъ своего упомянутаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ (310); однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ Вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то

Ожесточеніе Казанцевъ.

же время сановники Государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: „Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему“ (311). Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣнныхъ согражданъ, и кричали: „лучше „вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели „отъ злой Христіанской руки!“ Сіе остервененіе удивило Россіянъ и Государя.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ,

онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то есть, Инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ Государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ (312). Воеводы наши хотѣли отрыть сей тайникъ, но не могли (313), и Государь велѣлъ подкопать его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими Козаками. Для сего Размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться (314). Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ—и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

Г. 1552.

Взорваніе тайника.

г. 1552. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили ихъ: рыли, и нашли ключь, малый, смрадный, которымъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Уныніе Казанцевъ.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій: останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемыя ядрами и каменьями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградились въ семъ мѣстѣ тарасами.

Дѣятельность Іоаннова.

6 Сентября Іоаннъ поручилъ Князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ ними были Бояре Данило Романовичь и Захарія Яковлевъ, Князья Булга-

ковъ и Палецкій, Головы Царской Дружины, Г. 1552.
Дъти Боярскіе, Стрѣльцы, Атаманы съ Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые (315). Россіане плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Христіанъ - соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, Князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ, что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости (316).

Взятіе острога и города Арскаго.

Г. 1552.

Еще опасности и труды не уменшились. Лѣсъ Арскій уже не мешалъ стрѣлъ въ Россіянъ: за то Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе путь Воеводы Правой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; но опасаясь новыхъ нападеній, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой Полкъ, который сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости (317), отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что Казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ Россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Нападенія Луговой Черемисы.

Мнимыя чародѣйства.

Построеніе высокой башни.

Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вы-

шиною въ шесть сажень; ночью придвинули Г. 1552.
ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ;
поставили на ней десять большихъ
орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину
искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра, и
возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки
стояли выше стѣны, и мѣтили въ людей
на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались
въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами;
подобно змѣямъ, выползали оттуда и
сражались неослабно; уже не могли употреблять
большихъ орудій, сбитыхъ нашею
пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ
ружей, изъ пищалей *затинныхъ* (318), и мы
теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ.
— Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя
предложенія, приказывая къ осажденнымъ,
что если они не хотятъ сдаться,
то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ
Царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, Предложенія Казанцамъ.
съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ
только города, основаннаго на землѣ
Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи
(319). Казанцы *не слушали ни краемъ уха*,
по выраженію Лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротынскій
подвигалъ туры ближе и ближе
къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ,
шириною въ три сажени, а глубиною въ
семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: Стрѣльцы,
Козаки, Головы съ людьми Боярскими стояли
за оными, бились до изнуренія силъ, и

Г. 1552. смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разстоянія, бой пресѣкался отъ усталости: тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ: видя, что многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать, и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячь, тихо вылѣзли изъ своихъ норъ, и подъ начальствомъ Вельможъ, главныхъ Царскихъ Совѣтниковъ, именуемыхъ Карачами, устремились къ турамъ, смяли Россіянъ и схватили ихъ пушки. Тутъ Князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись въ сѣчу. „Не выдадимъ отцевъ!" кричали Россіяне и бились мужественно. Воеводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, пали въ толпѣ, опасно уязвленные: ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненный въ лице, не оставлялъ битвы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились Муромцы, Дѣти Боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестію* (320): ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣснясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ тоже время непріятель нападалъ и на туры Передоваго Полку, однакожъ не весьма усильно (321). Государь

Кровопролитное дѣло.

видѣлъ собственными глазами оба дѣла: Г. 1552.
изъявивъ особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязямъ Муромскимъ, онъ навѣстилъ раненыхъ Воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячь непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей (322). Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 Сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для Казанцевъ, произвело оцѣпенѣніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а Россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, Казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: „Царь съ нами!“ бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раз-

Взорваніе тарасъ.

Г. 1552. давался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе Россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарами. Князь Михайло Воротынскій увѣдомилъ о томъ Государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ итти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то Князь Воротынскій заналъ Арскую башню нашими стрѣлками (323): они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали Воеводамъ: „здѣсь „будемъ ждать васъ" — и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Занятіе Арской башни.

Наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приближились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: „Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, „на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ „иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ „или отсидимся!“ Тогда Государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*.

Г. 1552.

Послѣднее предложеніе Казанцамъ.

Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы, отъ Татаръ бродящихъ по лѣсамъ, отъ Ногайскихъ Улусовъ, и чтобы отрѣзать Казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимов

Устроеніе войска для приступа.

г. 1552. цами и жителями Горной Стороны заняти дорогу Арскую и Чуващскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ (324). Отпустивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ Козаками, Головамъ съ Стрѣльцами и Дворовымъ людямъ (325), раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ; за ними идти полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воротынскому съ Окольничимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и Поганаго озера; Князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збоиливыя, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Мураелевы, Димитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Димитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ (326). Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему ска-

зать, что Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ Заутреню въ церкви, отпустилъ Дружину Царскую, молился изъ глубины сердца . . . . Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою. Г. 1552.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши (327); ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ; земля дрогнула, церковь затряслася . . . Государь вышелъ на папертъ: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ ды-

Взорваніе подкоповъ, и приступъ.

Г. 1552. ма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго [328] — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ . . . Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменшилось; многіе пали мертвые или раненные, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ . . . И въ

Геройство съ обѣихъ сторонъ.

ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю Литургію [329], причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего Отца Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду [330]. Г. 1552.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ итти и другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими Вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки—и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь итти съ обнаженными мечами за во-

Корыстолюбіе многихъ воиновъ.

Г. 1552. инами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани; относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ (331). Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. „Съ нимъ были" — пишетъ Курбскій — „великіе *Синклиты*, „мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ „добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ:" они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ

Великодушіе Іоанна и Бояръ. великодушіе, взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ (332). Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ блестящихъ доспѣхахъ, въ пернатыхъ шлемахъ, какъ буря награнула на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей,

гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абызы, Сеиты, Моллы и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота . . . Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля, и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. „Слушайте," сказали Казанцы: „доколѣ у насъ было Царство, мы умирали „за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: „отдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: „ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на ши-

Г. 1552.

Доблесть К. Курбскаго.

Взятіе Казани.

Г. 1552. „рокое поле, испишь съ вами послѣднюю ча-„шу.“ Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Шалец-кому главнаго, престарѣлаго Вельможу или Карача, именемъ Заніеша, и двухъ *мамичей* или совоспитанниковъ Царскихъ (333); начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли итти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи (334). Но Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю,—шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ, до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы насти-

гли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслись немногіе, и то раненные (335). г. 1552.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася (336): раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ (337). Дворъ Царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный Военачальникъ, Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать Государю: „Радуйся, благочестивый Самодержецъ! „Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда „совершилась: Казань наша. Царь ея въ „твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ „плѣну; несмѣтныя богатства собраны: что „прикажешь?“ *Славить Всевышняго,* отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣвъ руки на небо; велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію, и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской (338). Князь Палецкій представилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: „Несчастный! развѣ „ты не зналъ могущества Россіи и лукавства Казанцевъ?“ Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, Водруженіе креста у вороть Царскихъ.

Г. 1552. изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости [339]. Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея [340], Вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ*; велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичь и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: „Избавитель! ты вывелъ „насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, „не щадилъ головы своей!" Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы Казанцевъ, говорилъ: „это не Христіане, но „подобные намъ люди"; видя мертвыхъ Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія [341]. При вступленіи во дворецъ Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровію Христіанъ, „тамъ видимъ крестъ животворящій и Го-

Въѣздъ Государевъ въ Казань.

Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ.

„сударя нашего во славѣ“ (342)! Всѣ едино- Г. 1552.
гласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность Небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ войству; взялъ только утварь Царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ: „*моя* „*корысть есть спокойствіе и честь Рос-* „*сіи*“ (343)! Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско, и вышелъ къ полкамъ съ лицемъ свѣтлымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* (344). Іоаннъ сталъ предъ войскомъ и громко произнесъ рѣчь, исполненную любви и милости. „Воины „мужественные!“ говорилъ онъ: „Бояре, „Воеводы, чиновники! въ сей знаменитый „день *страдая* за имя Божіе, за Вѣру, „отечество и Царя, вы пріобрѣли славу „неслыханную въ наше время. Никто не „оказывалъ такой храбрости; никто не „одерживалъ такой побѣды! Вы новые Маке- „доняне, достойные потомки Героевъ, ко- „торые съ Великимъ Княземъ Димитріемъ „сокрушили Мамая! Чѣмъ могу воздать вамъ? „. . . . Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на „полѣ чести, лежащіе! вы уже сіяете въ „вѣнцахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Му- „чениками Христіанства. Се дѣло Божіе: „наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ,

Рѣчь Іоанна къ войску.

Г. 1552. „вписать имена ваши на хартіи священной „для поминовенія въ Соборной Апостольской Церкви. А вы, своею кровію обагренные, но еще живые для нашей любви и „признательности! всѣ храбрые, коихъ вижу „предъ собою! внимайте и вѣрьте моему „обѣту любить и жаловать васъ до конца „дней моихъ . . . Теперь успокойтесь, „побѣдители!“ Войско отвѣтствовало радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ шурина своего, Данила Романовича, въ Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ, къ Митрополиту, къ Князю Юрію; сѣлъ обѣдать съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ (345). Сей великолѣпный праздникъ отечества украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы и надеждою будущаго благоденствія.

Пиръ въ станѣ.

Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жалованныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. „Идите „къ намъ—писалъ онъ—безъ ужаса и боязни. „Прошедшее забываю, ибо злодѣйство уже „наказано. Платите мнѣ, что вы платили „Царямъ Казанскимъ.“ Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы, они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные милостивымъ словомъ Іоанновымъ, возвратились въ домы. Сперва жители Арскіе, а послѣ вся Луговая Черемиса прислали старѣйшинъ въ станъ къ Государю и дали клятву вѣрности (346).

Подданство Арской области и Луговой Черемисы.

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ Духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Каѳедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* [347]. Іереи кропили улицы, стѣны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вовѣки неприступною для враговъ, вовѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи! . . . Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское.

Г. 1552.

Торжественное вступленіе въ Казань.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитѣйшихъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны [348], гдѣ издавна съѣзжались купцы Армянскіе, Хивинскіе, Персидскіе (и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и Болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115

Г. 1552. лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неупомнимо враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ пролiянную (349). Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ *великому зрѣлищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужа-

Зрѣлище Казани.

совъ кровопролитія, послѣ безмолвія смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!*— Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное, теплое, и Россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вступили въ нее какъ бы весною. Г. 1552.

6 Октября Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія (350). Въ слѣдующіе дни Іоаннъ занимался учрежденіемъ Правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ, а Князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ письменное наставленіе, 1500 Дѣтей Боярскихъ, 3000 Стрѣльцовъ со многими Козаками, и 11 Октября изготовился къ отъѣзду, хотя благоразумные Вельможи совѣтовали ему остаться тамъ до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ (351): Мордва, Чуваши, Вотяки (въ Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улу-

Учрежденіе Правительства.

Совѣтъ Вельможъ.

г. 1552. совъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнулъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями Царицы (352) и другими сановниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россійскимъ Угодникамъ Божіимъ, Царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, и 12 Октября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василю городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ(353).

Возвратный путь Государя въ Москву.

Пробывъ только одинъ день въ Свіяжскѣ, и назначивъ Князя Петра Шуйскаго Правителемъ сей области, Іоаннъ 14 Октября подъ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги, встрѣтили его всѣ граждане со крестами, и преклонивъ колѣна, обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; славили побѣдителя, громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, такъ, что

сей *благодарный плачь*, заглушая пѣніе Священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть (354). Тутъ же Послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ* (355). Собравъ въ Нижнемъ все воинство; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что разстается съ ними до перваго случая обнажить со славою мечь за отечество, онъ уволилъ ихъ въ домы; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ, и въ Судогдѣ встрѣтилъ Боярина, Василія Юрьевича Траханіота, который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына, Царевича Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота; благодарилъ небо, плакалъ, и не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя (356). Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ (357): рожденіе наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никиту Романовича, къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, въ Суздалѣ, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостію (358); заѣхалъ въ славную Троицкую Обитель

г. 1552.

Рожденіе Царевича.

Г. 1552. Св. Сергія, знаменовался у гроба его, вкусилъ хлѣба съ Иноками, и 28 Октября ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, Князь Юрій, и нѣкоторые Бояре съ поздравленіемъ; а на другой день, рано, при-

Встрѣча Іоанна.

ближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы (359) безчисленное множество народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ съ открытою главою, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: „многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!" Тамъ, гдѣ жители Московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду въ нашествіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій — тамъ Митрополитъ, Епископы, Духовенство съ сею иконою, старцы Бояре, Князь Михайло Ивановичь Булгаковъ (360), Иванъ Григорьевичь Морозовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чиноначальниками стояли подъ церковными хоругвями (361). Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ

Рѣчь Государева къ Духовенству.

Образу, и благословенный Святителями, сказалъ: „Соборъ Духовенства Православнаго! Отче Митрополитъ и Владыки! я молилъ „васъ быть ревностными ходатаями предъ „Всевышнимъ за Царя и Царство, да отпу-

„сняпися мнѣ грѣхи юности, да устрою зе- г. 1552.
„млю, да буду щитомъ ея въ нашествія варва-
„ровъ; совѣтовался съ вами о Казанскихъ
„измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя,
„погасить огнь въ нашихъ селахъ, унять
„текущую кровь Россіянъ, снять цѣпи съ
„Христіанскихъ плѣнниковъ, вывести ихъ
„изъ темницы, возвратить отечеству и
„Церкви. Дѣдъ мой, отецъ, и мы посылали
„Воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, испол-
„няя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ по-
„ле. Тогда явился другой непріятель, Ханъ
„Крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чтобы
„въ наше отсутствіе истребить Христі-
„анство. Вспомнивъ слово Евангельское:
„*бдите и молитеся, да не внидете въ на-
„пасть*! вы, достойные Святители Церкви,
„молились—и Богъ услышалъ васъ, и помогъ
„намъ—и Ханъ, гонимый единственно гнѣ-
„вомъ Небеснымъ, бѣжалъ малодушно! . . Обо-
„дренные явнымъ дѣйствіемъ вашей моли-
„твы, мы подвиглись на Казань, благополуч-
„но достигли цѣли, и милостію Божіею,
„мужествомъ Князя Владиміра Андреевича,
„нашихъ Бояръ, Воеводъ и всего воинства,
„сей градъ многолюдный палъ предъ нами:
„судомъ Господнимъ въ единый часъ изгибли
„невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ взятъ въ
„плѣнъ, исчезла прелесть Магометова, на
„ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ; обла-
„сти Арская и Луговая платятъ дань Рос-
„сіи; Воеводы Московскіе управляютъ зем-

Г. 1552. ,,лею; а мы, во здравіи и веселіи, пришли сю-,,да къ образу Богоматери, къ мощамъ великихъ Угодниковъ, къ вашей Святынѣ, въ ,,свою любезную отчизну—и за сіе Небесное ,,благодѣяніе, вами испрошенное, тебѣ, отцу ,,своему, и всему Освященному Собору, мы ,,съ Князёмъ Владиміромъ Андреевичемъ и со ,,всѣмъ воинствомъ въ умиленіи сердца кла-,,няемся“ (362). Тутъ Государь, Князь Владиміръ и вся дружина воинская поклонились до земли. Іоаннъ продолжалъ: ,,Молю васъ и ,,нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ у ,,престола Божія и мудрыми своими наставленіями способствуете мнѣ утвердить за-,,конъ, правду, благіе нравы внутри Государ-,,ства; да цвѣтетъ отечество подъ сѣнію ,,мира въ добродѣтели; да цвѣтетъ въ немъ ,,Христіанство; да познаютъ Бога истин-,,наго невѣрные, новые подданные Россіи, и ,,вмѣстѣ съ нами да славятъ Святую Тро-,,ицу во вѣки вѣковъ. Аминь!“

Отвѣтъ Митрополитовъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ: ,,Царю ,,благочестивый! мы, твои богомольцы, удив-,,ленные избыткомъ Небесной къ намъ ми-,,лости, что речемъ предъ Господомъ? развѣ ,,токмо воскликнемъ: *дивенъ Богъ творяй* ,,*чудеса*! . . Какая побѣда! какая слава для ,,тебя и для всѣхъ твоихъ свѣтлыхъ спо-,,движниковъ! Что мы были? и что нынѣ? ,,Вѣроломные, лютые Казанцы ужасали Рос-,,сію, жадно пили кровь Христіанъ, увлекали ,,ихъ въ неволю, оскверняли, разоряли свя-

,,тыя церкви. Терзаемый бѣдствіемъ отече- г. 1552.
,,ства, ты, Царь великодушный, возложивъ
,,*неуклонную* надежду на Бога Вседержителя,
,,произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился
,,съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть;
,,*страдалъ до крови*; предалъ свою душу и
,,тѣло за Церковь, за отечество — и благо-
,,дать Небесная возсіяла на Тебѣ, якоже на
,,древнихъ Царяхъ, угодныхъ Господу: на Кон-
,,стантинѣ Великомъ, Св. Владимірѣ, Дими-
,,тріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты
,,сравнялся съ ними — и кто превзошелъ те-
,,бя? Сей царствующій градъ Казанскій, гдѣ
,,гнѣздился змій какъ въ глубокой норѣ сво-
,,ей, уязвляя, поядая насъ — сей градъ, столь
,,знаменитый и столь ужасный, лежитъ без-
,,душный у ногъ твоихъ; ты растопталъ
,,главу змія, освободилъ тысячи Христіанъ
,,плѣненныхъ, знаменіями истинной Вѣры освя-
,,тилъ скверну Магометову — навѣки, навѣки
,,успокоилъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ
,,тебя совершенное! ибо ты помнилъ слово
,,Евангельское: *рабе благій! въ малѣ былъ еси*
,,*вѣренъ: надъ многими тя поставлю*! Веселися,
,,о Царь любезный Богу и отечеству! Даро-
,,вавъ побѣду, Всевышній даровалъ тебѣ и
,,вожделѣннаго, первороднаго сына! Живи и
,,здравствуй съ добродѣтельною Царицею
,,Анастасіею, съ юнымъ Царевичемъ Дими-
,,тріемъ, съ своими братьями, Боярами и со
,,всѣмъ православнымъ воинствомъ въ бого-
,,спасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и

Г. 1552. „на всѣхъ своихъ Царствахъ, въ сей годъ и „въ предъидущія многія, многія лѣта. А мы „тебѣ, Государю благочестивому, за твои „труды и подвиги великіе со всѣми Святи-„телями, со всѣми православными Христі-„анами кланяемся." Митрополитъ, Духовенство, сановники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ; благословенія раздавались, долго и непрерывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія; съ любовію и благодарностію поклонился мощамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, гробамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитые, и спѣшилъ наконецъ во Дворецъ. Царица еще не могла встрѣтить его: лежала на постелѣ; но увидѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь: въ восторгѣ упала къ ногамъ Державнаго Героя, который, обнимая Анастасію и сына, вкусилъ тогда всю полноту счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лице Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, успѣхахъ, хитростяхъ осады;

о злобномъ ожесточенiи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россiянъ, и возвышался сердцемъ, повторяя: „мы завоевали „Царство! что скажутъ въ свѣтѣ“ (363)? Г. 1552.

Нѣсколько дней посвятивъ счастiю семейственному, Iоаннъ, Ноября 8, далъ торжественный обѣдъ, въ Большой Грановитой палатѣ, Митрополиту, Епископамъ, Архимандритамъ, Игуменамъ, Князьямъ Юрiю Василiевичу и Владимiру Андреевичу, всѣмъ Боярамъ, всѣмъ Воеводамъ, которые мужествовали подъ Казанью. „Никогда, говорятъ Лѣтописцы, не видали мы такого великолѣпiя, празднества, веселiя во дворцѣ Московскомъ, ни такой щедрости.“ Iоаннъ дарилъ всѣхъ, отъ Митрополита до простаго воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; Князя Владимiра Андреевича жаловалъ шубами, златыми Фряжскими кубками и ковшами; Бояръ, Воеводъ, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянiю одеждами съ своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; три дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными, и три дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ-восемь тысячь рублей (около миллiона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, розданныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ чиновникамъ (364).

Пиръ во дворцѣ и Царь Iоанновы.

*

г. 1552. Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій, Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери, у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Готической Архитектуры въ нашей древней столицѣ (365).

Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ . . . Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вѣнценосца.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Владеніе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ Кирменъ. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іо-

аннъ даетъ перемиріе *Ливоніи*. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистеръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ *Императора* Новое разореніе *Ливоніи*. Взятіе Маріенбурга Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи.

Г. 1552 - 1560.

Г. 1552. Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, Государь отправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крестилъ Димитрія у мощей Св. Сергія (366).— Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжество государственное Христіанскимъ: два Царя Казанскіе, Утемишъ-Гирей и Едигеръ, пріяли Вѣру Спасителя. Перваго, еще младенца, крестилъ Митрополитъ въ Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели (367). Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озаришься свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита: ,,не нужда ли, не страхъ ли, не мір- ,,ская ли польза внушаетъ ему сію мысль?“ отвѣтствовалъ рѣшительно: ,,нѣтъ! люблю ,,Іисуса и ненавижу Магомета!“ Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-рѣки, въ присутствіи Государя, Бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспріемникомъ отъ купѣли. Едигеръ, названный Симеономъ,

Крещеніе Царевича Димитрія.

Г. 1553.

Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ.

26 Февр.

удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множество слугъ, и женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи (368); пользовался всегда милостію Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Вѣру. Г. 1553.

Послѣ многихъ неописанно - сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертоносная язва, которая подъ именемъ *железы* столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ Октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ (369). Узнавъ о семъ, Новогородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва въ Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмилліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Серапіонъ, который не берегъ себя, утѣшая несчастныхъ. На его опасное мѣсто Митрополитъ поставилъ Монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской пустыни; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился, Язва.

Г. 1553. святилъ воду — и Пименъ, 6 Декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы притупилъ жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ.

Мятежи въ землѣ Казанской. Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи. Луговые и Горные жители убивали Московскихъ купцевъ и людей Боярскихъ на Волгѣ (870): злодѣевъ нашли и казнили 74 человѣка; но скоро вспыхнулъ бунтъ: Вотяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умерщвляли нашихъ чиновниковъ, стали на высокой горѣ, у засѣки; разбили Стрѣльцовъ и Козаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 Россіянъ легло на мѣстѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мешѣ, мятежники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили Горную Сторону набѣгами. Воевода, Борисъ Салтыковъ, зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ пѣхоты и конницы, тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель, катясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усталости и потеряли до пяти сотъ человѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся двумя побѣдами, ду-

мали, что господство Россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ. Г. 1553.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ (371). Уныніе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда (372). Но Государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ, что Дворъ, Москва Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможи до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: „грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда Небо отнимаетъ у Россіи „такого Самодержца“ (373)! Народъ толпился въ Кремлѣ; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами ороненныя лица — а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шопотъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Представилось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на

Болѣзнь Царя.

Марта 1.

Г. 1555. цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравія, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними (374): не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичъ, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: „смѣешь ли браниться со мною?“ *Смѣю и драться*, отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Димитрія; не я, но они повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина.* Іоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: „Кого же „думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣ„ловать крестъ на имя моего сына? Развѣ „забыли вы данную вами клятву служить „единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?.. Не „имѣю силъ говорить много,“ примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: „Димитрій и въ пе„ленахъ есть для васъ Самодержецъ закон„ный; но если не имѣете совѣсти, то бу„дете отвѣтствовать Богу.“ На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо

не видали Государя предъ собою; а Θедоръ г. 1553.
Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, саномъ Окольничій, изъяснился откровенне такими словами: „Тебѣ, Государю, и сыну твоему „мы усердствуемъ повиноваться, но не За„харьинымъ Юрьевымъ, которые безъ сомнѣ„нія будутъ властвовать въ Россіи именемъ „младенца безсловеснаго. Вотъ что стра„шитъ насъ! А мы, до твоего возраста, „уже испили всю чашу бѣдствій отъ Бояр„скаго правленія.“ Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священный долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна — и разошлися.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ Боярскихъ, которыя снова могли водвориться въ Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова—не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти (375) — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твер-

Г. 1553. досшію. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Лѣтописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно испровергнуть наслѣдственный уставъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, правственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державъ. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастію, другіе Бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ Князья Иванъ Ѳеодоровичь Мстиславскій, Владиміръ Ивановичь Воротынскій, Димитрій Палецкій, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ (376). Между тѣмъ донес-

ли Іоанну, что Князья Петръ Щенятевъ, г. 1553.
Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Димитрій Нѣмый-Оболенскій во дворцѣ и на площади славятъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: „лучше служить старому, „нежели малому и работѣтствовать Захарьинымъ“ (377). Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и такъ называемою *цѣлоеальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Іоаннъ сказалъ ему: „Вижу твое намѣреніе: бойся Всевышняго!“ а Боярамъ, давшимъ клятву: „Я слабѣю; оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти.“ Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ отвѣтствовали: „Знаемъ, чего вы желаете: быть господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему.“ Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичь и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ Дѣтей Боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ

Г. 1553. слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простый Іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ Лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и судіямъ и Воеводамъ (378); мыслилъ, а Царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожь измѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего Князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: „кто дерзаетъ удалять брата отъ брата

„и злословить невиннаго, желающаго лить „слезы надъ болящимъ.“ Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не терпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе. Г: 1553.

Въ слѣдующій день Государь вторично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: „Въ последній разъ требую отъ васъ присяги. „Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними „Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Во-„ротынскимъ: я не въ силахъ быть того „свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву „умереть за меня и за сына моего, вспо-„мните оную, когда меня не будетъ; не „допустите вѣроломныхъ извести Царевича: „спасите его; бѣгите съ нимъ въ чужую „землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь! . . . „А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно „щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не „пощадятъ васъ; вы будете *первыми мер-„твецами*. И такъ явите мужество; умри-„те великодушно за моего сына и за мать „его; не дайте жены моей на поруганіе „измѣнникамъ!“ Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердцѣ Бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а Князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ

г. 1553. сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ Князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воронынскаго, сказалъ ему: „отецъ твой и ты самъ были первымъ „измѣнникомъ по кончинѣ Великаго Князя „Василія; а теперь приводишь насъ къ святому кресту!“ Воронынскій отвѣчалъ ему спокойно: „да, я измѣнникъ, а требую „отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ Государю „нашему и сыну его; ты праведенъ, а не „хочешь дать ее!“ Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Димитрій Палецкій, сватъ Государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ Князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ (379)! Еще двое изъ Вельможъ оставались въ подозрѣніи: Князь Димитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ Князь Владиміръ

Андреевичь обязался клятвенною грамотою Г. 1553.
не думать о Царствѣ и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю (380); а мать Владимірова долго не хотѣла приложить Княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: „что значитъ присяга *невольная*?

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ крѣпкіи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ доподѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкото-

г. 1553. рыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичь и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?..

Что жь сдѣлалъ Іоаннъ (381)? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе (382); честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра (383). Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; *уважая* того и другаго, простылъ къ нимъ въ *любви*; обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно пристойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть

въ продолженіе времени. Всего хуже было г. 1553.
то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію (384), думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость (385), и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Май. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ (386), но

Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь.

*

Г. 1553. освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. „Государь!" сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: „пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и „съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные „угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно „искать только въ пустыняхъ: весь міръ „исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ Небесной „благости, то *благотвори на престолѣ.* „Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ „Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло Царское" (387)! Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичь *Димитрій будетъ* жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ (388).— Но важнѣйшимъ обстоятель-

Іюнь. Смерть Царевича Димитрія.

г. 1553. Важная бесѣда Іоанна съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ.

ствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго ѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе (389). Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: ,,Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ.“ Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта*! . . . ,,Нѣтъ. Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ че-

Г. 1553. ловѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *умныхъ*, впадетъ въ руки *хитрыхъ*, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ." Съ такими или подобными разсужденіями описываетъ Князь Курбскій злую бесѣду старца Вассіана, которая, по его увѣренію, растлила душу юнаго Монарха.

Но еще долгое время онъ не перемѣнялся *явно*: чтилъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наставленія Сильвестровы, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольничаго (390), употребляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней Политики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшенный рожденіемъ втораго сына, Іоанна (391), Государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи показалъ величайшую довѣренность къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государственнымъ Правителемъ, но и наслѣдникомъ Трона, если Царевичь Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а Князь Владиміръ далъ клятву быть вѣрнымъ совѣсти и долгу, не щадить ни самой матери, Княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое зло про-

Рожденіе Царевича Іоанна.

шивъ Анастасіи или сына ея; не знать ни Г. 1553.
мести, ни пристрастія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершить оныхъ безъ вѣдома Царицы, Митрополита, Думныхъ Совѣтниковъ, и не держать у себя въ Московскомъ домѣ болѣе ста воиновъ (392). — Въ самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія; на примѣръ: Князь Симеонъ Ростовскій, знатный Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной тихости Іоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками; сносился съ Королемъ Августомъ, съ Литовскими Думными Панами, открывалъ имъ государственныя тайны, давалъ вредные для насъ совѣты, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Князя Никиту Лобанова-Ростовскаго: его остановили въ Торопцѣ, допросили, узнали измѣну; и Князь Симеонъ, взятый подъ стражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудостію и малоуміемъ. Бояре *единогласно осудили* преступника на смертную казнь; но Государь, внявъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Князя Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро (393). — Въ дѣлѣ инаго рода оказалось также милосердіе Іоанново. Донесли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ

Бѣгство Князя Ростовскаго.

Ересь.

не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоѳею; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были Католики, Аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Старцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. (394). Царь и Митрополитъ Соборомъ уличили еретиковъ, и не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбитаго параличемъ, отставили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца — что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя оскорбленія — Іоаннъ съ
г. 1553 прежнею ревностію занялся дѣлами государ-
— 1557. ственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства. Онъ

послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вятчанами на Каму [395]; а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самые жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Меши; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятежниками; ходили за Арскъ, Уржумъ, до самыхъ Вятскихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно, въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильтянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князья Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичь Глинскій воевали Луговую Черемису, захватили 1600 именитыхъ людей, Князей, Мурзъ, чиновниковъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили [396]. Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ Государя *золотыя медали*, лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ [397]. — Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуя народъ; грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое

Г. 1553 — 1557. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ.

г. 1553 — 1557. Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сотниковъ, Мамичь Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: „Мы взяли „тебя на Царство для войны и побѣды; „а ты съ своею дружиною умѣлъ только „объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ „голова твоя на высокомъ престолѣ" (398)! Сего опаснаго мятежника Горные жители заманили въ сѣти: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе Казанцы добровольно крестились; другіе, не оставляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли; вожди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты Стрѣльцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную

пепломъ и могилами, послалъ Стряпчаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ Старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты. г. 1553 — 1557.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Іоаннъ въ 1555 году Соборомъ Духовенства уставилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному Новогородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковныя расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ (399). Первымъ Святителемъ былъ тамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителеву, средствами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были

Учрежденіе Епархіи Казанской.

Г. 1553 — 1557. отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ (400).

Покореніе Царства Астраханскаго.

Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ (401); въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркентомъ (402), а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Асторокани,* будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли (403), быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, который возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ (404). Государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы, по мнѣнію тогдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они считали *Астрахань* древнимъ *Тмутороканемъ*, основываясь

на сходствѣ имени (405). Мурзы Ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріятели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику *Дербышу*, *ихъ родственнику*, *бывшему тамъ* Царемъ прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ всѣми силами (406). Государь, призвавъ Дербыша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ, Козаковъ, Вятчанъ. Предводителями были Князь Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемякинъ и Постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый (407). 29 Іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ Князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько сотъ Астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. *Узнали отъ плѣнниковъ*, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а Татары засѣли на островахъ, въ своихъ Улусахъ. Россіяне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть, во время славы, памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы!... Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала тогда безоружная, мирная г. 1553 — 1557.

г. 1553 робость: все бѣжало—и граждане и Царь.
— 1557. Шемякинъ 2 Іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кипутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его (403); также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзъ собралося пять сотъ, а простыхъ людей десять тысячь. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысячь алтынъ и 3 тысячи рыбъ ежегодной дани, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ Правители. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно* и *безъявочно*. — Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ

(съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Астраханскихъ Улусахъ. г. 1553 — 1557.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ Митрополитомъ и со всѣмъ Дворомъ (409): изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ Воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали *Царевичемъ Петромъ*, а мать Іуліаніею, и Государь женилъ на ней своегоименитаго Дворянина, Захарію Плещеева (410). — Не долго Астрахань была еще особеннымъ Царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной средины между независимостію и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчея, хотѣвшаго завоевать Астрахань съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то,

г. 1553 — 1557. что Государь снисходительно уступил его народу всю дань перваго года, он тайно сносился с Ханом Девлет-Гиреем, взяв к себе Царевича Крымскаго Казбулата в должность Калги (411). Голова Стрелецкий, Иван Черемисинов, с новою воинскою дружиною был послан обличить и наказать изменника. Дербыш снял с себя личину, вывел всех жителей из города, соединился с толпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко начал войну, ободренный малочисленностию Россиян. Но у нас был искренний, ревностный друг: Князь Ногайский Исмаил, своим ходатайством доставив престол сему неблагодарному, помог Черемисинову — и Дербыш, разбитый на голову (в 1557 году), по следам Ямгурчея бежал в Азов (412). Тогда все жители, удостоверенные в безопасности, возвратились в город и в окрестные Улусы, дали присягу России, и не думали уже изменять, довольные своим жребием под властию великой Державы, которой сила могла быть им защитою от Тавриды и Ногаев. Черемисинов утвердил за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложил всех данию легкою, наблюдал справедливость, приобрел общую любовь и доверенность; одним словом, устроил все наилучшим образом для пользы жителей и России.

Съ того времени Государь въ подписи своихъ грамотъ началъ означать лѣта Казанскаго и Астраханскаго завоеваній (413), коихъ эпоха есть безъ сомнѣнія самая блестящая въ нашей Исторіи среднихъ вѣковъ. Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Іоанну, въ глазахъ Россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 5000 воиновъ для ея защиты (414), а второй взялъ чуждое Царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва столѣтіе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго соображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждаютъ великое: а въ твореніяхъ государ-

г. 1553 — 1557.

Г. 1553 — 1557. ственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому открыла для себя новые источники богатства и силы: ея *торговля* и *политическое вліяніе* распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну уставленную пошлину.

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское.

Цари Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи (415). Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ.

Подданство Черкесовъ.

Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать Султанскія владѣнія и Тавриду (416). — Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Девлетъ-Гирея. Вѣра Спасителева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ; оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды (417): извѣстность и могущество Россіи оживили тамъ память Христіанства и любовь къ оному. Князья

крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю,— нѣкоторые сами крестились. Сынъ Князя Сибока, Кудадекъ - Александръ, и Темрюковъ, Салтанукъ-Михаилъ, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ. —Признательный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика (418): „Врага твоего уже нѣтъ на свѣ„тѣ; племянники и дѣти мои единодушно „*дали мнѣ поводы уздъ своихъ*: я властвую „надо всѣми Улусами.“ Онъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской Губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые Ногайскіе Мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не дозволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая то унизительнымъ для Россійскаго Монарха (419).

Г. 1553 — 1557.

Дружба съ Ногаями.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали

г. 1553 — 1557. Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Шибана (420). Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею, и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Властителемъ Сибири (421); но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Астрахани (422). Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить

Дань Сибирская. дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигерь хотѣлъ съ каждаго человѣка давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Боярскій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ *тридцати тысячъ*, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ (423).—Та-

кимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы. Г. 1553 — 1557.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодою для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новые способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португалліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурею, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи, въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ (424). Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до

Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію.

г. 1553 — 1557. Бѣлаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть Россійскій; сказали, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю [425]. Давъ имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли немедленно отправили гонца къ Іоанну, который тотчасъ понялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли, — велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобности въ пути. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безпримѣрное* великолѣпіе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ, и на немъ юнаго Самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ [426]. Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ* Государямъ:

,,Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Властители, судіи земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести, вамъ и странамъ вашимъ! Господь всемогущій даровалъ человѣку сердце дружелюбное, да благотворитъ ближнимъ и въ особен-

„ности странникамъ, которые, пріѣзжая къ г. 1553
„намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, ясно доказы- — 1557.
„ваютъ тѣмъ превосходную любовь свою къ
„братскому общежитію. Такъ думали отцы
„наши, всегда гостепріимные, всегда ласко-
„вые къ иноземцамъ, требующимъ покрови-
„тельства. Всѣ люди имѣютъ право на го-
„степріимство, но еще болѣе купцы, пре-
„зирая опасности и труды, оставляя за со-
„бою моря и пустыни, для того, чтобы благо-
„словенными плодами земли своей обогатить
„страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ
„произведеніями: ибо Господь вселенныя
„разсѣялъ дары Его благости, чтобы на-
„роды имѣли нужду другъ въ другѣ, и что-
„бы взаимными услугами утверждалась прі-
„язнь между людьми. Съ симъ намѣреніемъ нѣ-
„которые изъ нашихъ подданныхъ предпрі-
„яли дальнее путешествіе моремъ, и требо-
„вали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ
„желаніе, мы позволили мужу достойному,
„Гугу Виллоби, и товарищамъ его, нашимъ
„вѣрнымъ слугамъ, ѣхать въ страны, до-
„нынѣ неизвѣстныя, и мѣняться съ ними
„избыткомъ: брать, чего не имѣемъ, и да-
„вать, чѣмъ изобилуемъ, для обоюдной пользы
„и дружества. И такъ молимъ васъ, Цари,
„Князья и Властители, чтобы вы свободно
„пропустили сихъ людей чрезъ свои земли:
„ибо они не коснутся ничего безъ вашего
„дозволенія. Не забудьте человѣчества.
„Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и

Г. 1553 — 1557. „примите отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить васъ. Поступите съ ними, какъ „хотите, чтобы мы поступили съ вашими „слугами, если они когда-нибудь къ намъ „заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ, на землѣ „и въ морѣ, клянемся жизнію и благомъ „нашего Царства, что всякаго изъ вашихъ „подданныхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника и друга, изъ благодарности за любовь, „которую окажете нашимъ. За симъ молимъ Бога Вседержителя, да сподобитъ васъ „земнаго долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано „въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ „сотворенія міра 5517, Царствованія нашего въ 7" (427).

Англичане, принятые милостиво, обѣдали у Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда стапятидесяти слугъ также сіяла золотомъ (428). — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ Боярами, и былъ весьма доволенъ оными. Его немедленно отпустили назадъ (въ Февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Іоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ правилами истинной науки государственной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все ему угодное; что, принявъ

ласково Ченселера, также же приметь и Гуга Виллоби, если сей последній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи [429]. — Эдуарда не стало: Марія царствовала въ Англіи, и Ченселеръ, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Исторію, Географію, и немедленно составилось общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества, Греемъ и Киллингвортомъ [430], чтобы заключить торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присутствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судяти-

Г. 1553 — 1557.

г. 1553 — 1557. ся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ наконецъ торговую жалованную грамоту Англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть домы, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ Старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что не льзя взять Англичанина подъ стражу, если Старѣйшина объявитъ себя его порукою; что Правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ (431). — Главнымъ изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или Гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою (432).

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ —

оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный, красивый домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огороды, луга.— Между тѣмъ, надѣясь открыть путь чрезъ Ледовитое море въ Китай, Капитанъ ихъ, Стефенъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, но устрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры. Г. 1553 — 1557.

Въ 1556 году Ченселеръ отплылъ въ Англію съ четырмя, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Іосифомъ Непѣею Вологжаниномъ (433). Счастіе, дотолѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань Лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ Шотландскихъ береговъ; спасли только Посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто-сорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня великолѣпно украшеннаго, и окруженный Старѣйшинами купечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытные жители Лондонскіе тѣснились въ улицахъ, привѣтствуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ Посолъ въ Англію.

г. 1553 — 1557. изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Вестминстеръ, крѣпость, ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ (434). Вмѣстѣ съ грамотою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу (435); а Старѣйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ

знакъ своей добросердечной, ревностной, *нѣжной* дружбы къ нему и къ Россіи (436). Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ Стерлинговъ и пять драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Стендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія. Г. 1555 — 1557.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ*; слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ домы во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ столь милостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкинсонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обѣщалъ доставить оному всѣ способы для сего дальняго перевоза

Г. 1553 — 1557 товаровъ.— Однимъ словомъ, связь наша съ Британніею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію. — Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ: что продолжалось отъ 1555 до 1587 года (437).

Сіи достопамятныя происшествія были не единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Тевзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, Дѣла Крымскія. кипя злобою, хотѣлъ бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1555 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (438); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ,

онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы *не покупаемъ дружбы*, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани. Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева (439); и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже *стояла пятою на двухъ, лежащихъ* предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячь побѣдителей (440) готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще не былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ (441), онъ таилъ свою непріязнь и въ знакъ уваженія писалъ *золотыми буквами* къ Іоанну, именовалъ его *Царемъ счастливымъ* и *Правителемъ му-*

Г. 1553 — 1557.

Писмо Солиманово.

Г. 1553 — 1557. *дрымъ*; напоминалъ ему о *старой любви*, и присылалъ въ Москву купцевъ за поварами (442). Еще и другая мысль склоняла Государя щадить Тавриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали ненадежность сего орудія; но мы хотѣли новыхъ опытовъ, чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ, и оставили въ ихъ рукѣ огнь и мечь на Россію!

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея, и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать землю Пятигорскихъ Черкесовъ, нашихъ друзей, Государь (въ Іюнѣ 1555 года) послалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатью тысячами Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга, къ Перекопи, чтобы отогнать стада Ханскія (443). Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго Кургана своротилъ влѣво, и вдругъ устремился къ предѣламъ Россіи, имѣя тысячь шестьдесятъ войска. Шереметевъ, находясь (Впаденіе Крымцевъ.) близъ Святыхъ Горъ и Донца, открылъ сіе движеніе непріятеля, увѣдомилъ Государя и пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ, къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Казанскимъ Симеономъ, со всѣми Воеводами и Дѣтьми Боярскими; уже не хотѣлъ, какъ бывало въ старину, ждать Крымцевъ на Окѣ, но спѣшилъ встрѣтить ихъ далѣе въ полѣ.

Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣтяхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время стиснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жителей, захваченныхъ Крымцами (444). Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отправилъ сію добычу во Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовый полкъ, отнялъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ плѣнниковъ (445): ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и Россіяне нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни Янычары Султановы стояли крѣпко, берегли Хана и снарядъ огнестрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли Г. 1553 — 1557.

г. 1553 — 1557. его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіяне смѣшались; искали спасенія въ *бѣгствѣ. Тутъ мужественные* чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракѣ: Ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ *будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною* силою. Люди боязливые совѣтовали Царю итти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво на*градилъ всѣхъ усердныхъ* сподвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Воевода Сидоровъ, уязвленный пулею и копьемъ: отслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ *мантіи Схимника* (446).

Война Шведская. Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ Ваза, съ безпокойствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вре-

днть ей: сносился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливоніею, съ Герцогомъ Прусскимъ, съ Даніею, чтобъ общимъ усиліемъ Сѣверныхъ Державъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ Англичанами, убѣждалъ Королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея (447). Не смотря на то, ни Густавъ, ни Царь нехотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, а послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новогородцами (448), Россіяне считали рѣки Саю и Сестрѣ предѣломъ обѣихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестрію совсѣмъ иную рѣку, и не слушали никакихъ возраженій (449). Россіяне жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько погостовъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь Св. Николая на Печенгѣ, противъ *Варгава* (450). Новогородскій Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій, отправилъ къ Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его задержали въ г. 1553 — 1557.

г. 1553 — 1557. Штокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію Выборгскаго начальника (451), и Густавъ не далъ отвѣта Князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ Царемъ. *Жители Новогородской области* вооруженною рукою заняли нѣкоторыя спорныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногтеву и Воеводамъ Новогородскимъ защищать границу; а Густавъ опасаясь нападенія, *самъ прибылъ въ Финляндію единственно для* обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется *собрать двадцать тысячъ воиновъ* и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній (452). Старецъ Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, пѣхотою и со многими вооруженными судами: громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны *Князь Ногтевъ, съ другой Дворецкій* Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщи-

ковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ не мало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ. г. 1553 — 1557.

Зимою собралося многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Вмѣсто Густава отвѣтствовали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князья Петръ Щенятевъ и Дмитрій Палецкій, съ Астраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ Шведами городкѣ Кивенѣ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные Воеводы обошли его, напали съ тылу, — рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ

г. 1553 — 1557. сановниковъ Королевскихъ (453). Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣлявъ по городу, Россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега Воксы, разорили Нейшлотъ, и вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человѣка за гривну, а дѣвку за пять алтынъ. — Іоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: „Вотъ новые „трофеи Россіи! Король *Нѣмецкій сгрубилъ* „намъ: мы побили его людей, взяли города, „истребили селенія (454). Такъ казнимъ „враговъ: будь намъ другомъ!“

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между Вѣнценосцами, ибо умѣлъ быть Героемъ безъ воинскаго славолюбія, и великодушно избавивъ отечество отъ иноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія — Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россіею, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Іоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго Новогородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго) и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну (455). Канутъ представилъ дары Густавовы: десять *Шведскихъ лисицъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга,

однакожъ имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира (456). Отвѣтствуя Густаву, Царь несоглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. „Твои „люди" — писалъ онъ — „дѣлали ужасныя „неистовства въ Корельской землѣ нашей: „не только жгли, убивали но и ругались „надъ церквами, снимали кресты, колокола, „иконы. Жители Новогородскіе требовали „отъ меня *большихъ полковъ*, Московскихъ, „Татарскихъ, Черемисскихъ и другихъ; Вое„воды мои пылали нетерпѣніемъ итти къ „Абову, къ Штокгольму: мы удержали ихъ, „ибо не любимъ кровопролитія. Все зло „произошло отъ того, что ты по своей „гордости не хотѣлъ сноситься съ Ново„городскими Намѣстниками, знаменитыми „Боярами Великаго Царства. Если не „знаешь, каковъ Новгородъ, то спроси у „своихъ купцевъ: они скажутъ тебѣ, что „его пригороды болѣе твоего Штокгольма „(457). Оставъ надменность, и будемъ „друзьями." Густавъ оставилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Государственный Стенъ Эриксонъ, Архіепископъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королевскій Печатникъ Олофъ Ларсонъ Г. 1557. въ Февралѣ 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли никого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ,

Г. 1557. поднесли Іоанну серебряный кубокъ съ часами (458), обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили: возобновили старый; но Послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) „Вы, какъ виновные, „обязаны безъ выкупа отпустить Россіянъ, „купцевъ и другихъ, вами захваченныхъ; а „мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выкупить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого ихъ „найдете, если они не приняли нашей „Вѣры. 2) Не безчестіе, а честь Королю „имѣть дѣло съ Новогородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто они? Дѣти или „внучата Государей Литовскихъ, Казанскихъ или Россійскихъ (459). Нынѣшній „Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, столь „знаменитаго и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. Скажемъ вамъ также *не въ укоръ*, „но единственно *въ разсудъ*: кто Государь „ваш? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли „еще торговалъ волами? И въ самомъ великомъ Монархѣ смиреніе лучше надменности." Послы уступили: за то Бояре, желая изъявить снисхожденіе, согласились не именовать Короля въ договорѣ клятвопреступникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли

Новогородскимъ Намѣстникамъ скрѣпить Г. 1557.
ее своими печатями (460). Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Іоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники (461); угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно. Вмѣсто дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ (462). Историкъ Швеціи разсказываетъ, что Іоаннъ желалъ слышать богословское прѣніе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа (463).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магистеръ Ливонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ (464). „Я „не тѣсню никого", писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: „имѣю Царство обширное, которое отъ временъ Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоеванія не льстятъ меня, но стою за честь."

Сношенія съ Литвою.

Г. 1557. Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года (465), Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его Царемъ; но Король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Императору и Султану. Бояре наши явили его Посламъ грамоты Папы Климента, Императора Максимиліана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаннъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбои Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ (466). Не смотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ

и Дономъ (467): они извѣстили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился станомъ у Конскихъ Водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралося войско: Царь осмотрѣлъ его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить непріятеля за Тулою (468); но узналъ, что вся опасность миновалась. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, приманивъ къ себѣ триста Малороссійскихъ Литовскихъ Козаковъ съ Атаманами Млынскимъ и Есковичемъ ударилъ на Исламъ-Кирмень, на Очаковъ; шесть дней бился съ Ханскимъ Калгою (469), умертвилъ множество Крымцевъ и Турковъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ Гирея спѣшить назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣпствовали смертоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію Государя, предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ Князей Литовскихъ, потомковъ Св. Владиміра: Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго, отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ. Бывъ любимымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа; хотѣлъ подвиговъ, опасностей, и прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію мужествовать подъ знаменами своего древняго отечества, коему Провидѣніе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишневецкій стыдился предстать Іоанну въ ви-

Г. 1557.

Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень.

Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю, и беретъ Хортицу.

Г. 1557. дѣ бѣглеца: вышелъ изъ Литвы со многими усердными Козаками, занялъ островъ Хорпицу близъ Днѣпровскаго устья, противъ Конскихъ Водъ (470); сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться Россіяниномъ и запретъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость, и славно отражалъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приступалъ къ его острову. Съ

Завоеніе Темрюка и Тамана. другой стороны Черкесскіе Князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тмутороканское Княженіе (471). Девлетъ-Гирей трепеталъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе составляютъ только передовый отрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира, и въ отчаяніи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда — говоритъ современный Историкъ (472) — не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ

Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Божіимъ. Улусы Ногайскіе, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и на-

шли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ Г. 1557.
чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще менѣе въ Ногаяхъ. Къ симъ бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ Ногайской Ордѣ Улусы возставали на Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убить Девлетъ-Гирея, чтобы объявить Царемъ Тохтамыша, жившаго у нихъ Астраханскаго Царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію, и могъ основательно извѣстить Государя о слабости Крыма (473).

Но мы — по мнѣнію Историка, знаменитаго Курбскаго — не слѣдовали указанію перста Божія, и дали оправиться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, когда явились многочисленныя дружины Турецкія и Волоскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: истощивъ силы и запасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ Литовскимъ, и занявъ Черкасы, Усердіе Вишневецкаго.
Каневъ, гдѣ жители любили его, написалъ къ Іоанну, что, будучи снова готовъ итти на Хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣпровскихъ. Предложеніе было лестно; но Государь не хотѣлъ нарушить утвержденнаго съ Литвою перемирія: велѣлъ возвратить Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣстье городъ

Г. 1557. Бѣлевъ со многими богатыми волостями, чтобы имѣть въ немъ страшилище какъ для Хана, такъ и для Короля Польскаго (474). — Между тѣмъ Девлетъ-Гирей отдохнулъ. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ Россіею; хотя съ честію отпу-
Г. 1558. стилъ нашего Посла Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣнника; доставилъ и союзную грамоту Іоанну, обязываясь, въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Литву: однакожъ предлагалъ условія гордыя и требовалъ *дани*, какую присылалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ (475). „Для „тебя" — говорилъ Девлетъ-Гирей — „разры„ваю союзъ съ Литвою: слѣдственно ты „долженъ вознаградить меня." Сыновья его дѣйствительно грабили тогда въ Волыніи и въ Подоліи, къ изумленію Августа, считавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ областяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо хвалились мужествомъ на пирахъ и малодушно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земли (476). Узнавъ о томъ, Государь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что требованіе вѣроломнаго Девлетъ-Гирея не достойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложить Августу союзъ противъ Хана. Снова послали Князя Вишневецкаго на Днѣпръ; дали ему 5000 Жильцовъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Чер-

кесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду (477); а къ Королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и грабежемъ; что Россія готова помогать ему въ томъ усердно всѣми данными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Честили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего Конюшаго Виленскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ братствѣ; воспоминали судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хотѣли вмѣстѣ унять Хана и противиться Туркамъ (478).—Сіе обоюдное доброе расположеніе исчезло какъ мечта: дѣла снова запу-

Г. 1558.

Предложеніе союза Литвѣ.

Г. 1553. тались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Дѣла Ливонскія.

Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ратномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. „Уже Россія такъ опа„сна“—писали чиновники Орденскіе къ Им„ператору—„что всѣ Христіанскіе сосѣд„ственные Государи уклоняютъ главу предъ „симъ Вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, вла„столюбивымъ, и молятъ его о мирѣ (479). „Благоразумно ли будетъ умножать силы „природнаго врага нашего сообщеніемъ ему „искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если „откроемъ свободный путь въ Москву для „ремесленниковъ и художниковъ, то подъ „симъ именемъ устремится туда множество „людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ „Анабаптистовъ, Сакраментистовъ и дру„гихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они „будутъ самыми ревностными слугами Царя. „Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овла„дѣть Ливоніею и Балтійскимъ моремъ,

„дабы шѣмъ удобнѣе покоришь всѣ окрест-„ныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Шве-„цію." По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ливонцы препятствовали ему въ исполненіи благодѣтельныхъ для Россіи намѣреній, и готовилъ месть. Въ 1554 году Послы Магистра Генрика Фонъ-Галена, Архіепископа Рижскаго и Епископа Дерпт-скаго молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ условіемъ, чтобы область Юрьевская или Дерптская платила ему ежегодно искони-уставленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ по-казали Плеттенбергову договорную грамо-ту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани, забытой въ тече-ніе пятидесяти лѣтъ (480). Ихъ возраженій не слушали. Именемъ Государевымъ Адашевъ сказалъ: „или такъ, или нѣтъ вамъ пере-„миріа!" Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ Магистра, не только впредь давать намъ ежегодно по Нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ его области, но и за минувшія 50 лѣтъ пред-ставить въ три года всю недоимку. Маги-стеръ клялся не быть въ союзѣ съ Коро-лемъ Польскимъ и возстановить наши древ-нія церкви, вмѣстѣ съ Католическими опустошенныя Фанатиками новаго Люте-ранскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местію Ливонцамъ, сказавъ: „я не Папа и

Г. 1553. Важный замыселъ приписываемый Іоанну.

г. 1557. „не Императоръ, которые не умѣютъ „защитить своихъ храмовъ“ (481). Торговлю объявили свободною, по волѣ Іоанна, которому жаловалась Ганза, что Правительство *Рижское, Ревельское*, Дерптское не велитъ ея купцамъ ввозить къ намъ металлы, оружіе, доспѣхи, и требуетъ, чтобы они доставали отъ насъ сало и воскъ единственно чрезъ Ливонскихъ купцевъ (482). Только въ одномъ устоялъ Магистеръ: онъ не далъ слова пропускать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство важное, которое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею *грамотою*, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ Пословъ, отправился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чтобы, согласно съ обычаемъ, Епископъ и Старѣйшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископъ, Бургомистръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быть данниками Россіи; угощая Терпигорева, тайно разсуждали *между собою*; винили Пословъ Ливонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи данной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ Московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда Епископскій Канцлеръ, тонкій Политикъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. „Царь силенъ оружіемъ, а не хитръ умомъ“, сказалъ онъ: „чтобы не раздражить его,

„утвердимъ договоръ, по объявимъ, что не Г. 1557.
„можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія Императора Римскаго, „нашего законнаго покровителя; отнесемся „къ нему, будемъ ждать, медлить — а „тамъ, что Богъ дастъ“ (483)! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. „Царю моему нѣтъ „дѣла до Императора“! сказалъ Посолъ: „дайте мнѣ только бумагу; дадите и се-„ребро.“ Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: „береги: это важная вещь (484)!“ — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ *Государемъ Ливонскія земли* (485). Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желаютъ доказывать Боярамъ несправедливость нашего требованія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ отвѣтомъ: „Вы „свободно и клятвенно обязались платить „намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите „исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ „взять свое“ (486). Онъ запретилъ купцамъ Новогородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ

г. 1557. Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Окольничаго, Князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы (487), желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, нѣгу, совершенно отучилъ Рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные Лѣтописцы): пили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостію; безстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ пышности, не имѣть драгоцѣнныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семъ, по выраженію Историка, *земномъ раю* (488); а какъ жили Орденскіе, Духов-

Состояніе Ливоніи.

ные сановники, такъ и Дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысліи невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное Правительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Командоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Лютеранскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Латинскія церкви, монастыри (489); Властители, отчасти за Вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа). Для храненія самой внутренней тишины нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изво- Г. 1557.

Г. 1557. димая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достояніе Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя.

Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со многолюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ временъ Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинные разорялись

отъ тяжбъ и ябеды (490). Чтобы искоренить зло, Іоаннъ *отмѣнилъ судные платежи*, указавъ безденежно рѣшить тяжбы избираемымъ Старостамъ и Сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣтей всѣхъ безъ исключенія уравнялъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ *лишнюю* землю и далъ неимущимъ, *уставивъ службу* не *только* съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ Боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человѣка, или внести уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ *осьмое денежное жалованье во время* похода и двойное Боярскимъ Дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣнивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ Лѣтописцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось (491). Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іо- Г. 1557.

г. 1557. ань чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже *до трехъ сотъ тысячъ* [492] всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ волостныхъ сельскихъ людей, составляли *безсмѣнную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное [493]. Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ.—Прибавимъ къ сему неутомимость Россіянъ, ихъ физическую окрѣплость въ трудахъ, навыкъ сносить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ,—вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъятную правственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслію, единымъ словомъ Вѣнценосца юнаго, бодраго, который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* [494]. Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ? погибели.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и Россійскіе и Ливонскіе Историки [495] винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелатель-

ствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Г. 1557.
Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная Политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, раждаемому или питаемому блестящими успѣхами; однакожь могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодою худому расчету Ливонскихъ Властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, Посольствами, учтивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-пятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ ветхій Орденъ какъ уплое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магистеръ Фирстенбергъ и Дерптскій Епископъ требовали отъ Царя *опасной грамоты* для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Іоаннъ далъ грамоту; но гонцы Нѣмецкіе видѣли у насъ вездѣ страшныя приготовленія къ войнѣ: обозы съ ратными запасами шли къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учре-

жвали станы, ямы, гостинницы по дорогѣ (496) — и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячь воиновъ стояло на границѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея, Бояръ Глинскаго, Данила Романовича, Ивана Шереметева, Князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ сановниковъ (497). Кромѣ Россіянъ, въ семъ войскѣ были Татары, Черемисы, Мордва, Пятигорскіе Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждалъ Пословъ Ливонскихъ: они пріѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ (498): Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились наконецъ, чтобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оставалось исполнить его: но Послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда Государь, какъ пишутъ, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ подать имъ только *пустыя* блюда (499): они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной, снѣжной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ и мечемъ вступило въ Ливонію. Не смотря на то, что угрозы Іоанновы были ясны и приготовленія къ войнѣ давно извѣстны, Ливонскіе Властители изумились, пируя въ сіе

г. 1558. Начало войны Ливонской.

время на пышной свадьбѣ какого-то знатнаго Ревельскаго чиновника (500). Россіяне дѣлали, что хотѣли въ землѣ, оставляя Нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. Князья Барбашинъ, Рѣпнинъ, Данило Ѳедоровичь Адашевъ громили Южную Ливонію на пространствѣ двухъ сотъ верстъ; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Маріенбурга, Курслава, Ульцена (501), и соединились подъ Дерптомъ съ главными Воеводами, которые взяли Алтентурнъ и также на пути своемъ все обратили въ пепелъ. Нѣмцы осмѣлились сдѣлать вылазку изъ Дерпта, конные и пѣшіе, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили на голову (502). Простоявъ три дни въ виду сей важной крѣпости, Воеводы пошли къ Финскому Заливу, — другіе къ рѣкѣ Аа; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везенберга; сожгли предмѣстіе Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля (503); были только въ пятидесяти верстахъ отъ Риги, въ тридцати отъ Ревеля, и въ концѣ Февраля возвратились къ Иванюгороду съ толпами плѣнниковъ, съ обозами богатой добычи, умертвивъ множество людей. Нѣмецкіе Историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ *охотниковъ*, Новогородскихъ и Псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ Татаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ (504). Г. 1558.

г. 1558. Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, беззаконно взятое имъ въ походѣ [505].

Совершивъ *казнь*, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ *исправиться*, то могутъ еще умилостивить Іоанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, то гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ воображая могущество Царя, рѣшились вновь отправить

Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего г. 1558. одни изъ Ливонскихъ Историковъ именуютъ свирѣпымъ кровопійцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человѣкомъ (506) — взялся склонить Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратить всѣ воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля (507). Наступалъ Великій постъ: благочестивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванѣгородѣ, отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Лютеране, презирая уставы древней Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ (508), начали стрѣлять въ Иваньгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстили о томъ Государя, который велѣлъ имъ обороняться, и послалъ Князя Темкина, стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки, и возвратился. Еще главная рать Московская не трогалась; но изъ Нарвы безпрестанно летали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а Нѣмцы Нарьскіе, какъ бы въ

Г. 1558. пасмѣнику приказывали къ Іоанновымъ Воеводамъ: „не мы, но Фохтъ Орденскій „стрѣляетъ; не можемъ унять его“ (509). Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненныя* и каменныя осыпали Нарву въ теченіе недѣли; люди гибли; домы пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасѣ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, Ратманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не противятся Іоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву Депутатовъ, Іоакима Крумгаузена и Арнта Фонъ-Дедена. Когда сіи Депутаты явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, Окольничій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ Государя и спросили, чего хотятъ они? *Быть, какъ мы были*, отвѣтствовалъ умный Крумгаузенъ: *не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ Царя милостиваго.* „Нѣтъ!“ сказалъ Адашевъ: „мы „не смѣемъ донести ему о такихъ условіяхъ. „Вы дерзко нарушили перемиріе, стрѣляли „въ Россіянъ, и видя гибель надъ собою, „объявили, что готовы исполнить волю „Царя; а Царю угодно, чтобы вы немедленно прислали въ Москву своего Орденскаго „Властителя (Фохта Шнелленберга) и „сдали намъ городъ: за что Іоаннъ милостиво обѣщаетъ не выводить васъ изъ „домовъ; не касаться ни лицъ, ни соб-

„ственности, ни древнихъ вашихъ обычаевъ; Г. 1558.
„блюсти общее благоденствіе и свободу „торговли; однимъ словомъ, владѣть Нар„вою, какъ владѣли ею сановники Орден„скіе. Такъ, и не иначе!" Депутаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были представлены Государю и получили отъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомить о томъ Нарвское Правительство, Іоаннъ писалъ къ Воеводамъ, чтобы они берегли сей городъ, какъ Россійскій, отъ Магистра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ея легкомысленные граждане, узнавъ, что Магистеръ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ съ Коммандоромъ Ревельскимъ, ободрились, забыли страхъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ, что Депутаты ихъ не имѣли власти предать отечество Царю Московскому (510); а Коммандоръ, думая воспользоваться нечаянностію, хотѣлъ схватить Россійскую стражу за рѣкою Наровою: ударилъ — и бѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ (511). Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ Нѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою, радостною, совершенно неожидаемою: съ вѣстію, что Нарва уже взята Россіянами!

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Разсказываютъ, что пьяные Нарвскіе Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее

Взятіе Нарвы.

г. 1558. въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ [512]; выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями, и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: Головы Стрѣлецкіе съ Бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даніиломъ Адашевымъ (Окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца Государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали устрашенныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: громя его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два Коммандора, Феллинскій и Ревельскій, Кеттлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города, видѣли пожаръ, слышали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменныя стѣны и желѣзныя ворота, должна безъ ихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохта Шнелленберга, Нѣмецкихъ

воиновъ и жителей, которые захотятъ удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достояніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими подданными.— Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; наградилъ Воеводъ и воиновъ; милостиво подтвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смотря на перемѣну обстоятельствъ; освободилъ всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедшихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ Новогородскій долженъ былъ немедленно отправить туда Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами *очистить отъ Вѣры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую нашли цѣлую въ пеплѣ [513]. г. 1558.

Г. 1558. Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы
Ливонскіе въ Москву, братъ Магистра Фирстенберга, Ѳеодоръ, и другіе чиновники
[514], не съ данію, но съ моленіемъ, чтобы
Государь уступилъ ее землѣ разоренной.
„Вся страна Дерптская" — говорили они
Боярамъ — „стенаетъ въ бѣдствіи, и долго
„не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого
„требовать дани? вы уже взяли ее своимъ
„оружіемъ, — взяли въ десять разъ болѣе. Впредь
„можемъ исправиться, и тогда заплатимъ
„по договору." Государь отвѣтствовалъ
чрезъ Адашева: „Послѣ всего, что случи-
„лось, могу ли еще слушать васъ? Кто вѣ-
„ритъ вѣроломнымъ? Мнѣ остается только
„искать управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву
„и буду пользоваться своимъ счастіемъ. Од-
„накожъ, не любя кровопролитія, еще пред-
„лагаю средство унять его: пусть Маги-
„стеръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ
„Дерптскій лично ударятъ мнѣ челомъ, за-
„платятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь
„повинуются мнѣ какъ Цари Казанскіе, Ас-
„траханскіе и другіе знаменитые Владѣте-
„ли: или я силою возьму Ливонію" [515]. По-
слы ужаснулись, и сказавъ: „видимъ, что
„намъ здѣсь не будетъ дѣла", просили от-
пуска, который и дали имъ немедленно. Хо-
тя Магистеръ и Епископъ Дерптскій, по-
раженные судьбою Нарвы, уже готовы бы-
ли заплатить намъ 60,000 ефимковъ; хотя,
не безъ усилія, собрали и деньги [516]: но вре-

ня прошло: Государь требовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ. Они хотѣли городовъ и постояннаго владычества надъ нею. Г. 1558.

25 Мая Князь Ѳедоръ Троекуровъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 Іюня взяли на договоръ. Тамошній Фохтъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего Уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верстъ) Латыши и самые Нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ, что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, отъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь во имя Св. Иларіона: ибо въ день его памяти сдался Нейшлосъ. Жители Уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Іоанну, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдственными Везенбергскими волостями, и выдали Россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы (517).

Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза.

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знатныхъ Воеводъ, Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дерпту (518). Прежде надлежало взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ

г. 1558. Витязь Орденскій, Укскиль Фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужественно противился многочисленному войску. Съ симъ Героемъ Нѣмцы, по выраженію нашего Лѣтописца, *сидѣли на смерть:* бились отчаянно, неутомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россіяне вошли въ городъ: Укскиль отступилъ въ замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣютъ болѣе силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храбрости,
30 Іюня. дозволили имъ выйти *съ честію* [519]. Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнестрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Іоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскилевъ, а граждане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бургомистровъ Дерптскихъ, который, въ тогдашнемъ

Великодушіе Дерптскаго Бургомистра.

собраніи Земскихъ Чиновъ сильно и трогательно изобразивъ бѣдствія отечества, сказалъ: „Настало время жертвъ или погибели: „лишимся всего, да спасемъ честь и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото „и серебро; не оставимъ у себя ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія; дадимъ Правительству способъ нанять войско, купить дружбу и защиту Державъ „сосѣдственныхъ!“ Но убѣжденія и слезы

великодушнаго мужа не произвели никакого действія: его слушали и молчали [520]! Г. 1558.

Во время осады Нейгауза Магистеръ Фирстенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ [521] неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, въ мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сдалася, зажгли станъ свой и городокъ Киремпе, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; спѣшили удалиться, бѣжали день и ночь, Магистеръ къ Валку, а Епископъ къ Дерпту, гонимые нашими Воеводами, которые за 30 верстъ отъ Дерпта настигли и разбили Епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магистеръ, избравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остановился: Воеводы велѣли передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ битву, а сами начали обходить его и принудили бѣжать далѣе къ Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ усталости. Бѣгство Магистра. Россіяне истребили весь задній отрядъ Фирстенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣйшаго изъ Коммандоровъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ семъ дѣлѣ упала лошадь. Обозъ Магистровъ былъ нашею добычею, и Воеводы, известивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратились къ Дерпту [522].

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ съ

Г. 1558. себя достоинство Магистра, и юный Кетлеръ, повинуясь Чинамъ, принялъ его со слезами (523). Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена!

Новый Глава Ордена.

Чтобы употребить всѣ возможныя средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовію къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянія, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хотѣли спасенія, но безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго (524)—и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи внѣшней не было. Императоръ Карлъ V, обнимавшій взоромъ своимъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ вторый Діоклетіанъ удалился отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы казать-

ся выше земнаго величія. Новый Императоръ г. 1558. Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германію, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались обѣщаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь отвѣтствовалъ Кеттлеру: „жду тебя въ Москвѣ, и смотря по твоему „челобитью, изъявлю милость" (525. Сія *милость* казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киренпе, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ (526, всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественными, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ (527) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей Рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь гу-

Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.

Г. 1558. стымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистратъ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и граждань пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистеръ писалъ, что Орденъ напимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка [528], мужъ добролюбивый, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прикативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистратъ и граждане единодушно сказали Епископу: „Мы готовы умереть, готовы „обороняться, пока есть у насъ *блюдо на*

„*столъ и ложка въ рукахъ*, если упорство г. 1558.
„наше будетъ достохвальнымъ мужествомъ,
„а не безсмысленною дерзостію; но благора-
„зумно ли отвергать великодушныя пред-
„ложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ не
„имѣемъ силъ ему противиться?“ Тоже го-
ворили и воины Нѣмецкіе, требуя отпу-
ска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣр-
ности; тоже и Священники Римской Вѣры,
опасаясь упрямствомъ раздражить непріяте-
ля. Епископъ согласился. Написали слѣдую-
щія условія: „1) Государь даетъ Епископу
„монастырь Фалькенау съ принадлежащими
„къ оному волостями, домъ и садъ въ Дерп-
„тѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ будутъ Ду-
„ховенство и церкви Латинскія съ ихъ до-
„стояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть под-
„данными Россіи, спокойно владѣютъ своими
„замками и землями; 4) Нѣмецкіе ратники
„выдутъ изъ города съ оружіемъ и съ пожит-
„ками; 5) въ теченіе двѣнадцати дней вся-
„кой Дерптскій житель воленъ ѣхать, ку-
„да хочетъ; 6) Исповѣданіе Аугсбургское
„остается главнымъ и безъ всякихъ пере-
„мѣнъ; 7) Магистратъ *Нѣмецкій* всѣмъ управ-
„ляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ,
„ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно и
„безъ пошлинъ торгуютъ съ Германіею и
„съ Россіею; 9) не выводить никого изъ
„Дерптской въ Московскія области; 10)
„кто захочетъ переселиться въ другую
„землю, можетъ взять или продать имѣніе;

Г. 1558. „11) граждане свободны отъ ратнаго по„стоя; 12) всѣ преступленія, самыя государственныя, даже оскорбленіе Царскаго „Величества, судятся чиновниками Магистрата; 13) новые граждане присягають „Царю и Магистрату" (529). Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Іоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководствуясь не только человѣколюбіемъ, но и Политикою: надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить ненависть Ливонцевъ къ Россіи, и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія были одобрены побѣдителемъ, и когда надлежало только скрѣпить оныя печатями, старецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный Бургомистръ Дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. „Свѣтлѣйшій Князь и „Государь!" сказалъ онъ Епископу: „если „кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ можно „спасти оружіемъ и битвою, да явится! „Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои „головы за отечество" (530)! Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: „Мужъ достойный! никто изъ насъ не за„служиваетъ имени малодушнаго: усту„паетъ необходимости."— 18 Іюля Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать

Россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; сберегалъ ихъ въ пути; давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа отпустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ Московскихъ всадниковъ. Г. 1558.

Когда все затихло въ городѣ, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира (531); за нимъ Шуйскій, окруженный Депутатами и Канониками. На улицахъ въ два ряда стояли Государевы Дѣти Боярскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистратъ поднесъ Шуйскому золотую чашу (532). Сей умный Князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что „его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ"— ласково звалъ къ себѣ обѣдать Дерптскихъ чиновниковъ и Старѣйшинъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую.— Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго нѣмми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Феллинъ (533). Государь утвердилъ договоръ заключенный Воеводами; но

г. 1558. велѣлъ Епископу Герману и знатнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ отечествѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаютъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ!

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ (534) — и крѣпости Везенбергъ, Иркель, Ланзъ, Оберпаленъ, Рингенъ или *Тушинъ*, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, которые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Виттенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ-Ольденбокъ (535); разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ (536), и въ каждомъ

оставивъ нужные запасы, охранное войско, Г. 1558.
въ концѣ Сентября пріѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатыя помѣстья, а Дѣтямъ Боярскимъ земли и маетности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усерднѣе берегли оную [537].

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, Князья Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпнинъ, были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехтъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля [538]; но Магистеръ и Воевода Архіепископа Рижскаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячь ратниковъ [539], осадили Рингенъ въ виду нашихъ Кетлеръ берeтъ Рингенъ.
полковъ и взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Стрѣлецкаго, Русина - Игнатьева, который съ двумя или тремя стами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороху [540]. Воеводы Іоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ братомъ Маги-

г. 1558. спровымъ, Іоанномъ Кепплеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумя стами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но Магистеръ самъ напалъ на нихъ, стопталъ дружину Князя Рѣпнина [541], и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастію нашему, утружденные Нѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячь. Зная, что Полководцы Московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, Магистеръ въ исходѣ Октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенѣ [542]; а мы снова заняли сей городъ.— Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Валка тревожилъ набѣгами Псковскую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество селъ [543].

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпнинымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное [544], чтобы итти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ Магистру, что отъ него зависитъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если Нѣмцы

изъявить покорность. Отвѣта не было. 17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: отъ городка Краснаго, захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и близъ Тирсина встрѣтили Нѣмцевъ, коими предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказалъ мужество: знатнѣйшіе витязи Ордена и чиновники Архіепископа Рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста Нѣмцевъ пали въ битвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и тридцать лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ (545); остальные разсѣялись, и Князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ: Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильтенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ (546). Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дни стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17

г. 1559. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію.

г. 1559. Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пеплѣ!

За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій и Датскій.

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили Короля Августа готоваго къ твердому миру и союзу съ Россіею противъ Хана (547): для чего въ Мартѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы Литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ Державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ первомъ словѣ требовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отданной ему Императоромъ и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: „Вижу, „что Король перемѣнилъ свои мысли: да „будетъ, какъ ему угодно! Ливонцы суть „древніе данники Россіи, а не ваши: я „наказываю ихъ за невѣрность, обманы, „*торговыя вины* и разореніе церквей.“ Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если Король будетъ давать лучшую управу Россіянамъ, обижаемымъ его подданными (548). — Однимъ словомъ, ясно было, что война Ливонская произведетъ Литовскую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдаш-

нихъ обстоятельствахъ Ордена; Литвы и Г. 1559.
Россіи — весьма согласное съ благоразуміемъ Политики, которая осудила бы безпечность сего Монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливоніи изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость: чего недоставало Августу. Онъ шелъ на войну, и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечь немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена: старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣвъ, что Августъ и Магистеръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ — Густавъ писалъ къ Царю: „Не указываю тебѣ въ „дѣлахъ твоихъ; не требую, но только въ „угодность Императору Фердинанду молю „тебя, какъ великодушнаго сосѣда, даровать миръ Ливоніи, изъ жалости къ человѣчеству и для общей пользы Христіанства. Я самъ не могу хвалиться искреннимъ „дружествомъ и честностію Ливонцевъ: „знаю ихъ по опыту! Если хочешь, то напишу къ нимъ, что они должны пасть къ „ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ (549). Уймешь ли кровопролитіе, или

г. 1559. „нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хра„нить заключенный договоръ съ Россіею и „чтить высоко твою дружбу.“ Іоаннъ благодарилъ Густава за доброе расположеніе; изъяснялъ причину войны, и сказалъ: „если „не имѣешь особеннаго желанія вступаться „въ дѣла Ливоніи, то нѣтъ тебѣ нужды „писать къ Магистру: я самъ найду спо„собъ образумить его.“

Третьимъ ходатаемъ былъ Король Датскій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ (550). Тѣснимая Іоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты отца Фридерикова, Христіана III; Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: „Мнѣ „трудно править и своими землями: благо„разумно ли искать еще новыхъ и за нихъ „сражаться?“ Однакожъ далъ Эстоніи нѣсколько тысячъ гульденовъ, нѣсколько пушекъ, и назначилъ Посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ (551). Имѣя болѣе властолюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратить Даніи сію немаловажную область: писалъ къ Магистру, къ Епископу Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ спѣшить

въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не Г. 1559.
имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ: Фридерикъ I и Христіанъ III считали безполезнымъ союзъ Россіи, столь уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговыя связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымгородомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ восшествіи на престолъ, изъявивъ ревностное желаніе быть ему другомъ и возстановить торговлю съ нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами минувшихъ временъ*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области Датской, *только на время порученной Магистру*, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровалъ миръ и самому Ордену (552). Адашевъ *именемъ* Царя сказалъ Посламъ: ,,Мы со вниманіемъ слушали ваши ,,рѣчи; читали грамоты писанныя Госу- ,,дарями Россійскими къ Датскимъ и Дат- ,,скими къ Россійскимъ; видѣли ихъ ,,любовь взаимную; видѣли, что подданные ,,обѣихъ Державъ свободно и выгодно тор- ,,говали другъ съ другомъ. Если Король же- ,,лаетъ возобновить сію счастливую дру- ,,жбу, то и мы искренно расположены къ ,,оной. Но удивляемся, что онъ находитъ Дат- ,,скія владѣнія въ той землѣ, которая уже ,,шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Ве-

Г. 1559. ,,ликій Князь Георгій Владиміровичь, именуе-
,,мый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, осно-
,,валъ городъ Юрьевъ построилъ тамъ церкви

Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи.

,,Греческія, обложилъ всю землю данію — и съ
,,того времени она не бывала достояніемъ
,,иныхъ Государей. Знаю, что ея жители
,,безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ
,,Королевичей Датскихъ; но предки мои ка-
,,знили ихъ за сію вину огнемъ и мечемъ, а
,,Королевичей выслали; казнили и вторично,
,,свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ
,,собою мнимую власть Римскаго Цесаря.
,,Если Фридерикъ не знаетъ сего, то мы ве-
,,лимъ явить вамъ древніе договоры Ордена
,,съ Намѣстниками Новогородскими: читай-
,,те и разумѣйте истину сказаннаго нами!
,,. . . Было время, когда мы, сиротствуя
,,во младенчествѣ, не могли защитить правъ
,,своихъ: враги ликовали, тѣснили, губили
,,Россію. Тогда и Магистеръ и Епископы
,,Ливонскіе не захотѣли платить намъ да-
,,ни: брали ее съ земледѣльцевъ, съ городовъ,
,,но для себя" . . . Описавъ вины ихъ, Го-
сударь продолжалъ: ,,И такъ да не вступает-
,,ся Фридерикъ въ Эстонію. Его земля Да-
,,нія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ. Ко-
,,гда же хочетъ добра Ливоніи, да совѣ-
,,туетъ ея Магистру и Епископамъ лично
,,явиться въ Москвѣ предъ нами: тогда, изъ
,,особеннаго уваженія къ Королю, дадимъ имъ
,,миръ согласный съ честію и пользою Рос-
,,сіи. Назначаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ли-

„вонія можетъ быть спокойна!“ Посламъ Г. 1559.
вручили *опасную грамоту* на имя Властителей Ливонскихъ, въ коей было сказано, что Царь *жалуетъ* перемиріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и чтобъ Магистеръ *или* самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, *или*, вмѣсто себя, прислалъ *знатнѣйшихъ людей* для вѣчнаго мирнаго постановленія [553]. — Симъ отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услугамъ другаго, неисканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду [554], доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые Горными жителями и Козаками [555]. Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія

Г. 1559. беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Балтійскаго [556] — Девлетъ-Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ [557], и собравъ, какъ пишутъ, до

Нашествіе Крымцевъ.

ста тысячь всадниковъ, зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магметъ-Гирею, идти къ Рязани, Улану Магмету къ Тулѣ, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи [558]: тутъ плѣнники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воротынскій стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ идти далѣе: гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынскій шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ идти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову

и съ сей стороны тревожить нападеніями Г. 1559. Тавриду (559). Тогда же извѣстный мужествомъ Окольничій Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣтей Боярскихъ, съ Козаками и Стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ истребилъ нѣсколько сотъ Крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани; но юный, достойный братъ любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью тысячами воиновъ (560) онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построенныя въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ (561). Сдѣлалась неописанная тревога во всѣхъ Улусахъ; кричали: „Русскіе! Русскіе! и Царь съ ними!" Уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ—и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ Юрты, хваталъ стада и людей, освобождая Россійскихъ и Литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ Улусахъ, находились Турки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что Царь воевалъ землю сво-

Впаденіе Россіянъ въ Тавриду.

Г. 1559. его злодѣя, *Девлетъ-Гирея,* а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Наши сами выѣхали къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Солиману. Между тѣмъ Ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ Татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младаго витязя, привезенная въ Москву Княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* Царства, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ* (562); воспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну остается пожелать, и Крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно (563): пославъ золотыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война Ливон-

ская опять запылала сильнѣе прежняго и Г. 1559.
спасла Тавриду. Іоаннъ оставилъ только
Ногаямъ и Козакамъ тревожить Хана [564],
и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя
мирныя предложенія: „Видишь, что война
„съ Россіею уже не есть чистая прибыль.
„Мы узнали путь въ твою землю и сте-
„пями и моремъ. Не говори *безлѣпицы* и
„докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе:
„тогда будемъ друзьями" [565]. — Кромѣ Но-
гаевъ, послушныхъ Князю Исламу, вѣрному
союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь
имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ
Черкесскихъ: они требовали отъ насъ Пол-
ководца, чтобы воевать Тавриду, и Цер-
ковныхъ Пастырей, чтобы просвѣтить
всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и
другое желаніе было немедленно исполнено:
Государь послалъ къ нимъ бодраго Вишне-
вецкаго и многихъ Священниковъ, которые,
въ дебряхъ и на скалахъ горъ Кавказскихъ
основавъ церкви, обновили тамъ древнее
Христіанство [566].

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ор-
дену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы
нарушили оное: вывелъ большую часть вой-
ска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ Ма-
гистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный,
что надобно или побѣдить Россіянъ или
принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать
не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы скло-
нить Августа къ дѣятельному, ревностно-

Г. 1559. му участію въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Орденскаго Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, страшные замыслы Іоанновы (567); доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, тронутые краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечь; а Литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженіемъ (568). Наконецъ подписали договоръ. Магистръ и Рижскій

Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Архіепископъ отдали Королю *въ залогъ* крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашератъ, Дюннебургъ, Розитенъ, Луценъ, съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячь гульденовъ

до окончанія войны; а Король обязался Г. 1559.
стоять всеми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи (569).

Съ сею харшіею Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ: ободрилъ чиновниковъ и гражданъ; ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Литвы; воспоминали славную для нее битву Днѣпровскую (570); искали между извѣстными Воеводами Августовыми новыхъ Константиновъ Острожскихъ. „Мы должны указать имъ путь къ побѣдѣ", говорилъ Кетлеръ: „кто требуетъ содѣйствія, долженъ „дѣйствовать; первые обнаживъ мечь, увлечемъ друзей за собою въ поле." Герцогъ Мекленбургскій, Христофъ, Коадъюторъ Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячь золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистратъ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ: такъ одинъ Рижскій лавочникъ далъ ему тридцать тысячь марокъ подъ росписку (571). Богатѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золото въ казну Орденскую.

Г. 1559. Симъ способомъ Магистеръ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Россіянъ мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяцъ до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпта и наголову разбилъ неосторожнаго Воеводу Захарію Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянъ (572). Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василію Серебряному, которые съ лучшими Дѣтьми Боярскими, Московскими и Новогородскими, спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду Магистрову.

Магистеръ нарушаетъ перемиріе.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Катыревъ-Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ (573); встрѣтилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистеръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропотъ въ его станѣ.

Наемные Германскіе воины не любили трудовъ. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, *зимнюю осаду, или на* приступъ: то и другое казалось ему неблагоразуміемъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхѣ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ (574). Принужденный удалиться отъ Дерпта, Магистеръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неустрашимымъ Головою Стрѣлецкимъ, Кошкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ *Венденѵ* какъ побѣжденный, и знатнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпріять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Лаиса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей Ростовскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ Нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и

Славная защита Лаиса.

г. 1560.

Г. 1560. другому за спасеніе вѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ранной.

Вѣроятно, что Магистеръ, съ такимъ усиліемъ и спѣхомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенія противъ Россіи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: „иначе „(писалъ онъ) я долже́нъ буду оружіемъ за„щитить мою собственность: ибо Магис„теръ торжественно назвалъ себя присяж„никомъ Великаго Герцогства Литовскаго. „Мнимыя права Россіи на Ливонію суть но„вый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ твой, „ни ты самъ донынѣ не объявлялъ ихъ“ (575). Володковичъ словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: „вотъ наше право!“ и, по совѣту Бояръ, отвѣчалъ Августу: „Не только Богу и всѣмъ Государямъ, „но и *самому народу* извѣстно, кому при„надлежитъ Ливонія. Она, съ вѣдома и со„гласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Ма„гистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда пла-

Угрозы Августовы.

,,шила дань Россіи. Твои требованія смѣш- Г. 1560.
,,ны и непристойны. *Знаю, что Магистръ*
,,ѣздилъ въ Литву и беззаконно отдалъ те-
,,бѣ нѣкоторыя крѣпости: если хочешь ми-
,,ра, то выведи оттуда всѣхъ своихъ на-
,,чальниковъ, и не вступайся за измѣнни-
,,ковъ, коихъ судьба должна зависѣть отъ
,,нашего милосердія. Вспомни, что честь
,,обязываетъ Государей и дѣлать и гово-
,,рить правду. Искренно хотѣвъ быть въ
,,*союзѣ съ тобою противъ невѣрныхъ,* не
,,отказываюсь и теперь заключить его. *Жду*
,,отъ тебя Пословъ и благоразумнѣйшихъ
,,предложеній" (576). Іоаннъ *желалъ* войны.
Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, который, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Россіею, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвѣтствовалъ Фердинанду, что ,,если онъ, подобно Максимиліану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей именитыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ" (577) — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Гонецъ отъ Императора.

Г. 1560. Новое разореніе Ливоніи.

Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ слѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить вѣроломство; подступили ко Тарвасту, гдѣ находился старый Магистеръ Фирстенбергъ, стоптали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Нѣмцевъ у Феллина (578); а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго владенія. Напрасно искавъ Магистра и битвы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Алысту* или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большаго озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь, и Россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ управлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадою) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы

Взятіе Маріенбурга.

благоразумно сдалися; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирхгольмской темницѣ: ибо Магистеръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Укскилю и Конкарову (579). Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились

во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили Нѣмцевъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые *стороницики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію (580). Г. 1560.

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: ,,Мнѣ должно или самому ѣхать въ ,,Ливонію или вмѣсто себя послать Воеводу ,,опытнаго, бодраго, смѣлаго съ благоразу- ,,міемъ: избираю тебя, моего *любимаго*! Иди ,,и побѣждай" (581)! Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Бояринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!... Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая Побѣды К. Курбскаго. выступили изъ Дерпта къ *Бѣлому Камню* или Виттенштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегефеерь (582); опу-

Г. 1560. сптоптали богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Виттенштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій Магистеръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились итти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фирстенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицемъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно явилось: Россіяне устремились впередъ, сломили, гнали Нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ

Магистрову стану: взялъ весь его обозъ, и г. 1560.
привелъ въ Дерптъ сто семдесятъ чиновныхъ плѣнниковъ. — Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллинская. Фирстенбергъ охранялъ сію крѣпость: видя нѣсколько сотъ Татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ битвы (583).

Но въ то время, какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Ѳеодора, и дочь Евдокію (584); цвѣла юностію и здравіемъ; но въ Іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ (585). Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ: тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: *стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами*, и своею неустрашимостію возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни

г. 1560. или остались изувѣченными [588]. Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась . . . Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни Духовенству, ни Вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали [587]. Іоаннъ шелъ за гробомъ: братья, Князья Юрій, Владиміръ Андреевичь и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина . . . . Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Кончина Царицы Анастасіи.

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Конецъ VIII Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ VIII ТОМА.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

Г. 1538—1547.

ГЛАВА III.

ГЛАВА V.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VIII ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

---

(1) Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 117: „приказываетъ (Василій) Еленѣ „скипетръ Великія Руси до возмуженія сына: вѣдаше бо ея боголюбиву „и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужественну, и всякого Царь„скаго *разума исполнено* сердце ея, яко всѣмъ уподобися Великой Еленѣ „Руской." Сія лѣтопись и *Царственная Книга* суть главные источники для описанія первыхъ временъ Іоанновыхъ.

(2) См. въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 27, *списокъ Бояръ*, гдѣ сказано: „при „Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ Бояре отца его: Князь Василій Ва„сильевичь Шуйскій, К. Борисъ Ивановичъ Горбатой, К. Никита Ва„сильевичь Хромой-Оболенской, Иванъ Никитичь Бутурлинъ, Михай„ло Семеновичь Воронцовъ, К. Иванъ Щетина Ивановичь Оболенскій, „К. Дмитрій Ѳедоровичь Бѣльской, Михайло Юрьевичь Захарьинъ, К. „Иванъ Ѳед. Бѣльской, К. Иванъ Данил. Пеньковъ, К. Мих. Ив. Кубен„ской, К. Ѳедоръ Ив. Одоевской, К. Иванъ Ивановичъ Барбашинъ, К. „Ив. Вас. Шуйской, К. Вас. Андр. Микулинской, Ив. Григ. Морозовъ, „Конюшій К. Иванъ Ѳедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, К. Иванъ „Андр. Капыревъ-Ростовской, Вас. Григ. Морозовъ, К. Романъ Ив. „Одоевской."

Князь Щербатовъ въ своей Исторіи напрасно *угадываетъ*, кто именно засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ при Еленѣ: санъ Болрина означалъ Великокняжескаго Совѣтника.

Князь Борисъ Горбатый былъ Намѣстникомъ въ Новѣгородѣ, К. Михайло *Кубенскій во Псковѣ*, Князь Барбашинъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и проч.

(3) См. Т. VII, стр. 164.

(4) См. Герберш. R. M. Com. стр. 80.

(5) На примѣръ, во всѣхъ бумагахъ дѣлъ внутреннихъ писали: „пове„лѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Вел. Князя Государя Ивана Ва„сильевича всея Руси и его матери, благочестивой Царицы, Великой Го„сударыни Елены"; *или*: „Князь Великій и мати его, Вел. Княгиня, посо„вѣтовавъ о томъ съ Бояры, повелѣли," и проч. (см. Синод. Лѣт. No 351, л. 195 на об. и 143); въ дѣлахъ же иностранныхъ совсѣмъ не упоминается о Еленѣ.

(6) См. *Царствен. Кн.* 35, и *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго, гдѣ сказано: „и начаша Государя ставити, К. Ивана Васильевича, на Великое Княже„ніе въ Соборной церкви: Митрополитъ Даніилъ . . . . . благослови его „крестомъ, и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, „благословляетъ тебя, Князь Великій, Владимірскій, Московскій, Новго„родскій, Псковскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смолен„скій, и иныхъ земель многихъ Царь и Государь всея Русіи! Добръ здо„ровъ буди на Вел. Княженіи отца своего! И начаша ему пѣти много„лѣтіе, и пойдоша къ нему Князи и Бояре, и понесоша ему дары многи."

(7) См. *Син. Лѣт.* No 351. К. Горбатый названъ братомъ Шуйскаго. О прежнемъ бѣгствѣ К. Андрея сказано: „Князь Великій посылалъ по не„го и по брата его, К. Ивана: оба бо тогда отъѣзжали. Князь же Юрій „вскорѣ ихъ отда . . . Князь же Великій велѣлъ ихъ оковавши разослати „по городомъ. Послѣ же Великая Княгиня ихъ пожаловала выпустила; а „больше Митрополитъ и Бояре объ нихъ печаловались," и проч.

(8) См. *Царствен. Кн.*

(9) *Увидимъ*, что К. Андрей Шуйскій былъ освобожденъ по кончинѣ Правительницы. Въ Послужномъ спискѣ тогдашнихъ чиновниковъ (см. *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 28) наименованъ онъ въ числѣ новыхъ Бояръ Іоаннова времени подъ г. 1535; но здѣсь ошибка: въ лѣтописи сказано, что К. Андрей уже въ 1538 году получилъ сіе достоинство (см. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 195 на об.)

(10) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: „Діяволъ вложи имъ мысль сію, вѣдяще „бо, аще не поиманъ будетъ Князь Юрьи, не тако воля его совершитца „въ грабленіи и во убійствахъ."

(11) Отецъ Бѣльскихъ выѣхалъ изъ Литвы. К. Симеонъ и Ляцкій съ сыномъ бѣжали въ Августѣ.

(12) См. Герберш. R. M. Com. 80, *Царствен. Кн.* 38 и *Синод. Лѣт.* 128 и 178, гдѣ сказано: „Сент. 15 преставись К. Мих. Льв. Глинской въ „нужѣ, поиманъ бысть по слову наносному отъ лихихъ людей . . . . и „положенъ бысть за Неглинною, за Ямскимъ дворомъ . . . . . а послѣ къ „Троицѣ отвезенъ того жъ мѣс. 16." — Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говоритъ, что Глинскаго ослѣпили и замучили по совѣту К. Ивана Телепнева-Овчины.

(13) См. *Послужный списокъ Бояръ* въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 30.

(14) См. *Дѣла Крым.* No 8, л. 20. Нашъ посланникъ долженъ былъ сказать Хану: „Нынѣ съ Божіею волею Князь Великій Иванъ учинился „Государемъ, а у него братъ Великого Князя Андрей Ивановичь."

(15) Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 176 на об.: „Авг. 7 въ Четвергъ, въ „третій часъ дни преставись К. Юрій Ивановичь *страдальческою смер„тію, гладною тужею.*"

(16) См. *Синод. Лѣт.* л. 182-186 и *Царствен. Кн.* 67. Андрея звали въ Москву будто бы для того, чтобы узнать его мнѣніе о войнѣ Казанской. Въ сіе время Сафа-Гирей подступалъ къ Мурому (см. ниже). „И „Ѳеофилъ сказалъ про Андрея, что болѣзнь его легка; сказываетъ на „стегнѣ болячка, а лежитъ на постелѣ . . . . . Князь же Великій и его „мати послаша ко К. Андрею . . . . и сказали тѣ посланники, что люди „у него прибылые есть, которые не всегда у него живутъ, а говорити „не смѣютъ . . . . Послалъ К. Андрей на Москву Боярина своего, К. Ѳе„дора Дм. Пронскаго . . . . а сынъ Боярской Княжь Андреевъ, К. Васи„лей, Княжь Ѳедоровъ сынъ Голубого, Ростовскихъ Князей, изъ Стари„цы прислалъ тайно ночью къ К. Ив. Ѳед. Овчинѣ человѣка Еремку съ „тѣмъ, что К. Андрею на утро бѣжати . . . . . и Князь Великій и мати „его послали за К. Андреемъ Владыку Досиѳея, да Архим. Симонов. Фи„лоѳея, да отца его духовнаго, Протопопа Спасскаго, Симеона; а велѣли

„дати слово К. Андрею, что у нихъ лиха въ мысли нѣтъ . . . . . А нѣ„что не повѣритъ и побѣжитъ, того для послали за К. Андреемъ Бояръ „Князей Оболенскихъ со многими людьми, а велѣли стоять на Волоцѣ. А „Боярина Княжъ Андреева, К. Ѳедора Пронскаго, поймати (на дорогѣ) и „на Москву привести . . . . И какъ его имали, ушелъ Княжъ Андреевъ „сынъ Боярской, Судокъ Дм. Сатинъ, и сказалъ К. Андрею . . . . И при„ходилъ съ Волока въ Старицу Княжъ Андреевъ же Сынъ Боярской, „Яковъ Веригинъ, а сказалъ, что пріѣхали К. Никита, да К. Ив. Овчина, „а ѣдутъ тебя имати . . . И К. Андрей побѣжалъ Мая 2 . . . . и изъ „Берцова побѣжалъ отъ К. Андрея К. Василей Ѳед. Голубого, да сказалъ „Вел. Князю и его матери . . . . И К. Андрей изъ Новоторжскаго „уѣзда за рубежъ не поѣхалъ, а пошелъ къ Новугороду . . . . Велѣли „Князю Никитѣ Оболенскому крѣпити Новгородъ и людей къ цѣлованію „привести, да противъ К. Андрея стояти и посаду ему лечи не дати . . . „Архіепископъ Макарій (см. *Архив. Ростов. Лѣт.*) въ Новѣгородѣ по вся „дни молебная совершая, а Намѣстникъ К. Дмитрій Горбатой и Дьяки по„велѣша градъ ставити на Торговой сторонѣ, и поставиша въ 5 дней; и про„тивъ К. Андрея послаша Воеводу Бутурлина . . . . А К. Андрей отъ Заячь„скаго яму своротилъ влѣво, къ Тюхоли, отъ яму верстъ съ пять . . . . . „Княгиню Андрееву посадили на Берсеневѣ дворѣ . . . . а Бояръ его, К. „Ѳедора Пронскаго, К. Ив. Андр. Пенинского - Оболенскаго, Дворецкаго „К. Юрья Андр. меньшаго Пенинскаго, Конюшаго К. Бориса Ив. Палец„каго, Князей и Дѣтей Боярскихъ, которые у него въ избѣ были и его „думу вѣдали, Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева, да ш.ври„на Княжъ Андреева, К. Ив. Андр. Хованскаго, велѣли пытати и казни„ти торговою казнію, и въ наугольную стрѣльницу посажати; и К. Прон„скаго въ той нужи не стало . . . . и Дѣтей Боярскихъ, Андрея Пуп„кова, да Гаврила Волод. Колочевыхъ съ товарищи 30 человѣкъ, велѣли „бити кнутіемъ на Москвѣ и повѣсити по Новог. дорогѣ не вмѣстѣ, и „до Новагорода."

Въ Синод. Лѣт. въ листъ, подъ No 318, сказано: „Князь Великій И„ванъ Вас. и мать его начаша помышляти, какъ бы имъ К. Андрея изы„мати, и послаша къ нему К. Бориса Щепина - Оболенскаго, и повелѣша ему „отъ себя послати на Коломну Воеводу своего, К. Юрья Ондр. Оболенскаго, „а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ многихъ, Старичанъ и Олексинцовъ, и Верея(ь, „и Вышегородцовъ — и посла . . . . . И яша К. Ѳедора Проньскаго въ „селѣ въ Павловскомъ на Истрѣ за 30 поприщъ отъ Москвы, и посадиша „въ нутрѣ города на Княжь Ондреевѣ дворѣ Ивановича . . . . И бысть „К. Андрею третій станъ на Цнѣ, проѣхавъ Волочокъ Вышній, и „побѣгоша отъ него Дѣти Боярскіе, два Валуевыхъ, да Бекетовъ, да Вешнякъ; и Ондрея Валуева ухватиша и приведоша ко Князю, и повелѣ ближ„нему своему Дворянину Кашѣ блюсти его крѣпко; а Каша повелѣ людемъ „своимъ связати ему руцѣ и нозѣ, и вергоша его въ озерко въ одной сра„чицѣ, а главу ему выставиша на берегъ, дабы онъ не залился, и пыта„ша, много ли ихъ въ думѣ было? и онъ сказа на многихъ . . . . . Князь же „Андрей то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не всѣхъ тѣхъ перехѣ-

„тапи. Слышавъ то Воевода К. Андреевъ, К. Юрьи Оболенской, въ Ко„ломнѣ, и нача Богу молитися, и ушаясь Воеводъ Великаго Князя, поѣха „съ Коломны, и Волгу лѣзе подъ Дегулинымъ, и повелѣ суды перевозные „просѣчи, и наѣха своего Князя на рѣчкѣ на Березнѣ, мало не доѣхавъ Ѣд„рого яму, и радъ бысть ему Князь .... И пріидоша на него въ Тюхо„лехъ К. Иванъ Ѳед. Овчина, да К. Романъ Ив. Одоевской, да К. Дм. Ив. „Оболенской Шкурлешевъ, да К. Вас. Ѳед. *Оболенской-Лопатинъ*, да „Окольничей Дм. Данил. Слѣпой, и начаша наступати на заднихъ сторо„жовъ. Князь же Андрей восхотѣ битися, и Воеводы Московскіе нача„ша *посылати къ нему, чтобы крови не пролилъ, а Государь и мать его* „отпускаютъ тебя на твою отчину невредимо, и Бояръ твоихъ. И не у„спѣша дѣла въ словѣ положити, понеже присѣ вечерь. И съ того ста„ну *отъ К. Андрея побѣжалъ К. Константинъ Ѳед. Проньской, да шуть* „его Гаврила, да Ключникъ. И на завтра Воеводы даша клятву К. Ан„дрею ... и бывшю К. Андрею близь Москвы у Св. Николы на Хвынскѣ, „*и нѣхто отъ его Стольниковъ*, К. Иванъ Шахъ Черняшинской, нача со„вѣтовати съ Стольники, дабы ему сложити съ собя К. Андрею цѣло„ванье, убояся пониманья, и не добыша собѣ поборника никого же. Бысть „же у посаду у Москвы, противъ Хлынова, и нача складывати съ собя „крестное цѣлованье Ивану Ивановичу Колычову Умному, чтобы Князю „сказалъ. Иванъ же въ томъ ему словѣ отречеся." Въ Архивѣ Иностр. Кол. сохранились нѣкоторыя бумаги о дѣлѣ Князя Андрея. Выписываемъ изъ нихъ слѣдующее: „К. Андрей Ивановичь велѣлъ тобѣ, Государыни „своей (Еленѣ), челомъ ударити .... Насъ по грѣхомъ отъ осени немочь „постигла великая .... и Государь приказалъ къ намъ съ великимъ запре„щеньемъ, чтобы намъ у него одноличено быти ..... а прежъ сего того „не бывало, чтобъ насъ къ вамъ, Государемъ, на носилахъ волочили; и язъ „своею болѣзнью и бѣдою съ кручины отбылъ ума и мысли ..... И вы бъ, „Государи, показали милость, огрѣли сердце и животъ холопу своему „своимъ жалованьемъ." Митрополитъ Даніилъ велѣлъ Епископу Досиѳею говорить такъ предъ Княземъ Андреемъ: „Ты хочешь оставити благо„словенье отца своего и гробы родителей, и святое отечество ..... и „се ты, чадо непослушное, самъ на себе налагаешь тягость церковную „и юзу вѣчную ..... Не буди на тебѣ милости Божія ..... да будеши „проклятъ." Въ *Синод. Лѣт. No 351, л. 191*: „*Декабря 10 въ 7 часу но*„чи преставися К. Андрей Ивановичь въ нужѣ страдальческою смертію „въ полатѣ на дворцѣ у Рожества Ивана Предтечи."

(17) См. *Синод. Лѣт. No 351, л. 138 на об. и 181*. Первые, Финляндскіе послы пріѣхали въ Москву 16 Генваря въ 1535 г. и названы Гутманъ Лавровъ, Матіашь Лавровъ (у Далина Гудмундъ Ларсонъ, Матсь Ларсонъ) и Олбрехъ Оввимовъ; *а вторые*, Шведскіе, пріѣхавшіе 25 Февр. 1537, Кнутъ Андрей съ товарищи. Договоръ ихъ съ Новогород. Намѣстниками, подписанный 25 Марта, хранится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи. *Далинъ пишетъ* (III, гл. 5), что Густавъ не утвердилъ договора, заключеннаго первыми Послами.

(18) См. сію грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No 3 *между Лиф-*

лицевыми. Со стороны Псковитян были при договорѣ Старосты Богдан Ковырин, Назар Глазаной, Андрей Анкудиновъ; отъ Магистра же Иванъ Лоденъ и Ѳедоръ Корфъ. О границѣ сказано: „по Норовѣ рѣкѣ „стержнемъ.“ О торговлѣ: „горою и водою путь чистъ ..... А корчмы „Нѣмцомъ во Псковской земли не продавати, а цѣны товаровъ у Нѣмец„кихъ гостей Псковичемъ не уставливати и гостинцовъ не имати; а во„ску у Псковскихъ гостей Нѣмцомъ не колупати, опричь того, что у„колупивъ не много на опытъ, да ему жъ отдати назадъ ..... А выше „десяти рублевъ будетъ каково дѣло, ино въ тѣхъ Нѣмецкихъ городѣхъ „Псковитина съ Нѣмчиномъ не судити, а дати Псковитина на поруку, „да о томъ сослатися съ Намѣстники Великаго Государя.“ См. *Синод. Лѣт.* л. 142. Тамъ сказано, что Послы Ливонскіе пріѣхали въ Москву 16 Марта 1535; а въ грамотѣ, что перемиріе заключается отъ 1 Октября 1534.

(19) См. *Синод. Лѣт.* л. 124, 129, 131, 154. Прежде Тимоѳея Васильевича Заболоцкаго ѣздилъ въ Молдавію Посланникъ Иванъ Прокудинъ.

(20) См. *Кантемирову Исторію Оттом. Имперіи.*

(21) См. *Синод. Лѣт.* л. 193. Грекъ Андреянъ пріѣхалъ 6 Марта вмѣстѣ съ Монахами Синайской горы, у которыхъ было письмо отъ Цареградскаго Патріарха къ Вел. Князю.

(22) Вел. Князь въ Окт. 1536 году послалъ въ Астрахань сына Боярскаго, Ѳед. Быкова: онъ возвратился 30 Августа 1537 съ Царскимъ Посломъ, К. Ишимою, который 17 Окт. выѣхалъ изъ Москвы съ Боярск. Сыномъ Ив. Клушинымъ. Ногайскіе Татары Мамаевы ограбили ихъ въ степи. Узнавъ, что сдѣлалось въ Астрахани, Бояре велѣли Клушину возвратиться, а К. Ишиму отправили туда Волгою.

(23) См. Дѣла Ногайскія, No 2, л. 7, 9, 18, 67, 103. Ногайскіе Послы *были въ Москвѣ въ 1534, 1536 и 1537 годахъ. Иногда, на возвратномъ пути,* они грабили въ Россіи. Отъ насъ также ѣздили посланники въ Ногаи.

(24) См. Дѣла Польскія No 2, 167-169. Въ Переписной Архивской Книгѣ No 1, л. 257 на об. означено, что еще въ 1531 году были посыланы Мешко Иващинъ и Булгаковъ къ Венгерскому Королю Фердинанду.

(25) Въ Генв. 1534 поѣхалъ Сынъ Бояр., Тимоѳей Заболоцкій къ Сигизмунду съ извѣстіемъ о кончинѣ Василія, и возвратился 22 Іюля. См. *Дѣла Польскія No 2, стр. 154. — Въ Іюлѣ Великокняжескій* Посолъ, Ѳедоръ Ив. Беззубцевъ, взялъ присягу въ Казани съ Царя и народа.

(26) 8 Мая. Плѣнниковъ взяли только 53.

(27) Бѣльскому далъ Король Зизморы, Стоклиски и Кормялово, а Ляцкому съ сыномъ Высокій Дворъ и Жолудокъ въ Троцкомъ Воеводствѣ (См. Стриковскаго).

(28) См. *Царствен. Кн.* 38-40, *Синод. Лѣт.* л. 132-134, и *Архив. Лѣт.* л. 10-11.

(29 См. Архив. *Псков. Лѣт.* — Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „многихъ по „своей Вѣрѣ православнѣй отпущали, а Церкви православные вельми че„стно велѣли держати воинству,“ и проч.

(30) *Царствен. Кн. 40, Синод. Лѣт.* л. 135-137, и Дѣла Крымскія No 5,

л. 130. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго сказано, что въ войскѣ Московскомъ находилися Татары съ Царемъ своимъ, лыжники и Мордвичи Рязанскіе; что онъ на возвратномъ пути шелъ черезъ область Псковскую и весьма отяготилъ землю поборами. Сей Царь долженъ быть Шигъ-Алей; но еще Василій сослалъ его на Бѣлоозеро. Здѣсь Лѣтописецъ по видимому ошибся, равно какъ и въ томъ, что будто бы Алея заточили въ 1534 году. Онъ пишетъ: „Въ лѣто 7042, въ Великій постъ, засадиша на Москвѣ Царя Шигъ-Алея и послаша его на Бѣлоозеро, а людей его по городомъ разведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ съ женами и съ дѣтьми; и приведоша ихъ во Псковъ и нарядиша имъ избы на Нѣмецкомъ дворѣ у Трупѣковскихъ воротъ; а Дьяка Колтырю Ракова свелъ Князь Вел. на Москву, и бысть Псковичемъ радость; а онъ многія пошлины уставилъ, а нога у него крива.... Мѣсяца Іюня (1535) посадиша Татаръ Царя Шигъ-Алея людей 73 въ тюрму въ среднемъ городѣ подъ Буркоевскимъ костромъ на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7; и тии изомроша, и выкидаша ихъ вонъ, а 8 живы осташася ни поены, ни кормлены, а тѣхъ прибиша, а Катуней посадиша въ иную тюрму.... И Владыка Макарій (въ 1536 г.) упроси у Вел. Князя на свое бремя Татаръ Шигъ-Алея женъ, кои сидѣли въ тюрмахъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ Священникомъ и повелѣ ихъ крестити, и бысть радость веліа въ людехъ, и начаша ихъ Священники давати замужъ, а онѣ къ Вѣрѣ Хр. добры быша." Въ Новѣгородѣ умерло Шигъ-Алеевыхъ Татаръ въ темницѣ болѣе 80. Одинъ изъ нихъ, Осанъ, крестился, и былъ названъ Михаиломъ (см. Архив. *Ростов. Лѣт.*); а женъ Татарскихъ крестилось тамъ 43, дѣтей 36, во Псковѣ женъ и дѣтей 51, въ Орѣшкѣ 12, въ Корелѣ 30.

(31) См. *Синод. Лѣт.* л. 129 на об.

(32) Генв. 8, 1534 г., отправился къ Хану Посланникъ Иванъ Челищевъ; Іюня 22 *Исламъ* увѣдомилъ Вел. *Князя* о своемъ воцареніи. Вторымъ нашимъ Посланникомъ въ Тавридѣ былъ Ѳедоръ Логиновъ; а Князь Мезецкій *съ большою казною* поѣхалъ туда въ началѣ 1535 году. Исламовъ Посланникъ *Будалый Мурза, на возвратномъ пути*, въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ поссорился въ корчмѣ съ людьми Намѣстника, К. Ивана Барбашина, и былъ раненъ ими въ дракѣ: Правительство наше выдало ему сихъ *людей головою*. Исламовъ Посолъ, К. Тенешъ, подалъ грамоты *самому* Іоанну 24 Генв. Для истребованія отъ Хана новой *шертной грамоты* ѣздилъ къ нему Данило Загряской (см. Дѣла Крымскія No 8, л. 3-203).

(33) См. *Синод. Лѣт.* л. 144-147. Вторымъ начальникомъ Московской рати былъ К. Данило Дмитріевичь Пронскій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именуются К. Ѳедоръ Курбскій, К. Василій Охлябининъ, К. Троекуровъ, и проч. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: „Псковичи нарядиша 500 пищальниковъ и 3000 коней въ телегахъ и человѣка на кони, и 3000 четвертей овсяной засыпы толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, 360 сѣмени конопляного, а на Москву послаша пищальниковъ 400 — все то одного году. А Новгородцы посохи много послаша Себежа новаго дѣлати, 60 верстъ отъ Опочки, въ Петровъ день; а пои-

„чанъ бысть Іюля 25; затвориша его и освящаша церкви Усѣкновенія „Главы Св. Іоанна, да придѣлъ Св. Николы, да другой Царя Констянтина; а Священниковъ *греи* послали изо Пскова. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „И градъ поставили на Себежѣ, и Князь Великій приказалъ Архіепископу Макарію Священниковъ Соборныхъ туда послати, а самому имя граду нарещи и Макарій имя нарекъ *Иванъ-городъ на Себежѣ.*"

(34) См. Дѣла Крымскія, л. 209, 227.

(35) *Синод. Лѣт.* л. 147-150. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго сказано о числѣ Татаръ. Воеводы Московскіе посылали за Оку три отряда выгнать ихъ изъ Рязанскихъ предѣловъ.

(36) См. *Синод. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.* сказано, что Щепинъ *встрѣтилъ* непріятелей и сдалъ имъ городъ.

(37) См. *Синод. Лѣт.* л. 150-152. О подкопѣ сказано: „наставиша въ „яму подъ стѣною множество бочекъ съ пушечнымъ зеліемъ, и позажгоша тамо свѣчи, и догорѣша свѣчи до земли, и гряну аки громъ;" а въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „подкопашася подъ стѣну 200 саженъ, и подкатиша норами бочки съ зельями и зажгоша съ устья, и треснуша зеліе, и вынесе 4 прясла стѣны и стрѣльницу." Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* прибавлено, что у Литовцевъ было два городѣя, и что Воеводы Стародубскіе сказали дружинѣ: „братіе! аще не нынѣ умремъ; умремъ убо „всяко, но постраждемъ за Святую Вѣру." — Въ Почепѣ Воеводою былъ К. Юрій Вас. Ушатый: его за болѣзнію отвезли въ Москву. Θедоръ Сукинъ названъ *Осадчикомъ*. Литовцы, оставивъ Стародубъ, шли мимо Почепа, гдѣ бродило, среди дымящихся развалинъ, нѣсколько бѣдныхъ людей, которыхъ они заставили присягнуть Королю Сигизмунду.

(38) Здѣсь сія Царевна именуется *Ковгоршадъ*, а прежде названа была *Горшадною*. Далѣе: „Октября въ 4 пріѣхалъ Θетко Дѣвочкинъ Новгородецъ, а посланъ былъ въ *Казань* съ Θед. Беззубцовымъ, а сказалъ, что „Князи Казанскіе, выпустивъ Еналея Царя изъ Казани, на рѣчкѣ Казани „велѣли его убити Сент. 25." Въ дѣлахъ Крымскихъ сказано (No 8, л. 267 на об.): „и сталъ Яналей молодостью ѣздити не по пригожимъ мѣстомъ, и въ Казани лихихъ людей много, люди съѣзжіе, и они Царя убили . . . . и прочь поѣхали въ Азторокань и въ иные мѣста; а другіе побоялися, да взяли Царевича изъ Крыма Сафа-Гирея." А въ *Казан. Лѣтописцѣ* сказано, что Еналей убитъ спящій. О *женитьбѣ* Сафа-Гиреевой см. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 110 на об.

(39) „25 Окт. пріѣхали на Москву Казаки, Городецкіе Татарове, а убили на Волгѣ 100 человѣкъ ихъ, а сказывали, что Казанскіе Князи, Шабалъ Епанчинъ, да братъ его Шабалашъ, да Карамышъ съ братомъ Евлушемъ, Хурсуловы братья, и съ ними Князей и Мурзъ и Казаковъ съ 60 „человѣкъ изъ Казани вышло, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили," и проч.

(40) За Шигъ-Алеемъ посылали К. Никиту Туренина. Онъ пріѣхалъ въ Москву 12 Дек.

(41) „Князь Великій велѣлъ Царю встати и звалъ къ себѣ карашеватись и сѣсти съ правые руки на другой лавкѣ."

(42) „Княжъ Өедорова Княгини Мих. Мстиславского Княгиня Анастасія, „да Елена Иванова жена Андреевича, да Аграфена Васильевская жена Андреевича" (Челяднины) „и *иные многие*."

(43) „К. В. *Василей Ивановичь вскормиль меня какъ щеня* . . . . *Хощу* „*умерещи яко же брашъ мой*, *чтобы и мнѣ тошь минъяшъ* (папно) съ „себя свести."

(44) „*Велѣла* (*Елена*) *встрѣтити ее у сѣней Огрофенѣ Ивановской женѣ* „Волынскаго, да съ нею молодымъ боярынямъ, и какъ Царица взошла се„реди лѣсницы, и шушо встрѣтила ее Боярыня Огрофена Васильевская „*жена шакже съ молодыми Боярынями* . . . . И Князь Великій вошелъ въ „полату, и Царица востала, и Князь Вел. молвилъ Царицѣ: *Табугъ Са*„*ламъ*, и съ нею карашевался, и сѣлъ у Царицы съ правой руки, а Боя„ре по обѣ стороны; а у Вел. Княгини были Княгиня Анастасія (Мстиславская), Боярыня Елена да Огрофена (Челяднины), да Огрофена, жена „Волынскаго, и иныя." За столомъ Царица сидѣла у Елены на правой стеронѣ въ углу, а *на лѣвой Княгиня* Мстиславская, Боярыни Челяднины и другія; на скамьѣ Княгиня Марөа Бѣльская, Волынская и другія. У Елены былъ Кравчичь *Иванъ Ивановичь Челяднинъ*.

(45) Въ *Царствен. Кн.* стр. 64: „Елена посовѣтовала съ Бояры, что „пригоже ли у нее быти Царю, зане же еще Вел. Государь младъ, а по„*ложеніе* Царскаго скипетра и державы на ней," и проч.

(46) „Окт. 24 пріѣхалъ изъ Казани Данилко Спагинъ . . . . а сказалъ, „что Царица Сафа-Гиреева а Мамаева дочь, изъ Нагай въ Казань пріѣ„хала, а ѣздилъ по нее Табай Князь, да съ ней не пріѣхалъ въ Казань, а „того вѣдома нѣтъ, гдѣ ся дѣлъ."

(47) „Пришли къ Сурѣ" (*Гундоровъ и Замыцкій*) „*и пашли на Слѣду* „Татаръ . . . . и возвратилисъ; а Татарове пришедъ на Нижегородскіе „мѣста нощію на сонные люди, Дек. 24 повоевавъ да и прочь пошли; а „Воеводы *изъ Нижн. Новагорода за ними, а чаяли, что Татарове придутъ* „къ Мещерскымъ Воеводамъ, а они назади, а К. Сем. Гундоровъ и Вас. „Замыцкой *ушли* въ Мещеру, и Князь Великій и мати его велѣли Ниже„город. Воеводамъ воротитися . . . . Генваря 6 приходили Татарове на „Балахну . . . . *и бѣглыхъ людей на Волгѣ много посѣкли* . . . . и съ по„лономъ пошли . . . . и учинилася вѣсть Воеводамъ Муромскимъ и Ново„городцкимъ, и К. Өедоръ Мстиславской и Нижегород. Воеводы вышли „и загонщики Татаръ 50 человѣкъ убили, и Татаръ дойдоша на станови„щехъ, и дѣла не дѣлали, что ночь пришла," — и проч. Въ Генварѣ же разбили Татаръ въ Коряковѣ.

(48) *Синод. Лѣт. л.* 169. Въ церкви были предѣлы Богоматери, Покрова и Св. Сергія. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „не мы ихъ (Литовцевъ) „побили, но Богъ ихъ побилъ, овыхъ избиша народомъ городовымъ, а иные „во озерѣ истопоша, а иныхъ подъ стѣной побиша аки свиней, и Ририка „Воеводу убиша Ляцкого." Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* прибавлено, что и два чародѣя, бывшіе съ Литовцами подъ Стародубомъ, утонули въ озерѣ.

(49) *Синод. Лѣт., л. 170-172. Почепъ возобновленъ въ Окт. 1535, а Стародубъ* весною въ 1536 *г.* Воевода К. Ив. Вас. Горенскій ходилъ оттуда

къ Любечу, сжегъ его острогъ, убилъ, плѣнилъ множество людей подъ городомъ и въ разныхъ областяхъ Литовскихъ. — К. Иванъ Барбашинъ, 19 Апрѣля, основавъ новую крѣпость Велижъ на старомъ городищѣ и докончивъ ее въ Іюлѣ, сжегъ Витебскій посадъ, и проч. — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „*Тоя же весны поставиша новой городъ на Заволочьѣ озе-„ро, а островъ Груда, и начаша звать его по озеру городъ Заволочье, и „церкви поставиша Покровъ, а придѣлы Іоанна Усѣкновеніе Главы, да „Георгія Великого, и пригудъ съ дворецъ и Намѣстниковъ дву, и поса-„жанъ свели на Заволочье.*" Въ *Царствен. Кн.* 59: „*велѣлъ Вел. Кн. поста-„вити во Ржев. Уѣздѣ градъ землянъ Заволочье, и дворы Ржевскіе велѣлъ „перевезти.*"

(50) Дѣла Крым. No 8, л. 246. Сіе было въ концѣ зимы 1536 года.

(51) *Синод. Лѣт.*, л. 172. Тутъ были и Азовскіе Татары.

(52) См. Дѣла Крым. No 8, л. 201-305. Послѣ Темеша Исламъ присылалъ еще въ Москву Князя Бачака для возобновленія союза.

(53) Въ *Синод. Лѣт.* л. 147: „*а Ляшцково велѣлъ Краль за сторожи „держати.*"

(54) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 155-159.

(55) Послы Литовскіе пріѣхали 14 Генв., а выѣхали изъ Москвы 18 Февраля. Секретарь ихъ, Венцлавъ Николаевичъ, былъ, по сказанію Лѣтописца, *Бгемірскаго Закона* (*Синод. Лѣт.* л. 179 на об.). Кромѣ Себежа и Заволочья Россія взяла волость Долійскую съ селами Чечерсвими и Крычевскими, Залѣсье, Бабичи, Свѣшиловичи, Голодно, Скарбовичи и Липечи. Подлинная перемирная грамота находится въ Архивѣ подъ No 11.

(56) Дѣла Польск. No 2, стр. 166-169.

(57) Дѣла Крым. No 8, л. 308, 317 и 318 на об. Исламъ пишетъ: „*Салтанъ говорилъ: коли только Исламъ умеръ*" (ибо въ Константинополѣ разнесся ложный слухъ о его смерти) „*то-де и вся земля нечестивыхъ „моя ся учинила; а коли будетъ Московская земля моя, а нечестивыхъ „земля Литовская толды ужъ у меня въ рукахъ.*"

(58) Дѣла Крым. No 8, 318-331. Объ угрозахъ Симеона Бѣльскаго Великій Князь писалъ къ Исламу: „*Нашъ холопъ Бѣльской, позабывъ Бога „и наше жалованье и свою душу, неподобные рѣчи говоритъ: мы того „холопа рѣчи ни во что вмѣняемъ; а кто ся на насъ подвигнетъ и похо-„четъ намъ недружбу дѣлати, и мы съ Божьею волею противъ своихъ „недруговъ можемъ стояти и дѣла своего беречи.*"

(59) См. Дѣла Ногайск. No 2, л. 185, 186.

(60) Узнавъ о мирѣ Саипъ-Гирея съ Исламомъ, Бояре посылали къ первому гонца съ грамотою и съ дарами, а послѣ и знатнаго чиновника Никиту Мяснаго. Саипъ также писалъ къ намъ дружелюбно (см. Дѣла Крым. No 8. л. 214, 344, 374).

(61) См. тамъ *же*, л. 416, 425, 473, 478.

(62) „*Того жъ мѣсяца 23 (Іюня 1536) прислалъ Мурза Галдей Городец-„кой, что посылалъ изъ Князь Великій на Волгу 500 человѣкъ беречь въ „Казань и изъ Казани въ иные Орды посылокъ, и пошелъ изъ Казани въ „иные Орды Уланъ Тебенекъ со многими людми, и Казаки наши ихъ побили,*

„а Тебенека и 14 человѣкъ поимали . . . . Тогожь лѣта приходили Татарове на Костромскіе мѣста и на Галичьскіе, и Князь Великій послалъ Воеводъ Мих. Сабурова, да К. Петра Пестрого Княжь Вас. сына Засѣкина, „и Воеводы, не собрався съ людьми, поскорили наѣхати на Татаръ, и они „по грѣхомъ разгонили ихъ, и К. Петра, да Меншика Полева убили . . . „Учали вѣсти приходить, что Сафа-Гирей сбираетца съ Казанцы и съ „Крымцы и съ Ногаи на Костромскіе мѣста, и Великій Князь послалъ „Воеводъ въ Володимеръ и въ Мещеру. Царь же Казанской, яко змій „вынырнувъ изъ хврастія, приде безвѣстно Генв. въ 15 подъ Муромъ . . . „Изъ пушекъ и изъ пищалей изъ града биша ихъ много . . . . Царь же „слышавъ, что Воеводы изъ Володимеря и изъ Мещеры идутъ къ Мурому, и пошелъ прочь," и проч.

(63) См. Дѣла Крым. No 8, л. 480.

(64) См. *Никон. Лѣт.* стр. 2, *Синод. Лѣт.* л. 127 и 144. Въ *Ростов. Лѣт.*: „поставиша градъ около посада, сплетаху тонкій лѣсъ около большаго древія и внутрь насыпаху землю и крѣпко утвержаху, и приведоша къ каменной стѣнѣ и на верхъ устроиша градъ по обычаю и нарекоша *Китай*." Сію деревянную стѣну разобрали, когда начали строить каменную. — Въ Синод. Лѣт. No 365: „Вел. Князь велѣлъ городъ Китай „дѣлати и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ воротъ по Неглиннѣ вверхъ къ Троицѣ, *гдѣ ся поля били*, да по Ивановъ Дворъ Челяднина, да по Коневой площадкѣ на Васильевской лугъ къ Кузма Демьяну на Вострой Конецъ, да вверхъ по Москвѣ рѣкѣ къ Свибловѣ Стрѣльницѣ."

(65) См. Олеарія. *Китаемъ* назывались многіе изъ Татарскихъ чиновниковъ, и даже Андрей Боголюбскій во младенчествѣ своемъ, какъ сказано въ *Синопсисѣ*.

(66) Городъ въ Мещерѣ на Мокшѣ строили отъ 17 Дек. 1535 до 27 Марта 1536. Буйгородъ на Корегѣ въ томъ же году, Балахну отъ 20 Іюля до Октября въ томъ же году, Пронскъ также. Въ лѣтописяхъ сказано, что сами жители Мещерскіе и волостей Костромскихъ требовали основанія двухъ первыхъ городовъ. — Владиміръ горѣлъ 13 Апр. 1536. Часть стѣны обратилась въ пепелъ. Изъ Соборной церкви вынесли иконы, сосуды и книги; половина ея кровли сгорѣла. Для строенія посылали туда изъ Москвы Истому Курчева. — Пожаръ въ Ярославлѣ былъ 9 Іюля 1536, а въ Твери два раза лѣтомъ, въ Іюнѣ и 22 Іюля 1537. Не осталось ни одного двора. Въ Соборной Тверской церкви сгорѣли всѣ древнія иконы и книги. Епископа Акакія (какъ сказано въ Архив. *Ростов. Лѣт.*) едва *умчали изъ города промежъ двухъ коней*. . . . . Темниковъ перенесенъ на другое мѣсто въ 1536 году; строили его отъ 29 Марта до 2 Августа. Устюгъ окруженъ стѣною деревянною и Вологда распространена въ томъ же году, подъ надзираніемъ Московскихъ чиновниковъ, Данила Загрязскаго и Ивана Боброва. — Въ Новѣгородѣ на Софійской сторонѣ сдѣлали деревянную стѣну въ Іюлѣ 1534 на счетъ однихъ городскихъ жителей. — Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 611: „Тое жь „зимы (г. 1535) въ Великій постъ выѣхали изъ Литвы на Государево сло-

„во триста семей съ женами и съ дѣтьми." Тамъ же, л. 610: „Государь и мати его писали къ Владыкѣ Макарію въ ту мзду" (на выкупъ плѣнныхъ) „самому вѣдати быти по обежному щету въ своей Архіепископіи со всѣхъ монастырей .... и Макарій скоро подвигся и повелѣ собрати 700 рублевъ, и посла къ Государю своего Князя Мих. Ѳед. Оболенскаго, да Дьяка своего Одинца Ноября 22." О поѣздкѣ Макарія въ Москву въ Дек. 1534 см. тамъ же.

(67) Въ *Синод. Лѣт.*, л. 143: „Князь Великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножися поддѣльныхъ и рѣзаныхъ, и восхотѣ то лукавство вывести, и повелѣ дѣлати деньги новые, изъ гривенки по три рубли, а старые и поддѣльные и рѣзаные передѣлывати, а поддѣльнымъ и рѣзанымъ не ходити; а въ старыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ, въ Новогородкахъ и въ Московкахъ, въ гривенкѣ полтретья рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити въ гривенку новыхъ денегъ, чтобъ было людемъ не великой убытокъ отъ лихихъ денегъ .... и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити." Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „Повелѣ Вел. Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ гривенки изъ *каловые* 300 денегъ Новогородскихъ, а въ Московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ Новогородскихъ, а въ Московское число полтретья рубли съ гривною. А при Вел. Князѣ Василіи Іоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а К. В. Іоаннъ Вас. учини знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя копіе въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги *копейные* .... Безумніи въ толико безуміе пришедше яко половину у всякой деньги отрѣзати, и гривенку доспѣти въ 500 денегъ и больши .... и того ради въ людехъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися .... иніи вмалѣ обогатѣша, а вскорѣ погибоша; мнози напрасными и безгодными смертьми изомроша.... И начаша (въ Новѣгородѣ) дѣлати новые деньги Іюня въ 20; а во дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій смотрѣти накрѣпко мастеровъ своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Курюкова съ товарищи." Въ Синод. Лѣт. No 365: „Въ лѣто 7042 Сент. на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ, Москвичь и Смольнянъ, и Костромичь, и Вологжанъ, и Ярославцовъ и иныхъ многихъ городовъ Московскихъ, а казнь была: олово лили въ ротъ, да руки сѣкали."

(68) Герберштш R. M. Com. 80, и Одерборн. Ioannis Bas. Vita, стр. 251, 252, въ Rer. Moscov. Auct.

(69) Въ 1536 г., 20 Іюня, Елена съ двумя сыновьями, съ Боярами К. Ив. Вас. Пеньковымъ, Конюшимъ Телепневымъ, съ Дворецкимъ К. Ив. Ив. Кубенскимъ и со многими иными ѣздила къ Троицѣ и возвратилась 22 Іюня; туда же 21 Іюня и 29 Септ. въ 1537 году; а въ 1538, Генв. 24, въ Можайскъ, поклониться тамъ образу Св [illegible] иколая.

(70) R. M. Com. 80: ipsam (Елену) quoque itam saevientem, veneno sublatam, и проч.

(71) *Синод. Лѣт.* л. 194.

Въ лѣтописяхъ Еленина времени находятся еще слѣдующія извѣстія:
24 Окт. или Дек. 1533 „во градѣ Москвѣ видѣша мнози люди звѣзды по
„небеси протягахуся яко же вервы, и летяху съ Востока на зимний Западъ."
Въ 1534 году, въ Февр. „ отъ иконы Св. Варвары бысть чюдотворе-
„ніе, слѣпіи прозираху (и проч.), еже бѣ за торгомъ у Панскаго двора;
„а преже сего чюдотворенія быша втайнѣ, а нынѣ *явлена и видима* ....
„На Покровъ бысть вражіимъ *навожденіемъ* страхованіе велико въ Ше-
„лонской (Новогородской) Пятинѣ въ 5 погостѣхъ, въ Косицкомъ, въ Пе-
„редольскомъ, во Фроловскомъ, въ Петровскомъ, въ Городенскомъ; нача-
„ша люди бѣгати никимъ гоними, а мнѣша вси яко иноплеменницы на
„нихъ идутъ; *и* много шкоты учинилося, и 15 человѣкъ безъ вѣсти по-
„гибе." См. Архив. *Ростов. Лѣт.*

Г. 1535. „Бысть того лѣта, купили четвертку (въ Новѣгородѣ) *по* 2
„деньги Новогородскую *ржи*, а коробью ржи по 7 денегъ ..... Посылалъ
„Архіеп. Макарій преждеписаннаго Инока Илію въ тѣ *же* мѣста и по-
„велѣ въ Чюдской земли разоряти ихъ обычаи, *и женамъ* ихъ власовъ *не*
„*постригати, и* ризъ *яко* мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не носи-
„ти. и кудесы своя проклятии: таковъ бѣ обычай злый въ Чюди и въ И-
„жерѣ и по всей Корельской *земли* ... Апр. 11 основана *бысть* церковь
„кам. Св. Георгія на *Хутыни, и* совершиша ю въ два лѣта о единомъ вер-
„сѣ, но вельми чудно, яко таковы нѣсть въ Новогородской земли: околь-
„ная стѣна имѣя угловъ 8, а двери 5, при *Игуменѣ* Өеодосіи; а прежде
„была церковь не на томъ мѣстѣ *кругла яко* столпъ и не широка, то-
„лико сажени единыя со олтаремъ внутри .... А строитель церкви Игу-
„менъ Өеодосій, иже взятъ бысть изъ Іосифова монастыря; а мастеры
„Тверскія земли: большему *имя* Ермоли; а отъ дѣла дано полсемдесятъ
„рублевъ, а весь запасъ и нарядъ домовой" (см. тамъ же).

Г. 1536. „Преложена бысть Псалтирь Толковая отъ Римскаго писа-
„нія и рѣчей на Руское *писаніе и на* Рускую рѣчь въ Вел. Новѣгородѣ,
„повелѣніемъ *Владыки Макарія, и* совершенія достиже Окт. въ 15, въ
„ней же и толковниковъ 6: Бруно Епископъ Гербипонскій, Іеронимъ Пре-
„свитеръ старѣйшій Великія Церкви Римскія, *и* Августинъ отъ Аврикіи,
„Григорій Великій. Беда Пресвитеръ, *и* Кассіодоръ; преложи Димитрій,
„зовомый Толмачь, во старости маститѣ; аще и Схоластика себе на-
„рекъ, но Раввуни своему отъ всея *души* послужи Макарію, и ветхая
„понови и наполни воистинну мѣру *натканну и* потрясну." (См. сей *Ис-
торіи* Т. VII, примѣч. 340) .... „Тое же весны прислалъ Князь Великій въ
„Новгородъ своего сына Болярскаго и конюха Бунду, да Подъячаго Ива-
„на, и повелѣ пожни у всѣхъ *монастырей* отняти около всего града и у
„церквей, *и давати* ихъ въ *бразгу*, что которая пожня стоитъ, тѣмъ же
„монастыремъ и церковникомъ, а се учинилося по оклеветанію нѣкоего
„безумна человѣка." (См. Архив. *Ростов. Лѣт*) — „*Обложили* церк. кам.
„Бориса и Глѣба на старомъ мѣстѣ въ Плотинскомъ Концѣ, Мая въ 14,
„а старую разрушиша. а основанія съ земли не двигнуша, и совершиша
„ю о 5 верѣхъ въ 5 мѣсяцъ; а мастеровъ большихъ 20 человѣкъ, *и даша*
ъ 60 рублевъ *и* три; а строена двѣма улицы, Запольскою и Конюхо-

„вою... Іюня 13 основана церк. кам. Похвала Богородицы на старомъ „мѣстѣ о трехъ версѣхъ, повелѣніемъ Боголюбиваго человѣка Аѳанасія „Филиппова Новогородца съ Лубаницы; а мастеръ Новогородецъ: имя ему „Игнатій *Сургерея*. Тое же осени поставили мостъ новой въ Неревской „Конецъ ко Св. 40 Мученикомъ. Ноября въ 27, въ первомъ часу ночи, „бысть знаменіе въ лунѣ, и ста яко кровава, а свѣтлаго мѣста яко мень-„ше пятыя части" (см. тамъ же). Г. 1537 „Архіеп. Макарій ко Пас-„цѣ у Церкви Св. Софіи обложи сребромъ большой Дейсусъ 13 иконъ и „украси златомъ. — Тое же весны присланъ съ Москвы въ Новгородъ „Сынъ Болярской, храбръ воинъ, Вас. Мих. Тучковъ, на собраніе воинска-„го чину; и слыша Владыка Макарій, яко издѣтска сей Василій навыкъ „Св. Писанія, и нача его благословляти на духовное дѣло: тайну Царе-„ву, чадо, храни, а дѣла Божія ясно напиши и чудеса Михаила блаженна-„го, нарицаемаго Саллоса, живщаго у Св. Троицы на Клопки; прежде бо „написана быша, но вельми просто: понеже бо тогда человѣцы въ Но-„вѣгородѣ еще быша не искусни въ писаніи. Сей же Василій ветхая по-„нови и вельми чудно изложи, храбрый воинъ, свѣтлое око, и всегда во „Царскихъ домѣхъ живый, и мягкая нося, и подружіе законно имѣя, а „селика разума сподобися. Нача и соверши лѣта 7045, а мѣсяца и дній „не вѣмъ: толико въ то время садове плодоносніи вельми цвѣтоша, и вся-„кій овощь на торжищи продаху, и только едино гроздіе еще отъ Свя-„тителя благословенія не пріятъ...... Тоя же осени поставили мостъ „въ Новѣгородѣ на городняхъ въ Гончарской Конецъ ко Образу Святому. — „Окт. въ 21 освящена церковь Срѣтеніе *теплая* на Дворищѣ; а се *на-„сальная* церковь *теплая* въ Новѣгородѣ, опрично того, что у Архіепи-„скопа во дворѣ и въ обителехъ" (см. тамъ же). — Г. 1538. „Во Славен-„скомъ Концѣ въ Новѣгородѣ, Авг. въ 8, на Павловѣ улицѣ, въ берегу у „трубника Тимохи жена роди младенца женскъ полъ о дву главахъ, да о „дву рукахъ, да о четырехъ ногахъ, а станъ единъ, путь единъ, а дѣто-„родныя уды двои женска полу; а родился мертвъ."

(72) См. Т. VI, стр. 117.

(73) См. Послужный Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліов.* XX, 27.

(74) Въ *Синод. Лѣт.*: „Апрѣля 9 пойманъ К. Иванъ Ѳед. Овчина-Телеп-„невъ-Оболенской Боярскимъ совѣтомъ К. Василья Шуйскаго и брата „его и иныхъ, за то, что его Государь въ приближеньи држалъ."

(75) Въ *Синод. Лѣт.*: „Пожаловалъ ихъ (Государь) Боярствомъ." Въ Послужномъ Спискѣ (*Рос. Вивліов.* XX, 28) Андрей Шуйскій наименованъ Бояриномъ въ 1535 году; но лѣтосчисленіе сего Списка весьма недосто-вѣрно: на примѣръ, смерть Конюшаго Телепнева, Еленина любимца, озна-чена въ немъ послѣ смерти К. Василія Шуйскаго и К. Ивана Вѣльскаго, убитаго еще бы в 1539 году: а онъ жилъ и господствовалъ до 1542 году.

(76) Свадьба была Іюня 6. К. Василій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1506 году (см. Списокъ Бояръ).

(77) См. Т. VII, стр. 109.

(78) 21 Октября: см. *Царствен.* Кн. 75, и *Синод. Лѣт.* No 351.

(79) По *Никон. Лѣт.* К. Василій умерь въ Октябрѣ же 1538 году: слѣдственно тотчасъ по свержении Бѣльскаго.

(80) 2 Февраля. Тогда былъ въ Москвѣ Архіепископъ Новогородскій, Макарій. 6 Февраля возвели Іоасафа на Дворъ Митрополичій, а 9 посвятили.

(81) Самъ Іоаннъ въ отвѣтной грамотѣ къ К. Курбскому пишетъ: „Отъ юности единое воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а „К. Ив. Вас. Шуйской сѣдитъ на лавѣ, локтемъ оперщися отца нашего о „постелю, ногу положивъ къ намъ .... И таковей гордыни кто можетъ „понести?... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша, „и въ той нашей казнѣ исковаша себѣ сосуди златы и сребрены, и имена на нихъ родителей своихъ подписаша; а всѣмъ людемъ вѣдомо, при матери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухоярь зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы „шуба перешити." — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „быша Намѣстники „въ Псковѣ свирѣпи аки лвове и люди ихъ аки звѣріе дивіи до Крестьянъ," и проч. См. также Архив. *Псков. Лѣт.*

(82) См. Дѣла Крымскія, No 8, *л.* 490-492: „Государьского обычая не „держалъ отецъ твой какъ поисвусный народъ, занеже никоторой Го„сударь такъ не дѣлывалъ....Нашихъ людей у себя побилъ... и опослѣ „того, уже два года тому, посылалъ есмя въ Казань съ Керейчею своего „Кадыя, и твои люди на дорогѣ ихъ переимавъ, да къ тебѣ привели, и „мати твоя ихъ велѣла побити.... Болѣ ста тысячь рати у меня есть; „и возьму шедъ изъ твоей земли по одной головѣ, сколько твоей землѣ „убытка будетъ, и сколько моей казнѣ прибытка?.... Чтешь меня, какъ „предніе наши были; а се иду.... и ты буди готовъ; азъ схоронясь нейду.... Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ лихо чинити, на мою „тебѣ землю нейти .... Съ великимъ Царемъ Магмедемъ, съ упокойни„комъ съ дѣдомъ нашимъ, изъ Суждаля прадѣдъ твой Василій бился съ „нимъ, да и въ руки ему попалъ.... А онъ его простилъ .... и Москву „ему опять отдалъ," и проч.

(83) Окольничій Степанъ Ивановичь Злобинъ отправился Посломъ къ Хану въ 1538 году.

(84) См. *Архив. Лѣт.*, *л.* 51, и Дѣла Крымскія No 8, *л.* 514 на об. Кромѣ гонцевъ и Посланниковъ съ обѣихъ сторонъ, осенью 1538 году ѣздилъ изъ Москвы въ Казань Посолъ Игнатій Ивановичь Яковлевъ; но Царь требовалъ еще знатнѣйшаго, и не отправлялъ своего Посла къ намъ будто бы для того, что носился слухъ о походѣ Россіянъ къ Казани. (См. *Синод. Лѣт.* *л.* 195-210).

(85) См. *Казан. Лѣт.*

(86) Дѣла Крым. No 8, *л.* 617: „наши люди его людей чернымъ волосомъ „не двинули для твоего слова."

(87) См. Дѣла Крым. No 8, *л.* 580-650. Ханскій Посолъ Сулешна привезъ шертную грамоту въ Москву весною 1539 года; но Бояре требовали перемѣны нѣкоторыхъ словъ, и Ханъ на то согласился.

(88) *Синод. Лѣт.*, л. 209 и 213. Имина, грабившаго Рыстовскую волость, встрѣтилъ Рязанскій Воевода, К. Сем. Ив. Микулинскій, взялъ нѣсколько плѣнниковъ и прислалъ въ Москву, въ Окт. 1539.

(89) Ѳедоръ Григор. Адашевъ поѣхалъ въ Царьградъ 26 Дек. 1538, а возвратился въ Ноябрѣ 1539. — Шарапъ Замыцкій отправился изъ Новагорода въ Швецію 7 Сент. 1538, а возвратился 12 Іюля 1539 съ Шведскимъ Посланникомъ Нилусомъ. — Посолъ Ганзы, Яковъ, прибылъ въ Москву 27 Февраля 1540. О сихъ и другихъ посольствахъ см. въ *Синод. Лѣт.* л. 200-222.

(90) Тамъ же, л. 215: „К. Ив. Вас. Шуйской на Митрополита и на „Бояръ учалъ гнѣвъ *держати*, и къ Вел. Князю не ѣздити, ни съ Бояры „совѣтовати," и проч.

(91) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1541: „Князь Великой пожаловалъ свою „отчину Псковъ, *далъ грамоту судити и пытати и казнити* Псковичамъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость; а „злыя люди разбѣгошася, и бысть тишина." Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „*Лихихъ людей обыскивати самымъ Крестьяномъ по крестному цѣ*„*лованію, и ихъ казнити смертною казнію*, а не водя къ Намѣстникомъ „и къ ихъ Тивуномъ .... И начаша Цѣловальники и Сотцкіе судити на „Княжи Дворѣ въ судницѣ надъ Великою рѣкою .... а К. Андрея Шуй„ского Князь Великой къ себѣ свелъ."

(92) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221 и 231. К. Владиміръ освобожденъ въ Дек. 1540.

(93) См. Т. VI, г. 1491.

(94) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221: „А съ Углечского со Княжъ Ондреева „сына Васильевича, со Князя Дмитрея, тягость сняти," и проч.

(95) См. *Родослов. Кн.* I, 23.

(96) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 223, въ Маѣ 1541.

(97) Тамъ же, л. 220. Съ нимъ были и Крымцы и Ногаи. Онъ стоялъ два дни подъ Муромомъ. — Въ ветхомъ Синод. *Лѣт.* подъ No 365 прибавлено слѣдующее: „Въ лѣто 7048 приходили Татарове Казанскіи къ Му„рому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Плишицы „Св. на Плесѣ, *и убили туто* 4 Воеводъ Большихъ: К. Ѳедора Курб„ского, да К. Бориса Сисеева, да К. Ондрея Тулупова, да К. Никиту „Засѣкина, и иныхъ Дѣтей Боярскихъ много; и сами Татарове побѣгоша; „и придоша на нихъ Царь Шигъ-Алей, да К. Ѳедоръ Мих. Мстиславской, „и побиша Татаръ, а иные по лѣсомъ разбѣгошася и опять враза намроша; „а полонъ Вел. Князя *отполониша весь*." Это случилось за годъ до нашествія Сафа-Гиреева.

(98) См. *Царственную Кн.* 78.

(99) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 225-230, и *Царствен. Кн.* 78-96. Съ Ханомъ были и Бѣлогородцы, т. е. жители Акермана. Выписываемъ нѣкоторыя подробности: „Прибѣжали изъ Крыма *два полонянника*, а сказали „Вел. Князю, что пріѣхалъ передъ ними съ Москвы Царевъ человѣкъ, а „сказалъ Царю, что К. Вел. Воеводъ своихъ послалъ къ Казани ...... „Пріѣхалъ къ Вел. Князю Станичникъ Толмачъ Гавриловъ, что посылалъ

„его К. Петръ Ив. Кашинъ къ Св. Горамъ, и они наѣхали вверхъ Донца „Сѣверскаго люди многіе Крымскіе, и гоняли за ними день цѣлъ, а идутъ „тихо, съ тою приѣмкою, чаятпи Царь идетъ; и Іюля 21 прислалъ къ „Вел. Князю Воевода К. Семенъ Ив. Микулинской грамоту, а писалъ, „что идетъ Царь и сынъ его, и Бака Князь Нагайскій .... и повелѣ Царь „кликати въ Ордѣ, которые люди съ нимъ не поспѣютъ, и тѣ бы его до- „ѣзжали въ Кламкилинине городкѣ." — Розрядъ Воеводамъ: „Въ большомъ „полку К. Дм. Ѳед. Бѣльской, К. Ив. Михайловичь Шуйской, Мих. Ив. „Кубенскій; въ передовомъ К. Ив. Ив. Турунтай-Пронской, да К. Вас. „Ѳед. Охлябининъ; въ правой рукѣ К. Иванъ Вас. Шемяка Пронской, да „Сем. Сем. Беззубцовъ; въ лѣвой К. Ив. Мих. Троекуровъ, да К. Вас. Сем. „Мезецкой; въ сторожевомъ К. Юрьи Ив. Темкинъ-Ростовской, да К. „Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой .... А Царевича Шибанскаго, да Боярина К. „Юрья Мих. Булгакова Князь Вел. отпустилъ съ Москвы, а съ ними „Двора своего многихъ людей, и велѣлъ стояти на Похрѣ."

(100) „А 9 Татариновъ Н. Глѣбовъ живыхъ къ Вел. Князю прислалъ .... „и Князь Вел. Царевичу Шигалею и К. Юрью Булгакову съ Похры ве- „лѣлъ ити на берегъ же Оки; а на Похру отпустилъ К. Вас. Мих. „Щенятева, да Конюшего своего, Ив. Ив. Челяднина, а съ ними Двора „своего многихъ людей .... А изъ Володимеря велѣлъ Дворяномъ своимъ „ити на берегъ же Оки."

(101) Въ *Никон. Лѣт.*: „О Пречистая! покажи милость .... Помило- „вала еси прадѣда нашего отъ безбожнаго Темиръ-Аксака: и нынѣ пошли „милость, да не рекутъ поганія: гдѣ есть Богъ ихъ? .... Осталися есмы „отъ пазухи отца своего и отъ чреслъ матери своея млады; ни откуду „себѣ на земли утѣхи не имѣемъ: и нынѣ приде на насъ великая напу- „та .... Не остави насъ во время скорби нашея", и проч.

(102) См. Т. V, стр. 189.

(103) „И у посада по улицамъ надолбы дѣлати." Въ Синод. Лѣт.: „по „вспольскимъ решоткамъ надолобы подѣлати ... и людемъ животы во- „зити въ городъ, и всякій запасъ."

(104) Въ Розрядахъ сего времени весьма часто находимъ, что Воеводы отказывалися служить подъ начальствомъ другихъ.

(105) См. *Никон. Лѣт.* 25.

(106) То есть, для поминовенія въ церквахъ.

(107) „Азъ столько многихъ людей и нарядныхъ, ни *Кутарниковъ*, ни „*Аргамачниковъ* не видалъ въ одномъ мѣстѣ .... И у Турокъ многіе пуш- „ки разбиша .... А еще не всѣ пришли: съ Угры Воеводы К. Романъ „Ив. Одоевской, да Ив. Петровичь со многими людьми еще не пришли на „берегъ."

(108) Въ *Царствен. Кн.*: „Правнукъ Осінѣевъ, родъ Свиблові." Вторымъ начальникомъ былъ Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ Бояръ.

(109) „Пріѣхали отъ Воеводъ Андрей Вас. Оцынъ, да Ив. Сем. Паце- „тлинъ съ товарищи 7 человѣкъ съ вѣстію, чтобы сидѣли въ городѣ крѣп- „ко ... И въ то время городской человѣкъ попался въ руки Царевымъ „сторожамъ, и сказалъ что въ городѣ радостъ ... и сторожи Царевы

„сказали, что тѣхъ людей и сами видѣли, коли въ городъ ѣхали." См. *Царствен. Кн.*

(110) Въ Синод. Лѣт. No 351: „А Царевичь Иминь-Гирей отъ отца „своего отворотилъ со многими людми на Одоевскіе мѣста, и К. Володимеръ Ив. Воротынской съ своею братьею изъ Одоева вышедъ, многихъ Татаръ побилъ, а 45 человѣкъ живыхъ на Москву прислалъ."

(111) „Государь Бояръ и Воеводъ пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, шубами и кубки."

(112) Въ *Царствен. Кн.*: „А Новогородцы всѣ городомъ" (за Шуйскаго).

(113) Съ ними былъ еще Иванъ Большой Шереметевъ.

(114) Новогородцевъ, какъ прибавлено въ *Царствен. Кн.* См. также Синод. *Лѣт.* No 351.

(115) „И пѣти у Креетовъ заставили."

(116) „А на весну, Мая мѣсяца, послаша Бояре на Бѣлоозеро К. Ивана Бѣльскаго убити въ тюрмѣ, Петрока Ярцова сына Зайцова, да Митьку Иванова сына Клобукова, да Иванку Елизарова сына Сергѣева; они „же, ѣхавъ тайно безъ Великого Князя вѣдома, Боярскимъ самовольствомъ К. Ивана Бѣльскаго убили."

(117) Курбскій пишетъ: „Убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго Стратига и великороднаго, иже былъ роду Княжатъ Литовскихъ, именемъ „Князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ Священныхъ Писаніяхъ искусенъ."

(118) При Государѣ Василіи Іоанновичѣ, въ 1524 и 1530 году.

(119) См. выше, стр. 69.

(120) 19 Марта на посвященіи были Досиѳей Архіеп. Ростовскій, Ѳерафонтъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Іона Рязанскій, Акакій Тверскій, Вассіанъ Коломенскій, Досиѳей Сарскій, Алексій Вологодскій.

(121) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „и паки Намѣстники премогоша; а то „было добро вельми по всей земли."

(122) Въ перемирной грамотѣ 1537 г. было сказано: „Въ тѣ перемирныя лѣта слати обѣимъ сторонамъ между себя Великихъ Пословъ для „заключенія вѣчнаго мира." Князь Иванъ Бѣльскій въ 1541 г. послалъ въ Литву Ѳедора Загряжскаго напомнить о томъ Сигизмунду. Король лежалъ больной: Загряжскій не хотѣлъ относиться къ его сыну, Августу. Въ Мартѣ 1542 г. прибыли въ Москву Королевскіе Послы, Янъ Юрьевичь Глѣбовичь, Воевода Полоцкій, Никодимъ Яновичь Цѣхановецкій, Староста Мельницкій, и Писарь Николай Андрушевичь. Договоръ заключенъ 21 Марта. См. Дѣла Польскія No 3, стр. 1-63.

(123) Дьякъ читалъ Русскую перемирную грамоту. Послы стояли близъ Государя. Секретарь ихъ читалъ Литовскую. Ту и другую положили на блюдо: Русскую сверху; а на нихъ *Воздвизальный крестъ*. Государь всталъ и поцѣловалъ крестъ: Послы также. Имъ вручили грамоту, и самъ Вел. Князь подчивалъ ихъ вишневымъ медомъ. — 28 Іюня Бояринъ Вас. Григорьевичь Морозовъ, Дворецкой Ѳедоръ Семен. Воронцовъ и Дьякъ Ѳед. Моклоковъ отправились въ Литву для размѣны грамотъ. — Сигиз-

шундъ сказалъ имъ, что онъ еще для Василія Іоанновича сплъ цѣпи съ нашихъ плѣнниковъ, которые вообще не терпятъ никакой нужды.

(124) Дѣла Польскія No 3, стр. 193-217.

(125) К. А. В. Кашинъ пріѣхалъ въ Москву 24 Іюля. Онъ долженъ былъ выкупить себя и заплатить Хану 500 рублей. — *Иминъ нападалъ на Сѣверскія области* въ Мартѣ 1542, а Мурзы на Рязанскія въ Августѣ. К. Петръ Дан. Пронской и К. Юрій Ив. Дѣевъ прогнали ихъ за Донъ и побили на Куликовѣ полѣ. Въ Мартѣ 1543 Ханъ снова писалъ къ В. К. о мирѣ.

(126) Здѣсь въ *Царствен. Кн.* описывается впаденіе Нагайскихъ Мурзъ; но это ошибка: сіе впаденіе принадлежитъ къ 1550 году.

(127) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 234, 236, 237, 239 на об., и *Царствен. Кн.* 104. „И та“ (Ковгоршадъ или Горшадна Царевна) „сестра Магметъ-„Аминя, иже грамотѣ Татарской научена бысть и волхвованія навыче, „сказываше въ Казани Посланникомъ Вел. Кн.: *отнынѣ почти на десяти „лѣтѣхъ Татарове Казанстіи не возмогутъ противиться Вел. Князю...*, „И сами Татарове сказываху, яко видяху многа дивная знаменія, еще „живу сущу Сафа-Гирею.“

(128) *Синод. Лѣт.* л. 236 на об.: „Іюля 8 пришелъ Посланникъ изъ „Астарахани Ѳедоръ Невѣжинъ, а сказалъ, что идетъ служити къ Вел. „Князю Царевичь Астараханскій Едигеръ, а остался у Шигъ-Алея въ „Касимовѣ.“ Черезъ недѣлю Царевичь пріѣхалъ въ Москву.

(129) *Синод. Лѣт.* л. 239 на об.: „Ноября 8 пріидоша на Москву По-„слы отъ Воеводы отъ Ивана Петрова сына Стефановича, Крестоводо-„вичъ Перколагъ, да Петръ Корковичъ Логоѳетъ, да Писарь Иванъ Сте-„фановъ . . . что его“ (Воеводу) „выгналъ Салтанъ, и Воевода хотѣлъ „ѣхати на Москву, ино было не мощно проѣхати: Турецкой и Крымской „его землю плѣнили, а съ Королемъ такъ же ратенъ; и онъ ѣхалъ въ Угор-„скую землю, и ходилъ къ Салтану бити челомъ, и Салтанъ отдалъ ему „двѣ части Малдовскіе земли, а съ третьей взялъ окупа 300 тысячь“ (въ другихъ лѣтописяхъ: 30.000) „золотыхъ черленыхъ опричь дани.“ Въ Февр. 1543 Государь отпустилъ ихъ назадъ и послалъ съ деньгами къ Воеводѣ Семена Бавыкова.

(130) Если вѣрить *Послужному списку Боярѣ*, то К. Иванъ Вас. Шуйскій умеръ въ 1546 году. Въ 1542 году, при возобновленіи перемирія съ Литвою, онъ сидѣлъ на *второмъ* мѣстѣ подлѣ Государя (а на первомъ К. Димитрій Бѣльскій); но съ сего времени нигдѣ не находимъ его имени, ни въ дѣлахъ Министерскихъ, ни въ Розрядахъ.

(131) Братъ Боярина Михайла Семеновича, который былъ любимцемъ В. К. Василія Іоанновича.

(132) *Царствен. Кн.*: „Сент. 9 взволновашася Бояре въ столовой избѣ „у Вел. Князя на совѣтѣ . . . . и биша его“ (Воронцова) „по ланитамъ, „и платіе на немъ ободраша, и хотѣша его убити . . . . и посла къ нимъ „Государь Митрополита и Ивана и Вас. Григорьевичевъ Поплевиныхъ-Мо-„розовыхъ . . . . Они же“ (Шуйскіе и другіе) „ведоша его (Воронцова)

„съ Вел. Государя сѣней, съ великимъ срамомъ біюще и пхающе на пло-„щадь, и отсылаша его за Неглинну на Ивановъ дворъ Зайцова," и проч.

(133) Курбскій пишетъ: „Питаша его (Іоанна) „гордые Бояре на свою „и дѣтей своихъ бѣду, рѣтящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угож-„дающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Егда же началъ при-„ходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, началъ первѣе безсловес-„ныхъ крови проливати, съ высокихъ крылецъ мечуще, або съ теремовъ; „и пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще. Егда уже прехо-„дящу къ пятому-надесять лѣту, тогда началъ человѣковъ уроняти. и „собравши юныхъ около себе дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ Син-„клитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣзди-„ти и всенародно мужей, старцевъ и женъ топтати и бити, скачуще и „бѣгающе всюду неблагочиннѣ . . . Ласкателемъ же таковое на свою бѣ-„ду восхваляющимъ: о! *храбъ*, глаголюще, *будетъ сей Царь и мужественъ*!"

(134) Курбскій называетъ Михайла Васильевича Глинскаго *всему злу начальникомъ*. Народъ, какъ увидимъ послѣ, ненавидѣлъ К. Юрья Глинскаго, пожалованнаго въ 1540 году изъ Кравчихъ въ Бояре.

(135) *Царствен. Кн.* 114: „влекуще къ тюрмамъ, противъ воротъ Ризъ „Положенія въ градѣ."

(136) См. *Синод. Лѣт.* No *50*, *л.* *415*, бывшій въ рукахъ К. Щербатова.

(137) *Царствен. Кн.* 114.

(138) 16 Дек. 1544. Мать его была дочь К. Андрея Васильевича Углицкаго. брата Іоанна III: см. *Родослов. Кн.* I. 123.

(139) Курбскій: „мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ уже „лѣтѣхъ."

(140) Т. VI, г. 1491.

(141) 3 Сент. 1545. Въ *Царствен. Кн.* 119: „урѣзаша языка ему у тю-„ремъ за его вину, за невѣжливые слова."

(142) Сынъ Ивана Васильевича Шуйскаго. Это было въ Окт. 1545: въ Декабрѣ сняли съ нихъ опалу.

(143) 30 Дек. 1544. Воеводы тамъ были К. Петръ Щенятевъ, К. Конст. Шкурлятевъ и Мих. Воротынской.

(144) Отъ 6 Мая до Августа 1546.

(145) Въ *Царствен. Кн.*: „и Государя не пропустили тѣмъ же мѣстомъ „къ своему стану проѣхати, но обьѣха инымъ мѣстомъ."

(146) Казнь была Іюля 21. Въ *Синод. Лѣт.* No 351: „по Дьяволю дѣй-„ству оклеветалъ ложными словесы Вел. Князя Бояръ Василей Григорь-„евъ сынъ Захарова Гнилевской." См. также *Царствен. Кн.* 124. Тогда же Ивана Петрова Өедорова сослали на Бѣлоозеро, а Ив. Воронцова заключили.

(147) 22 Марта 1545 пріѣхалъ въ Москву отъ Сигизмунда-Августа посланникъ Янъ Комаевскій. Лѣтописцы наши говорятъ здѣсь о кончинѣ отца Августова, Сигизмунда; но онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ.

(148) *Царствен. Кн.* 116: „Апрѣля (1545) послалъ Князь Вел. Воеводъ „своихъ, К. Сем. Ив. Пункова, а въ передовомъ полку Ив. Вас. Шереме-„тева, а въ сторожевомъ К. Дав. Палецкаго, къ Казани легкимъ дѣломъ

„въ стругѣхъ; а съ Вятки К. Вас. Сем. Серебреной . . . А изъ Свіяги по-
„сылали Воеводы отъ себя Дѣтей Боярскихъ; и тамо многихъ Казанцевъ
„побили и Тевекелева сына Князь Муртозу Мурзу поймали и иныхъ дѣ-
„тей его побили . . . А Внучко Львовъ съ Пермичи не поспѣлъ, а при-
„шелъ въ судѣхъ опослѣ, и Казанскіе люди его побили и самого убили. И
„Государь Воеводъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ, кто о чемъ билъ челомъ."

(149) „Многіе поѣхали къ Вел. Князю, и иные по инымъ землямъ . . .
„Іюля 29 прислали къ Вел. Князю изъ Казани Кадышъ Князь, да Чура
„Нарыковъ, Сына Боярскаго Галичанина Васку Борщева, чтобы послалъ
„къ Казани рать . . . . И въ Володимерѣ Генв. 17 (1546) пріѣхалъ къ Вел.
„Князю изъ Казани отъ Посла отъ Игнатія Яхонтова Рудакъ Булановъ
„съ грамотою, а Казанцы прислали Гаметъ-Шиха, Абеюрганъ, Сеитъ и
„Кадышъ и Чюра, что Сафа-Гирея согнали . . . . и пожаловалъ бы на
„Казань Царя Шигъ-Алея . . ." (По дѣламъ Ногайскимъ No. 4, л. 43, из-
вѣстно, что Сафа-Гирей возвратился-было къ Казани съ толпою Астра-
ханцевъ и хотѣлъ силою войти въ городъ, но отраженный жителями,
ушелъ къ своему тестю, Юсуфу, Ногайскому Князю. О семъ упоминаетъ
и *Казан. Лѣт.*; но говоритъ несправедливо, что Сафа-Гирей подступалъ
къ Казани съ Юсуфомъ). Далѣе: „и Князь Вел. послалъ въ Казань Астафья
„Андреева къ правдѣ ихъ привести . . . Марта 15 Астафій изъ Казани
„пріѣхалъ, а Сеитъ и Уланы прислали и вся земля своихъ Пословъ, Ураз-
„лыя Князя, да Андрычей Афыза, и Апр. 7 Князь Вел. Шигъ-Алея на Ка-
„зань отпустилъ, а съ нимъ К. Дм. Ѳед. Бѣльскаго, да К. Дм. Ѳед. Палец-
„кого, да Дьяка Постника Губина посадити его на Царство . . . . и по-
„садили Іюня 13 и пріѣхали къ Вел. Князю на Коломну; а Шигъ-Алей
„прислалъ отъ себя бити челомъ на Царствѣ Вел. Князю Чапкина Мур-
„зу; а Игнатія Яхонтова съ товарищи отпустилъ, и Большихъ По-
„словъ прислалъ, Алабердей Улана, да Тевекеля Князя."

(150) См. *Казан. Лѣт.* Онъ пишетъ, что Казанцы, покорясь Шигъ-Алею не съ дарами, а съ оружіемъ, тогда же побили многихъ изъ его Князей и Мурзъ, а другихъ заключили въ темницу; что Бѣльскій, имѣя при себѣ 1000 воиновъ, остался въ Казани, и жилъ за городомъ, будучи подозрѣваемъ въ измѣнѣ; что Іоаннъ, узнавъ отъ Шигъ-Алея о тайной связи нѣкоторыхъ Вельможъ Московскихъ съ Казанскими мятежниками, осудилъ трехъ Бояръ на смерть; что одинъ изъ виновныхъ самъ отравилъ себя ядомъ, а другіе разбѣжались. Это противно сказанію другихъ, достовѣрнѣйшихъ Лѣтописцевъ.

(151) См. *Казан. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.*: „И какъ вѣсть пришла къ Го-
„сударю, что Шихъ-Алей съ Казани збѣжалъ, а не вѣдомо, на которыя
„мѣста, и Государь послалъ Царя стрѣчати на поле Льва Андр. Салты-
„кова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ и Татаръ, а на Вятку Алексѣя Дан.
„Басманова; и Левъ Царя встрѣтилъ на полѣ; а Шигъ-Алей какъ збѣжалъ
„Волгою въ судѣхъ, поймалъ кони у Городецкихъ Татаръ и послалъ къ Ве-
„ликому Князю своего Дворянина съ грамотою . . . а шелъ чрезъ поле въ
„городъ, и пришелъ на Украйну Авг. 15 . . . Сафа-Гирей въ Казани убилъ
„Чюру Князя, Баубека, Кадыша и иныхъ." *Казан. Лѣт.* говоритъ, что

Шигъ-Алей долженъ былъ въ какомъ-то мѣстѣ ждать вѣрнаго Князя Чуры, но оставилъ его.

(152) *Царствен. Кн.:* „Декабря 6 (1546) прислали Горила Черемиса, „Туга съ товарищи, дву Черемисиновъ бити челомъ,“ и проч.

(153) Въ 1544 г., 3 Марта, Іоаннъ съ братомъ ѣздилъ въ Колязинъ монастырь къ Св. Макарію, а оттуда въ Заболотье на медвѣжью охоту и къ Троицѣ; а Маія 21 въ 1545 году съ братомъ Юрьемъ и съ К. Владиміромъ Андреевичемъ въ Троицкій монастырь и въ Переславль, откуда, отпустивъ Князей Юрія и Владиміра въ Москву, поѣхалъ въ Ростовъ, Ярославль, на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, Ѳерапонтовъ, Вологодской Спасовъ на Прилукѣ, Корниловъ, Павловъ, къ Борису и Глѣбу на Устью; 15 Сент. опять къ Троицѣ, въ *Слободу* (*Александровскую*) и въ Можайскъ на охоту; 27 Дек. въ Боры *для звѣриной ловли* и въ Владиміръ; 15 Сент. въ 1546 году къ Троицѣ, въ село Воробьево, Деньсьево, Починки, на богомолье въ Можайскъ къ Св. Николаю, Волокъ, Ржевъ, Тверь, Новгородъ и Псковъ. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „К. В. *Иванъ* Васильевичь, *да братъ его К. Георгій быша въ Новѣгородѣ и во Псковѣ* „Дек. 28: одну ночь ночевалъ, а на другую на Вороночи былъ, а третью „въ Печорахъ, и паки во Псковѣ, и поѣде къ Москвѣ, съ собою вземъ К. „*Володимера Андреевича, а Князь Юрій, братъ его, оста, и той, бывъ не* „много, поѣде къ Москвѣ, а не управивъ своей отчины ничего; а Князь „Великій все гоналъ на искахъ (ямскихъ), а Христіаномъ много протори „учинилъ.“

Въ одномъ *лѣтописцѣ нашелъ я слѣдующее сказаніе*, похожее на сказку: „Какъ пріѣхалъ Великій Князь Иванъ Васильевичь съ Москвы въ Нов- „городъ, и невѣдомо, какъ увѣда казну древнюю, сокровенну въ стѣнѣ Со- „здателемъ Св. Софеи, Княземъ Владиміромъ *Великимъ*“ (нѣтъ, внукомъ Св. Владиміра) „и невѣдомо бысть о семъ никѣмъ, ниже слухомъ, ниже пи- „саніемъ; и тогда пріѣхавъ нощію и начатъ пытати про казну Ключаря „Софейскаго и пономаря, и много мучивъ а не допытался, понеже не вѣ- „даху; и пріиде самъ Князь Вел. на исходъ, гдѣ восхождаху на церковныя „полати, и на самомъ исходѣ, на правой сторонѣ, повелѣ стѣну ломати, „и просыпася веліе сокровище, древнія слитки въ гривну и въ полтину „и въ рубль, и насыпавъ возы, посла къ Москвѣ.“

Выписка изъ лѣтописей сего времени:

„Февр. 3 (1540) *принесены изо Ржевы на Москву двѣ иконы чудотворныя*, „образъ Пречистыя и крестъ честный; срѣтоша со кресты Митрополитъ и „Князь Великій съ Бояры и съ народомъ близъ Новаго монастыря Митропо- „*лича, и повелѣ Вел. Князь на томъ мѣстѣ* церковь поставити во имя Пречи- „стыя. Іюня 1 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Архіепископъ Ѳео- „*досій Великому Новугороду и Пскову*, Игуменъ съ Хутыни. — Оставилъ „*Епископію Васіанъ Коломенскій*“ (*въ Іюнѣ 1542*). „*Іюля 2 поставленъ* Мака- „ріемъ Митрополитомъ Епископъ на *Коломну Ѳеодосій*, Архим. отъ Спаса „Новаго съ Москвы. Преставися (въ Августѣ) Архіеп. Ростов. Досиѳей и „положенъ въ Ростовѣ. — Февр. *25 (1543) поставленъ Архіеп. Ростову* „и Ярославлю Алексѣй, Троицкій Игуменъ Сергіева монастыря. Тоя же

„зимы преставися Еписк. Өерапонтъ Суздальскій, и положенъ въ Суздалѣ.
„Додѣлаша (въ Сент.) церковь Воскресенія на площади возлѣ Иванъ Свя-
„тый подъ колоколы, а заложена повелѣніемъ Вел. Князя Василья Ива-
„новича въ л. 7040 (1532), а мастеръ началъ дѣлати и совершилъ безъ лѣ-
„стивицы Петрокъ Малой Фрязинъ, а лѣствицу и двери придѣлаша въ л.
„7060 (1552) мастеры Московскіе, и во 63 лѣто Царь и Митрополитъ
„въ ту же церковь принесли Рожество Христово отъ Мстиславского
„двора и Соборъ уставили. Тоя же осени бысть дожди велiи и вода ве-
„лика, и ледъ пройде аки въ весь." — 21 Ноября 1543 г. построили въ
Новѣгородѣ восемь казенныхъ корчемныхъ дворовъ. — „Генв. 22 (1544)
„згорѣша избы Митрополичьи на Митропол. дворѣ, а Митрополитъ ѣз-
„дилъ тогда въ Можаескъ и въ Пафнутіевъ монастырь. Преставися Еписк.
„Крутицкій Досиѳей (въ Февралѣ). Поставленъ въ Суждаль Епископъ
„Іона Собина, Архим. Чудовскій, Февр. 21, и Епископъ на Крутицу Са-
„ва, Архим. Симоновскій." Былъ дорогъ хлѣбъ: *четверка* ржи стоила въ
Новѣгородѣ около гривны Московской. Въ 1545 г. была въ Новѣгородѣ
дорога бумага: книжная десть стоила два алтына.

(154) См. *Царствен. Кн.*

(155) „Какъ наши прародители, Цари и Великіе Князи, и сродичь нашъ,
Вел. Князь Владимеръ Всеволодичь Мономахъ."

(156) См. сей *Исторіи* Т. II, г. 1116-1123.

(157) См. тамъ же, примѣч. 220.

(158) „И покрывъ златою паволокою, на ней же саженъ крестъ бисе-
„ромъ и многоцѣннымъ каменіемъ, дастъ Протопопу Өеодору; онъ же прі-
„емлетъ со страхомъ и поставляетъ у себя наверхъ главы . . . И пол-
„часа спустя, вышелъ Князь Великій изъ брусяныя, изъ столовыя избы,
„и пошелъ къ Пречистой."

(159) „А Митрополитъ стоялъ на крылосѣ у своего мѣста во всемъ
„Святительскомъ сану, и велѣлъ Архидіакону начати молебенъ Богоро-
„дицѣ и Чудотворцу Петру." — Не повторяемъ здѣсь того, что уже
говорили мы въ описаніи *Димитріева вѣнчанія*.

(160) „И противъ Архангела осыпана его, и на средней лѣствицѣ."

(161) Только въ одной новѣйшей рукописной *Степен. Книгѣ* упоми-
нается здѣсь о миропомазаніи. Подробное описаніе Царскаго вѣнчанія (въ
Синод. Библіот. No 355) составлено въ 1642 году. Тамъ находимъ миро-
помазаніе, причащеніе, нѣкоторыя новыя молитвы и поученіе Царю отъ
Патріарха. Въ описаніи Царской утвари Михаила Өеодоровича уже го-
ворится о *скипетрѣ и яблокѣ* или державѣ (см. *Никон. Лѣт.* VIII. 206.)

(162) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „и восхотѣ Царство устроити на Мос-
„квѣ, и яко же написано въ Апокалипсисѣ: пять бо Царевъ минуло, а
„шестой есть, но не убо 6ѣ пришелъ." Въ Апокалипсисѣ сказано, что
пять Царей пало, одинъ (шестый) есть, а другой (седьмый) еще не
пришелъ.

(163) Въ рукописной *Степен. Книгѣ* Лапухина: „Удивишася вси врази
„Россійской земли, невѣрніи, поганіи Царіе и нечестивіи Крали . . . и
„послы своя съ великими дарами къ нему присылаху . . . Паче же Вели-

„кій Салтанъ Турецкій похвальная словеса восписа ему," и проч. Грамота Патріарха Іоасафа находится между Греческими дѣлами въ Архивѣ, No 1, л. 175. Іоасафъ пишетъ: „Понеже убо наше смиреніе вѣрно увѣдахомъ „не точію преданіемъ многихъ достовѣрныхъ мужей, но и писаніемъ и „сказаніемъ Лѣтописца, яко нынѣшній наставшій Царь Московскій Іоаннъ „отъ роду своего и крови Царскіе ведется, иже отъ тоя приснопамят-„ныя Царицы и Владычицы Госпожи *Анны*, сестры Самодержца и Царя „Багрянороднаго *Мономаха*, въ шестыхъ же отъ благочест. Царя Кон-„стантина, и съ тогдашнимъ Патріархомъ и со Священ. Архіереи Собо-„ра Константинограда послана Митрополита Ефесского и Антіохійско-„го изрядноначальнѣйшего Епарха и вѣнчана благочест. Вел. Князя Вла-„димера на Царство, и дарована его тогда Царьскимъ вѣнцемъ на главу „его, и діадимою украшенною бисеромъ и иными Царьскими знаменіемъ... „и Преосвящ. Митрополитъ Московскій и всея Великія Россіи Госпо-„динъ Макарей вѣнчалъ Благочест. Князя на Царство закономъ; и мы же „единымъ образомъ уложихомъ, и благословили его . . . и собраша Ми-„трополитовъ и Епископовъ содѣйствомъ и благодатію Св. Духа, еже „быти и званися ему Царемъ, законно и благочестно вѣнчанному вкупѣ „и отъ насъ и отъ нашея Церкви", и проч. Если Патріархъ говоритъ объ *Аннѣ* супругѣ Владиміра Святаго, то братъ ея Константинъ не именовался *Мономахомъ*.

Курбскій пишетъ: „Посла Царь Феодорита (инока) Соловецкаго къ „Патріарху Константинаграда просити о Царскомъ вѣнчаніи, и ходи „вящше года, и принесе отъ Патріарха благословеніе, и книгу Царскаго „вѣнчанія присла Патріархъ съ Митрополитомъ своимъ и Михаиломъ „Протопсальтомъ Пресвитеромъ. Царь же подарова Феодорита трема „сты сребреными и шубою соболей подъ аксамитомъ; онъ же взя точію „25 сребреники."

(164) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „поя Княгиню Настасью у *вдовы* у Ро-„мановскія Юрьевича."

Св. Собран. Госуд. Грамотъ, Т. II, стр. 43. Въ Новгородъ для выбора невѣстъ былъ посыланъ Окольничій И. Д. Шеинъ, а въ Вязьму Князь И. С. Мезецкій и Дворцовый Дьякъ Гаврило Щенокъ, съ слѣдующими грамотами: „Велѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣ-„сты . . . а которой дочь дѣвку у себя утаитъ, и тому быть въ ве-„ликой опалѣ и въ казни." Въ грамотѣ къ жителямъ Вязмы и Дорогобужа сказано: „Вы дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слу-„шаете — и вы то чините не гораздо," и проч.

Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Андрей Ивановичь Кобыла имѣлъ брата Ѳедора Шевлягу; что у Андрея былъ сынъ Ѳедоръ Кошка, у Ѳедора Иванъ, у Ивана Захарія, у Захаріи Юрій, у Юрія Романъ, у Романа Данило, Долматъ и Никита. Сестра Анастасіи, Анна, была супругою Князя Сицкаго. — Новѣйшіе повѣствователи увѣряютъ, что отецъ Андреевъ былъ Князь Прусской, одинъ изъ потомковъ перваго Царя Латышскаго, Видвута; что сей Князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя

сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Іоанномъ. См. объ Андреѣ Кобылѣ сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 365.

(165) Въ лѣтописяхъ именно сказано, что *предобрая* Анастасія *наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели.* Рѣчь Митр. Макарія къ новобрачнымъ, Царю и Царицѣ, напечатана въ *Древ. Рос. Вивліое.* XIV, 227. Онъ велитъ имъ посѣщать церкви и темницы, любить родныхъ, чтить Духовенство, жаловать Бояръ и народъ, не слушать клеветниковъ, праздновать Воскресеніе и другіе святые дни, наблюдать посты, *совокупляться* только *въ благополучное время,* и проч.

(166) Въ *Царствен. Кн.* 142: „Въ тѣ поры *Глинскіе у Государя* въ при-„ближеніи и въ жалованіи (были), а отъ людей ихъ чернымъ людемъ на-„сильство и грабежъ; они же ихъ отъ того не унимаху."

(167) Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* „Въ *лѣто 7055 (1547)* въ Петровъ постъ „Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву жаловатися на Намѣстника „на Турунтая, и оны жалобщикы били челомъ Государю на сельцѣ на „Островкѣ, и Государь опалился на Псковичь сихъ . . . безчествовалъ „обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчю зажигалъ, „и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ ко-„локоль благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а „*жалобщиковъ не истеря.*" Въ *Царствен. Кн.:* „Іюня 3 начата благовѣ-„стити Вечерню, и отломишася уши у колокола у благовѣстника, и „паде съ деревянные колоколѣницы, а не разбися."

(168) См. Курбскаго.

(169) На примѣръ, въ государствованіе Донскаго и Темнаго.

(170) „Загорѣся лавка въ *Москотинномъ*" (нынѣ Москотильномъ) „ря-„*ду* . . . Сгорѣша церкви и монастырь Богоявленской и Ильинской . . . „У рѣки у Москвы въ стрѣльницѣ загорѣшесь зеліе пушечное," и проч.

(171) „Загорѣся за *Яузою* на Болвановьѣ . . . . и церковь Спасъ въ Чи-„гасовѣ *монастырѣ;* подпись *тоя чудна была* Діонисія иконописца — и „Лыщиково погорѣ по *Яузу.*"

(172) См. *Стоглавъ.*

(173) „Загорѣся Воздвиженіе на Арбатской улицѣ на островѣ . . . и „промчеся огнь и до восполія Неглинною, и Черторіе погорѣ до Семчин-„ского сельца, возлѣ рѣку Москву, и до Ѳедора Св. на Арбатской; и „обратися буря на градъ большой, загорѣся у Соборныя церкви верхъ, „и на Царскомъ дворѣ кровли и избы древяныя, и полаты, украшенныя „златомъ, и казенной дворъ съ Царскою казною, и церковь на Царскомъ „дворѣ у Царскія казны, Благовѣщеніе златоверхая, Деисусъ Андреева „письма Рублева златомъ обложенъ и образы многоцѣнныя Греческаго „письма прародителей его . . . и оружничая палата вся погорѣ, и по-„стельная съ казною, и въ погребѣхъ на Царскомъ дворѣ подъ полатами, „выгорѣ все древяное въ нихъ, и конюшня Царская . . . и дворъ Митро-„поличь . . . . . И пойде Митрополитъ изъ церкви, и несъ на собѣ Пре-„чистую Петрова Чудотворцова письма, а Протопопъ Гурій несъ за „нимъ *правила*" (Въ *Латухин. Степен. Кн.* сказано, что они привезены Митрополитомъ Кипріаномъ) . . . и съ нимъ шелъ Таинцевъ, Княжь

„Владиміровъ Ясельничей, да Священихъ Соборной Пречистенской Жи„желевъ Иванъ, и тѣ оба сгорѣли на площади . . . а Протопопъ Гурій „пробылъ на тайникѣ . . . Едины мощи Св. Алексія сохранены быша, а „Старцовъ (въ Чудовѣ) сгорѣша по погребомъ и по поламамъ 18, а слугъ „3; а въ Вознесенскомъ то Старецъ: тожмо единъ образъ Пречистыя Про„топопъ вынесъ . . . А въ другомъ градѣ (Китаѣ) двѣ церкви Богъ со„хранилъ, на рвѣ Рожество Христово, да Рожество Пречистыя, да на „Никольскомъ крестцѣ лавокъ съ десять . . . А за городомъ большой „посадъ сгорѣ возлѣ Неглинну, пушечной дворъ . . . и Рожественская ули„ца и монастырь Рожественской до Николы до Драчевскаго монастыря, „а по Устрѣтенской до Стефана Св., а по Ильинской до Флора Св. въ „Мясникѣхъ, а Покровскою по Василій Св., а Варварскую всѣ Святые, и „Св. Пятница, и Рождество Пречистыя, и Никола Подкопаевъ, и Флоръ „Св. у конюшни, и конюшня Вел. Князя, и по Воронцовской дворъ и по „Илію подъ Сосенки; а Великою улицею возлѣ Москвы рѣки, и Никола „Кошелевъ и Андрей Св., и Воздвиженіе у рѣки Москвы, и Козьма и Да„міанъ, и Кулишка вся, и возлѣ Яузу по Воронцовской садъ, и по зако„юшни по Смоляну улицу. А отъ города за рвомъ на площадкѣ отъ „Преображенія не горѣша дворы до Всѣхъ Святыхъ по Варварскую ули„цу на Кулишкѣ, а позадь погорѣша всѣ дворы," и проч. Въ Латухин. *Степен. Кн.*: „Василій юродивый (на канунѣ пожара) пріиде въ мона„стырь Воздвиженія, иже зовется на Островѣ, и ста предъ церковію, „къ ней же умильно зря, и умно молитву творя, и плакашеся неутѣшно. „Людіе, видяще его, дивляхуся . . . Желѣзо яко олово разливашеся и мѣдь „яко вода растаяваше."

(174) „См. *Царствен. Кн.* 142. Самъ Царь Іоаннъ въ грамотѣ къ К. Андрею Курбскому пишетъ: „Множество народа, воскричавъ Іудейскимъ обы„чаемъ, пріидоша Соборныя церкви въ предѣлъ Св. Великомученика Димит„рія Селунскаго, и изымавъ Боярина нашего, К. Юрья Вас. Глинскаго, „безчеловѣчнѣ выволокли въ Соборную церковь и убиша безвинно въ цер„кви противъ Митрополича мѣста, и кровію его помостъ церковный „окровивше."

(175) „Много же и Дѣтей Боярскихъ незнакомыхъ побиша изъ Сѣве„ры, называючи ихъ Глинского людьми."

(176) См. Курбскаго.

(177) Курбскій: „И аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не вѣмъ, „аще истинные, или токмо ужасновеніе пущающе буйства его ради и „для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ умыслилъ было себѣ сіе, яко мно„гажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными „страхи."

(178) См. Курбскаго и *Стоглавѣ*, гдѣ самъ Іоаннъ говоритъ о тогдашнемъ своемъ исправленіи.

(179) Курбскій: „Съ нимъ же (Сильвестромъ) соединяется въ общеніе „единъ благородный тогда юноша къ доброму и полезному обществу, „именемъ Алексѣй Адашевъ: Цареви же той Алексѣй въ то время зѣло „любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ *общей вещи* зѣло полезенъ, и от-

„мастію въ нѣкоторыхъ нравѣхъ Ангеломъ подобенъ; и аще бы все по ря-
„ду изъявилъ о немъ, воистину вѣр ѣ не подобно было бы предъ грубыми
„и мірскими людьми."

(180) „Приходиша многіе люди черни скопомъ къ Государю, глаголюще
„нелѣпая, что будто Государь хоронитъ у себя Княгиню Анну и К.
„Михайла." Левекъ вообразилъ, что подъ словомъ *черни* разумѣются Мо-
нахи, и пишетъ: Le Clergé eut l'audace d'aller trouver le Tsar, de le prier ou
plutot de lui ordonner de livrer Anne et celui de ses fils qui vivoit encore.
Вотъ не маловажная ошибка! Слѣдуетъ и другая. Лѣтописецъ говоритъ
о черни: „оныхъ же мнози разбѣгошася"; а Левекъ: „Elle (la famille de
„Glinsky) fut obligée de fuir et de se disperser. C'est peut être la seule fois
„qu'on puisse accuser Ivan de foiblesse." *Обвинять въ слабости* того, кто
велѣлъ немедленно казнить мятежниковъ!

(181) См. Курбскаго. Самъ Іоаннъ говоритъ Московскому Собору 1551
году, описавъ бѣдствіе пожара: „*Отъ сего убо вниде страхъ въ душу
„мою . . . . и припадохъ ко твоему Первосвятительству и ко всѣмъ,
„еже съ тобою Святителемъ, съ истиннымъ покаяніемъ проси проще-
„нія, еже злѣ содѣяхъ; и Божія ради великія милости получихъ отъ васъ
„миръ и благословеніе и прощеніе.*"

(182) Сія любопытная рѣчь находится въ Архив. *Степен. Книгѣ* Хру-
щова. Выписываемъ оную отъ слова до слова: „Повелѣ (Іоаннъ) собрати
„свое Государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день Недѣльный изы-
„де со кресты на лобное мѣсто, и совершивъ молебная, нача рѣчь гово-
„рити къ Митрополиту: *Молю тя, Св. Владыко, да будеши помощникъ
„намъ и любви поборникъ. Вѣмъ, блага дѣла и любви желатель еси. Азъ,
„Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался* отца *своего четырехъ лѣтъ,
„а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а сильнїи мои
„Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша, и сами себѣ
„саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняюща-
„го, и во многїе корысти и въ хищенїя и въ обиды упражняхуся. Азъ же
„яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенїя юно-
„сти ради моея и пустоты. Они же властвоваху . . . . О неправеднїи
„лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ
„намъ отвѣтъ даете, иже многїя слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ
„отъ крове сея. Ожидайте воздаянїя своего.* И всѣмъ поклонися на всѣ
„страны, и глагола: *Людїе Божїи, и намъ дарованїи Богомъ! молю вашу
„вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разоренїй и на-
„логъ исправити невозможно замедленїя ради юности моея и пустоты и
„безпомощства, и неправдъ ради Бояръ моихъ и властей, и безсудства
„неправеднаго и лихоиманїя, и сребролюбїя. Молю васъ, оставите другъ другу
„вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большаго дѣла не вмѣстно; и
„въ томъ и въ иныхъ яковъ я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду су-
„дїя и оборона, и неправды разоряти, и хищенїя возвращати.*" Въ сей *Сте-
пен. Кн.* сказано, что Іоанну было тогда 20 лѣтъ: не 20, а 17, если онъ
говорилъ эту рѣчь скоро послѣ бывшаго пожара.

(183) Въ *Стоглавѣ* пишетъ Іоаннъ: „Въ *предидущее лѣто* билъ есми „вамъ (Священникамъ) челомъ и съ Боляры своими о своемъ согрѣшеніи" (см. выше, примѣч. 181), „а Боляре такоже: и вы насъ въ нашихъ винахъ „благословили и простили; а азъ по вашему прощенію и благословенію „Болярь своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ; да „имъ же заповѣдалъ со всѣми Христіаны Царствія своего въ прежнихъ „во всякихъ дѣлѣхъ помиритись на срокъ; и Боляре мои всѣ и приказныя „люди и кормлейщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ. „Да благословилися есмы у васъ *тогда же* Судебникъ исправити по ста- „ринѣ." Судебникъ уже былъ написанъ въ 1550 году, слѣдственно проще- ніе Боярь и всеобщій *миръ относится не къ сему году, а къ предшедшимъ.*

(184) Въ Архив. *Степен. Кн.* Хрущова: „Въ той день *пожаловалъ* въ „*Окольничіе* Адашева, и говорилъ рѣчь ему: „Алексіе! взялъ я тебя отъ ни- „щихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, „и нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души моей; хотя „и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче азъ возжелахъ не токмо тебе, „но и иныхъ такихъ, ктобъ печаль мою утолилъ и на люди моя, Богомъ „врученныя намъ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣд- „ныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ расмотрѣніемъ. Да не убоитися „сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, и своимъ насиліемъ бѣд- „ныхъ и немощныхъ погубляющихъ; ни (вѣрити) бѣднаго слезамъ лож- „нымъ и клеветающимъ напрасно на богатыхъ, хотящимъ ложными сле- „зами неправедно обогатити и правыми быти; но вся" (долженъ ты) „ис- „пытно разсматривати и къ намъ истину приносити, боясь суда Божія.— „И избра судей правдивыхъ отъ Боляръ и отъ Вельможъ, и глагола имъ „ту рѣчь съ прещеніемъ; и оттолѣ нача и самъ судити многіе суды и „разыскивати праведно." Алексѣй Адашевъ по списку Бояръ и чиновни- ковъ Двора (см. *Древ. Рос. Вивліое.* XX, 40) былъ пожалованъ въ Околь- ничіе уже въ 1555 году.

(185) См. Курбскаго.

(186) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „Тогда бо и къ Опочки послалъ Князь „Великой Воеводу съ 2000 вой Салтана ради Сукиныхъ: той бо Салтанъ „*потатникъ много сотворилъ зла,* и Опочане изымавъ въ крѣпость по- „*садили.*" Сіе случилось послѣ 1547 и прежде 1551 года. См. также Курб- скаго.

(187) См. Курбскаго.

(188) Въ *Царствен. Кн.* 146: „Генв. 6 (1549) Протопопъ Благовѣщенской „Ѳедоръ Бармииъ разнеможеся, и пріиде на него страхованіе; онъ же отпро- „сися въ Черпцы у Государя, а постріжеся у Михайлова Чуда."

(189) Князь Юрій женился 3 Ноября 1549. Свадьба была во дворцѣ, ку- да онъ и переѣхалъ жить съ супругою.

Въ 1547 г. вошли въ Боляре Дворецкій Ив. Ив. Хабаровъ, Григорій Юрье- вичъ Захарьинъ, К. Данило Дмитріевичь Пронскій, К. Дм. Ѳед. Палецкій, и К. Ѳед. Андр. Куракинъ-Булгаковъ.

(190) На его мѣсто былъ пожалованъ К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой, а въ 1550 году Бояринъ Ив. Петр. Ѳедоровъ.

(191) Глинскій съ Турунтаемъ бѣжалъ 5 Ноября 1548. „И К. Петръ „Ив. Шуйской (съ Дворяны) дошелъ ихъ во Ржевскихъ мѣстѣхъ, въ не„проходимыхъ тѣснотахъ. Они же, посылщавъ за собою погоню, и узва„ша, что имъ уйти невозможно изъ тѣхъ тѣснотъ, и они возвратишась „ко Царю, и хотѣша въѣхати въ городъ тайно на Москву и бити че„ломъ Царю, что они не бѣгали, и поѣхали были молитися Пречистой „въ Оковецъ; и К. Ив. Турунтая изымаша въ Завтреню у новаго города „въ воротѣхъ въ Неглименскихъ, а онъ хотѣлъ войти въ городъ съ Попы; „а К. Михайла изымалъ К. Петръ Шуйской на посадѣ во дворѣ у Возне„сенія, у хоромія колокольницы за Неглимною на Никитской улицѣ 11 „Ноября."

(192) Со времень Донскаго.

(193) „Маія 18 (г. 1550) Царь и Вел. Князь пожаловалъ Князя Влади„мера Андреевича женилъ, взялъ за него дщерь Александрову Нагово Ев„докею; а свадьба была у Царя на дворѣ, и вѣнчалъ ихъ Макарій Мит„рополитъ."

(194) На примѣръ въ Судебникѣ: „Царь и Вел. Князь *съ своею братьею* „и съ Бояры уложилъ."

(195) См. указъ 1556 г. *о кормленіяхъ и о службѣ*, въ прибавленіяхъ къ Судебнику.

(196) См. въ прибавленіяхъ къ Судебнику указъ 1550 г. о мѣстничествѣ.

(197) См. *Стоглавъ* въ Синод. Библіот. No 524. На Соборѣ были, кромѣ Митрополита, Ѳеодосій Архіеп. Новогородскій, Никандръ Арх. Ростовскій, Трифонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверскій, Ѳеодосій Коломенскій, Савва Сарскій и Подонскій, Кипріанъ Пермскій.

(198) См. *Стоглавъ* л. 12 и 14 на об. Вотъ слова его: „Навыкохъ ихъ „злокозненнымъ обычаямъ, тая же мудрствовали яко же и они; и отъ „того времени какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ?"

(199) Тамъ же, л. 12-19.

(200) Вел. Князь Василій Іоанновичь далъ Присяжныхъ Новугороду, а К. Иванъ Бѣльскій Пскову, какъ мы уже сказали выше.

(201) Въ *Стоглавѣ*, л. 22: „По вашему благословенію Судебникъ испра„вили и великія заповѣди написали . . . . Да устроилъ по всѣмъ землямъ „моего Царствія Старосты и Цѣловальники и Соцкіе и Пятидесятниковъ „по всѣмъ градомъ и по пригородомъ, и по волостемъ и по погостомъ, и „Дѣтей Боярскихъ, и уставныя грамоты подписалъ. Сей Судебникъ предъ „вами, и уставныя грамоты прочтите и разсудите, чтобы было наше „дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо по вашему благословенію, аще „достойно сіе дѣло, на Св. Соборѣ утвердивъ, и подписати Судебникъ и „на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти: *дана сія соборнѣ.*" — Въ Судебникѣ, гл. 68: „Въ которыхъ волостяхъ напередъ сего Старосты и „Цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостехъ быти „Старостамъ и Цѣловальникамъ . . . . А безъ Старостъ и безъ Цѣловаль„никовъ Намѣстникомъ и Волостелемъ и ихъ Тіуномъ не судити."

(202) Вотъ заглавіе сего устава: *Царскіе вопросы и Соборные отвѣты о многоразличныхъ Церковныхъ чинѣхъ.* Послѣ будемъ говорить объ немъ въ особенной статьѣ.

(203) См. въ *Древ. Рос. Вивліѳ.* XIV, 266, грамоту Новогород. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Симону (писанную около 1500 года), гдѣ сказано: „Приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю дати чести Апостолъ,“ и „онъ не умѣетъ ни ступити . . . И язъ велю имъ азбуку учити, и онъ „поучився мало, да просится прочь . . . . А моей силы нѣтъ, что ихъ „не учивъ мнѣ ставити,“ и проч.

(204) Въ концѣ *Стоглава*: „*Лѣта 7059*, Маія въ 11 день, Царь и Вел. „Князь приговорилъ со отцемъ своимъ съ Макаріемъ Митрополитомъ и „со Архіепископы и Епископы и со всѣмъ Соборомъ, что впредь Архіе- „пископомъ и Епископомъ и монастыремъ вотчинъ безъ Царева и Вел. „Князя вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого, а Княземъ и Дѣ- „темъ Боярскимъ и всякимъ людемъ вотчинъ безъ докладу имъ не прода- „вати; а кто купитъ или кто продастъ, и у тѣхъ, кто купитъ, деньги „пропали, а у продавца вотчина; а взяти вотчина на Государя Царя без- „денежно.“

(205) См. Preussisches Archiv, von Faber, стр. 6. Іоаннъ Шлиттъ или Шлитте былъ родомъ изъ Гослара.

(206) У Гадебуша (Livl. Jahrbüch. I, 389) умножено сіе число до трехъ сотъ; но по бумагамъ самого Шлитта, хранящимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, ихъ было 123 человѣка: 4 Ѳеолога, 4 Медика, 2 Юриста, 4 Аптекаря, 2 Оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменщиковъ, 8 столяровъ, 2 Архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человѣкъ искусный въ водоводствѣ, 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ, 1 ткачъ, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшечникъ, 1 типографщикъ, 2 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 коренщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 штукатуръ, 1 мастеръ для варенія красковъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 площильщикъ, 1 переплетчикъ, 1 портной.

(207) См. Preuss Archiv. Шлиттъ, сидя въ заключеніи, уговорилъ одного Доктора Правъ, Іоанна Цегендера, ѣхать отъ него съ письмомъ въ Москву; но сей Докторъ былъ остановленъ въ Ливоніи и сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. Шлиттъ послалъ къ Царю другое донесеніе съ Брауншвейгскимъ купцемъ, Арнольдомъ Пейномъ, который для своей безопасности списалъ оное собственною рукою, а подлинное возвратилъ Шлитту: въѣхавъ благополучно въ Россію, онъ вздумалъ назваться Шлиттомъ и съ великою честію прибылъ въ Москву; но Государь изъявилъ ему гнѣвъ за такой обманъ, и не хотѣлъ вѣрить бумагамъ, писаннымъ не Шлиттовою рукою, однакожъ безъ наказанія отпустилъ его назадъ въ Германію. Черезъ полтора года Шлиттъ бѣжалъ изъ Любекской темницы, и въ 1555 году 5 Марта, писалъ къ Царю изъ Аугсбурга, требуя денегъ и новой вѣрющей

грамоты; увѣралъ, что исполнитъ данное ему порученіе; дѣйствительно старался о томъ на Сеймѣ Аугсбургскомъ, но не имѣлъ успѣха, и послалъ какого-то Іоанна Фоглера, Цюрихскаго уроженца, къ Царю съ кипою бумагъ, относящихся къ образованію Россіи. Фоглеръ уѣхалъ въ Италію, и тамъ заложилъ сіи бумаги. Одинъ изъ его заимодавцевъ, Веитъ Ценге, выкупилъ ихъ, привезъ въ Аугсбургъ, и требовалъ денегъ съ Шлиппа; но Шлиппъ скрылся, и лѣтомъ въ 1557 году былъ уже въ Москвѣ, куда отправился и Веитъ Ценге, который, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, далъ списокъ со всѣхъ бумагъ Шлипповыхъ Герцогу Прусскому, Албрехту. Сей списокъ уцѣлѣлъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Шлиппъ предлагаетъ, чтобы Посолъ Россійскій, всегда находясь при особѣ Императора, имѣлъ у себя Доктора и Магистра Богословіи, двухъ Докторовъ Правъ, Гофмейстера, Медика, двухъ Секретарей, нѣсколько другихъ чиновниковъ, Пажей, слугъ, искусныхъ поваровъ; давалъ обѣды, пиры и на все издерживалъ болѣе шестидесяти тысячь талеровъ.

(208) См. Гадебуша Livl. Jahrbüch. I, 388.

(209) См. Курбскаго.

(210) Сей походъ былъ въ 1547 и 1548 году: „По леду поступити не„возможно, и многіе люди въ продушинахъ потопоша, занеже подъ водою „продушинъ не знати." Царь возвратился въ Москву 7 Марта.

(211) 18 Февраля. Они 7 дней воевали Казанскія окрестности и благополучно вышли. Подъ Казанію убитъ тогда Дворянинъ Григорій Шереметевъ. — Въ *Казан. Лѣт.* названы Предводителями К. Семенъ Микулинскій и Василій Оболенскій-Серебряный, которые будто бы ходили водою къ Казани, встрѣтили Сафа-Гирея на ловлѣ, побили у него 3000 человѣкъ и могли бы взять Казань: ибо Вельможи ея разъѣхались гулять по деревнямъ. Тамъ же сказано, что Сафа-Гирей послалъ 20,000 воиновъ въ слѣдъ за Россіянами, которые, узнавъ о томъ, засѣли въ крѣпкихъ мѣстахъ, и нечаянно напавъ на оплошнаго непріятеля, убили 17,000 человѣкъ, плѣнили 2000, а 1000 прогнали назадъ. Это басня.

(212) Въ Опис. 1548.

(213) См. Дѣла Польскія, No 4, стр. 1—80. Послы уѣхали было 10 Февр., а 13 утвердили перемиріе. Съ грамотою ѣздили отъ насъ въ Литву Бояринъ Мих. Якол. Морозовъ, Дворецкій Рязанскій Петръ Вас. Морозовъ и Дьякъ Карачаровъ.

(214) См. тамъ же, стр. 80—195. Споры о пограничныхъ земляхъ продолжались.

(215) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, No 9, л. 57: „На недруга своего на Астраханскаго ходили есмя, и Богъ милосердье свое учинилъ: взяли есмя Юртъ „его; хотѣли есмя держати, да за тѣмъ покинули, что мѣсто не добро; „и мы того для людей ихъ и Улусовъ ихъ тамъ не оставили, всѣхъ пригонили къ себѣ. И какъ оттолѣ пошли есмя назадъ въ свою землю, и „заходили есмя на *Кабайтерскые* Черкасы, да и дань есмя на нихъ положили . . . А послѣ ходили на *Кайтаки*," и проч.

(216) См. тамъ же, л. 30 на об. и 56 на об.

(217) Тамъ же, л. 51. „Князь Великій приговорилъ своего Посла въ „Крымъ не посылати и на Крымскихъ Пословъ *опалу положити, для то*„го, что Крымской Царь Подьячаго Лапуна соромотилъ, носъ и уши за„шивали, и обнажа по базару водили, и на гонцѣхъ тридевать поминковъ „напрасно емлетъ, а нынѣ Вел. Князя людей 55 человѣкъ себѣ *похолопи*„*ли.*" Это было еще въ 1546 году.

(218) Въ *Казан. Лѣт.*: „Сафа-Гирей пьянъ лице свое умывая, и напра„сно зацепися о умывальный теремецъ, и главою весь о землю разрази„ся и умре того же дни, и привозя Царство меньшей Царицѣ Нагаяны„нѣ; прiехъ же Царицамъ раздѣли равно имѣніе Царско, и отпустити „повелѣ въ отечествія ихъ; онѣ же возвратишася: большая въ Сибирь ко „отцу своему, вторая же въ Астрахань ко отцу своему, Астраханско„му Царю; третья же въ Крымъ къ братьѣ своей, Княземъ Ширинскимъ; „четвертая же бѣ Руская, плѣненна дщи нѣкоего Князя славна, и та по „возвращеніи Царя изъ Нагай умре въ Казани." Но въ послѣдствіи уви-дишь, что одна изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, кромѣ Сююнбеки, оставалась въ Казани, и вышла за Шигъ-Алея. Въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Казанцы и Крымцы съ общаго согласія объявили Утемишъ-Гирея Царемъ.

(219) Въ *Царствен. Кн.*: „А въ Крымъ послали просити помочи и свер„стного Царя, и Царя и Вел. Князя Казаки Урачко съ товарищи по„словъ Казанскихъ *побили* и ерлыки ихъ поймали и къ Государю присла„ли . . . Іюля 6 прислалъ къ Царю и Вел. Князю изъ Казани Утемишъ„Гирей Царь своего человѣка съ грамотою о миру."

(220) „Большаго полку Воеводѣ Бояриму К. Дмитрею Ѳед. Бѣльскому, „да К. Володимеру Ив. Воротынскому — передоваго полку Воеводѣ К. „Петру Ив. Шуйскому и К. Вас. Ѳед. Лопатину — правой руки Боя„рину К. Александрѣ Борис. Горбатаго, да Дворецкому Углецкому, Кня„зю Вас. Сем. Серебреного — лѣвой Руки К. Мих. Ив. Воротынскому, „да Бор. Ив. Салтыкову — стороженому Бояриму К. Юрью Ив. Капи„ну . . . . . А изъ Володимера прислалъ Царь и Вел. Князь по Макарія „Митрополита, и Митрополитъ, да Крутицкій Владыка Сава съ своимъ „Соборомъ пріѣхали въ Володимеръ . . . Дек. 20 отпустилъ Царь и Вел. „Князь съ нарядомъ въ Нижній Боярина Вас. Мих. Юрьева, а Шигъ-Алею „и Царевичу Едигерю и Воеводамъ, кои збиралися съ людьми по городомъ, „и тѣмъ велѣли быти въ Нижнемъ Генваря; а самъ пойде изъ Володимера „Генв. 7, а въ Нижній пришелъ Генв. 18; а изъ Нижнева пошелъ Генв. 23."

(221) См. Курбскаго. Сей Историкъ ставитъ Іоанна въ примѣръ Государямъ Западнымъ, которые любятъ сидѣть дома, играть въ карты; оставляютъ своимъ Полководцамъ сражаться за ихъ честь, и сами только-что забавляются.

(222) *Казан. Лѣт.* говоритъ, что неудача Россіянъ произошла, *можетъ быть*, отъ искусства Казанскихъ волхвовъ, и что Іоаннъ, восшедши на Круглую гору, только въ умѣ назначилъ быть тутъ крѣпости, не объявивъ никому своей мысли. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано противное; см. *Никон. Лѣт.* 70.

(223) Въ *Казан. Лѣт.*: „Глаголютъ же о немъ Воеводѣ, якô большая „измѣна бѣ въ немъ, и сего ради Казанцы, ходяще войною, не воеваху „селъ и градовъ его, но около ихъ обхожаху, и ни единого куряти не „изнимаху."

(224) См. выше, страц. 69.

(225) Государь выѣхалъ 20 Іюля, а возвратился въ Москву Авг. 23.

(226) „Дек. 26 пришли войною Уразлы Мурза, да Отай Мурза, да Телякъ Мурза и иные . . . . и Воеводы съ Рязани К. Иеоръ Мих. Щенятевъ, да К. Александръ Воротынской, да отъ Николы Заразскаго К. „Дм. Ив. Пунковъ сошлись вмѣстѣ, и вездѣ ихъ побивали . . . и изъ „Елатмы К. Константинъ Ив. Курлятевъ, да Семенъ Шереметевъ, да „Степанъ Сидоровъ также, и сошлись вмѣстѣ . . . и пришли снѣги великіе и морозы и позябли многіе (Ногаи), а достальныхъ вольные Казаки Вел. Князя побили до Волги, и пришелъ въ Ногаи Араслань Мурза, „да Отай, а всего съ ними шѣшихъ 50."

(227) См. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 111, 112, 135 на об. и 158; см. также *Никон. Лѣт.* 72.

(228) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: „поставленіе Пограда Свіяжскаго, „нареченнаго во Царьское *имя Ивангородъ.*" Сіе имя исчезло. Въ *Царствен. Кн.*: „Государь призываетъ къ себѣ діака своего, Ив. Григор. Выродкова, „и посылаетъ, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ на Волгу въ Углецкой Уѣздъ, „въ Ушатыхъ вотчину, *церквей и города рубити, и въ судѣхъ съ Воеводами* наниъ везти." Въ числѣ Казанскихъ Вельможъ, бывшихъ тогда у насъ, именуются Костровъ Князь, *Чапкунъ* и *Бурнашъ*. К. Симеонъ Микулинскій съ Окольничими Владиміромъ Вас. Морозовымъ и Θедоромъ Григор. Адашевымъ (отцемъ любимца Государева, Алексѣя) шелъ впереди къ устью Свіяги; ему надлежало быть градоначальникомъ въ Свіяжскѣ. Изъ Мещеры было послано туда 6000 конныхъ и пѣшихъ Козаковъ. Свіяжскъ, какъ сказано, основанъ между Свіягою и Щучьимъ озеромъ.

(229) „А пришелъ (К. Серебряный) на Казанской посадъ на 1 часу дни „не со всѣми людьми; многіе заблудилися: мгла бо велика тогда бысть на „Волгѣ." Лѣтописцы разсказываютъ здѣсь о знаменіяхъ бывшихъ на Свіягѣ рѣкѣ, о чудесномъ колокольномъ звонѣ, о явленіи Св. Сергія, о прорóчествахъ и чудесахъ въ Казани. На примѣръ: „Одна корова родися дѣтище человѣческимъ образомъ, и внезапу преложися въ совершенна мужа вооружена и глаголаше зрящимъ на него: *покоритеся безъ мучениа Московскому Государю!* . . . и абіе невидимъ бысть . . . Рыболовы извлекоша мрежу и видѣша въ ней человѣка стара лежаща и глаголяща къ нимъ: *поспѣшите умолити Московскаго Царя.* Они же хотѣша „убити его; онъ же ввержеся въ рѣку . . . . Во градѣ же Казани имѣяху „*многія избы вкопаны въ землю отъ Русскаго стрѣлянія огненнаго, и во* „едину внидоша Татарове, и видѣша ю свѣтлу и благовонну, яко же „Христіанскую избу, и пещь полну хлѣбовъ пшеничныхъ, и во единой „странѣ постеля вельможеска, на ней же лежаше *мужъ сѣдъ, и рече: не* „*будете противни Москов. Царю* . . . и абіе невидимъ бысть, ни одръ, ни „хлѣбы, ни благовоніе, но смрадъ ощущаясь," и проч.

(230) „Городъ же, которой сверху привезенъ, на половину тое горы „сталь, а другую половину тотчасъ здѣлали.“

(231) „Шигъ-Алей съ тѣмъ послалъ (въ Москву) Дворецкаго своего „Шабяса Князя Шамова, а Бояре Ивана Шишкина.“ — Въ *Казан. Лѣт.*: „Двѣ бо Черемисы въ Казан. области, а языки ихъ три; четвертый же „варварскій. Едина Черемиса объ сю страну Волги сидитъ по удоліямъ и „словетъ Горная, а другая объ ону Луговая; а всѣ тѣ люди земленашцы „и трудники и злолютые ратники. Въ той же странѣ Луговой есть „Черемиса Котшажская и Ветлужская, живутъ въ пустынихъ лѣсныхъ, „ни сѣютъ, ни орютъ, но ловомъ звѣринымъ и рыбчымъ и войною пита- „ются и живутъ аки дикіе.“

(232) „И послалъ Государь съ золотыми къ Воеводамъ Стряпчаго Пона- „тія Вешнякова — и Воеводы Горнихъ людей, Князей и Мурзъ, и Сот- „ныхъ Князей и Десятныхъ, и Чувашу и Черемису, и Мордву, и *Може- „ровъ* и *Тархановъ* привели къ правдѣ . . . . Да послали ихъ къ Казани, „а съ ними смотрѣти Петра Турова да Алексѣя Ершева, и Горніе со- „брався много да пошли — и перевезли ихъ Казаки подъ Терлотью да на „Каменномъ перевозѣ, и пошли къ городу Іюня, и пришли на Арское по- „ле, и вышли къ нимъ всѣ Казанскіе люди и Крымцы, и билися крѣпко, „и вывезли на нихъ пушки, и Чуваша и Черемиса дрогнули и побѣжали; „а Казанцы убили у нихъ человѣкъ со сто, и 50 живыхъ поймали. А „Шигъ-Алей и Воеводы ходили въ тѣ поры на Гостинъ островъ, и за „Волгою стояли на Терень-Учикѣ; а Горніе люди къ нимъ прибѣжали, и „велѣли ихъ опять за рѣку гонить . . . . Горніе же люди ѣздили къ Го- „сударю во все лѣто человѣкъ по пяти сотъ, и онъ жаловалъ Князей и „Мурзъ и Сотныхъ Казаковъ шубами съ бархаты съ золотомъ, а инымъ „камчаты и атласныя, а молодымъ однорядки и сукна и шубы бѣльи.“

(233) „И пріѣхали къ Государю служити многіе Князи и Мурзы, и Го- „сударь, ихъ жалуючи, опять отпущалъ во Свіяжской городъ, а велѣ ихъ „тутъ устраивати.“

(234) „И приходили Чуваша Арская съ боемъ на Крымцевъ: *о чемъ-де „не біете челомъ Государю?* на Царевъ дворъ, и Кощакъ Уланъ съ това- „рищи съ ними билися, и побили Чувашу.“ См. еще *Казан. Лѣт.*

(235) „И Крымцы, пограбя что возможно, побѣжали 300 человѣкъ Ула- „новъ и Князей, и Азеевъ, и Мурзъ и Казаковъ добрыхъ, опричь ихъ лю- „дей, и прибѣжали на Каму, а тутъ стоятъ Дѣти Боярскіе и Стрѣльцы — „и прибѣжали къ Вяткѣ, а тутъ стоялъ Бахтеяръ Зузинъ съ Вятчаны „да Казаки утаяся и Крымцы, подѣлавъ плоты, да повезлись, и Вятчаны „и Казаки побили ихъ и потопили.“ Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Госу- дарь предлагалъ Кощаку креститься.

(236) „А Казанцы прислали къ Шигъ-Алею и къ Воеводамъ Кульше- „рифъ-Моллу, да Тюменскаго Князя Бибарса, да К. Растова, и срокъ учи- „нили не воевати ихъ 20 дней . . . . и Казанцы послали къ Государю Би- „барса Мурзу, Растова сына, и подали Государю челобитную отъ земли, „Кудайгулъ Уланъ въ головахъ, да Муралей Князь, и вся земля, Моллы „и Сеиты, Шихи и Шихзады и Молзады, и Маны, и Ази, и Афызы,

„Князи и Уланы, и Мурзы, и Ички дворные и задворные, Казаки и Чу„ваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и Можары." — Адашевъ пріѣхалъ къ Шигъ-Алею Авг. 6. Далѣе: „Авг. въ 9 къ Царю Шигъ-Алею и къ „Воеводамъ пріѣхали изъ Казани Молна Касымъ, да Бибарсъ Князь, и „иные . . . . и они были во многомъ заперлися, и Царь имъ велѣлъ итти „съ Бояры въ Боярскіе шатры, и дѣлати по Государеву наказу . . . „Бояре же ни во единомъ ихъ лукавствѣ не поступили . . . и прислали „изъ Казани, что Царя Утемишъ-Гирея и Царицу Сюнбеку везутъ, и „Бояре велѣли бы встрѣтить; и Воеводы послали К. Петра Сем. Сере„бреного съ Дѣтьми Боярскими, и встрѣтилъ ихъ на Казанскомъ устьѣ." *Казан. Лѣт.* баснословитъ, что Алей хотѣлъ тогда жениться на Сюнбекѣ, но что она прислала ему ядъ въ кушаньѣ и въ одеждѣ; что Алей далъ первое собакѣ, и собака издохла; надѣлъ вторую на преступника, и преступникъ упалъ мертвый. Это напоминаетъ Медею. Сюнбека была послѣ женою Алея, какъ увидимъ.

(237) См. *Казан. Лѣт.* Но то не правда, чтобы К. Серебряный - Оболенскій взялъ Царицу въ Казани и вывезъ оттуда всѣ Царскія сокровища. Сей Лѣтописецъ, не всегда достовѣрный, говоритъ: „Москов. Воево„да, К. Василій (Петръ) Серебряный, вшедъ въ Казань съ 3000 вооруженныхъ и съ 1000 огненныхъ Стрѣльцовъ, ятъ Царицу и со Царевичемъ яко смирную нѣкую птицу въ полатахъ ея. Аще бы вѣдала изы„маніе свое, то сама бы ся убила. Вшедъ же къ ней Воевода съ Казан„скими Вельможами, одѣянъ въ златую одежду, и ста предъ нею съемши „златый шлыкъ, и рече ей слово тихо и честно: поимана еси, вольная „Царица, Великимъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ . . . Той отъ„емлетъ Царство твое и предаетъ тя въ руцѣ великому и благочести. „Царю Ивану Васильевичу . . . Она же воспрянувъ отъ мѣста Царского „и ста поддержима подъ руку двѣма рабынями, и отвѣща: „буди воля „Божія и Самодержца Московскаго! . . . и разразися о полъ . . . И хо„тяху Казанцы Воеводу убити; но не даша имъ властели ихъ и біяша „ихъ шалыгами и батоги. Воевода же дасть ей 10 дней пробыти въ по„латахъ своихъ за крѣпкими стражами; и Цареву казну запечата и на„полни 12 лодей златомъ и сребромъ . . . . И влѣзши Царица въ мечеть, „и роздра верхнія ризы своя, и паде у гроба Царева, власы своя терзаю„ще и лице свое деруще." Слѣдуетъ ея плачь, напоминающій Евдокіинъ (супруги Донскаго). На примѣръ: „О милый мой Царю! виждь Царицу „свою, ея же любилъ паче всѣхъ! се ведома въ плѣнъ иноязычными воины „и съ любимымъ сыномъ твоимъ . . . . Увы! почто рано зайде красота „твоя отъ очію моею подъ темною землею, оставивъ меня сиротою? „Увы мнѣ! гдѣ тамо живеши, да пойду и живу съ тобою? Почто ны „остави здѣ? Предаемся въ руцѣ Москов. Царю: мнѣ единой не могущей „противитися силѣ и крѣпости его, и не имѣхъ помогающихъ мнѣ. Аще „бы отъ иного коего Царя плѣнена быхъ была языка нашего и Вѣры, „то шла бы и не тужила. Увы милый мой Царю! отверзи мнѣ темный „свой гробъ, и буди намъ гробъ твой единъ тебѣ и мнѣ Царская наша „ложница и свѣтлая палата! . . . Пріими юную Царицу свою, да не на-

„сладшася иновѣрцы красоты моея! . . . Кому печаль мою возвѣщу? сы-„ну ли? но той еще млечныя пищи требуетъ. Или отцу моему? но той „далече. Казанцамъ ли? но они чрезъ клятву отдаютъ меня. Увы ми-„лый Царю! не отвѣщаеши ничто же. Се при дверяхъ немилостивые „воины стоятъ, и хотятъ мя яко звѣріе дивіи восхитити. Царица „быхъ, нынѣ же горькая плѣнница и раба убогая; за радость и за ве-„селіе слезы горькія постигоша насъ. Уже плакатися не могу, ослѣпо-„стивъ очима, и премолче гласъ мой отъ вопля." — Самъ Воевода нашъ, смотря на нее, плакалъ, какъ сказано въ сей лѣтописи. Далѣе: „Царица „же, егда повезена бысть къ Москвѣ, горько плакашеся, Волгою ѣдучи, „зряще прямо на Казань и глаголюще: Горе тебѣ, градъ кровавый и уны-„лый! Спаде вѣнецъ съ главы твоея, и яко вдова явлешися, осиротѣвши, „и рабъ еси, а не Государь! прейде бо слава твоя; ты же изнемогши „падеся, яко звѣрь не имущій главы. Не срамъ ти есть: аще бы и Вави-„лонскія столпы и Римскія стѣны имѣлъ еси, то никако отъ таковаго „Царя сильнаго устояти не возмоглъ бы еси. Царство Царемъ премуд-„рымъ самодержится, а не стѣнами и столпами. Царь твой сильный умре, „и Воеводы изнемогоша . . . . Гдѣ нынѣ Царскія твои пирове и веселія? „Гдѣ Улановъ и Князей твоихъ красованіе и величаніе? Гдѣ младыхъ женъ „и красныхъ дѣвицъ ликовъ и пѣсни и плясаніе? Въ тебѣ рѣки медвеныя „(медовыя) и потоцы винныя течаху: нынѣ же людей твоихъ крови про-„ливаются и слезъ горячихъ источницы протекаютъ, и не изсякнутъ, и „мечь Руской не отымется, донде же въ тебѣ вся люди твоя изгибнутъ. „Увы мнѣ! гдѣ возьму птицу борзолетающую, глаголющую языкомъ че-„ловѣческимъ, да пошлю къ отцу моему и къ матери, да возвѣститъ слу-„чившееся чаду ихъ? Суди Богъ и мсти супостату нашему, злому Шигъ-„Алею, не хотящу мя плѣнницу поняти и большею женою имѣти!" и проч. Тутъ же сказано, что Казанцы выдали Алею Сеита своего, коему онъ велѣлъ отрубить голову.

Царица только ночевала въ Свіяжскѣ. Бибарсъ Князь и Алимердинъ Азій привезли двухъ сыновей Кощака Улана и другихъ дѣтей знатныхъ Крымцевъ. Сююнбека пріѣхала въ Москву Сент. 5.

(238) „Авг. 13 Шигъ-Алей и Воеводы пріѣхали на Казанское устье и „стали отъ Волги до Бежболды, а вверхъ двѣ версты, а за Казань внизъ „до Царева лугу . . . . . И Царь Шигъ-Алей и вся земля Казанская на „томъ Государю правду дали, что имъ въ Горнюю сторону не вступа-„тися, да и въ половину Волги, а ловцемъ ловити по своимъ полови-„намъ . . . . И къ правдѣ ходили по сту человѣкъ и по дѣсятъ и по при-„ста . . . Авг. 16 Шигъ-Алей поѣхалъ на Царство въ Казань, а съ нимъ „300 человѣкъ Городецкихъ Князей и Муръ и Козаковъ, да 200 Стрѣль-„цовъ Царя и Вел. Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ . . . . И того „дни (Авг. 17) Шигъ-Алей отдалъ Бояромъ 2700 плѣнниковъ; а Бояре по-„слали къ Государю Данила Ѳед. Адашева, да Стрѣлецкого Голову Ив. Че-„ремисинова, и пріѣхали въ Москву Авг. 28."

(239) „Бояре К. Юрій Мих. и Данила Ром. со всѣми людьми своими пош-„ли къ Государю вверхъ Волгою, а К. Дм. Хилковъ черезъ Горнюю сто-

„рову къ Мурому.“ Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов. сказано, что Государь прислалъ чиновника въ Новгородъ съ вѣстію о покореніи Казани, и что тамъ былъ церковный звонъ во весь день.

(240) „Прислалъ Шигъ-Алей къ Государю гонца, что отпущаетъ Пос„ловъ своихъ Большихъ; а отъ Боярина и отъ Дьяка Ив. Выродкова при„гонилъ Сынъ Боярской, что Казанцы въ полону не правятъ . . . . То„го жъ мѣсяца (Сент.) отпустилъ Государь къ Шигъ-Алею Боярина К. „Дм. Ѳед. Палецкого, да съ нимъ Дьяка Ив. Клобукова, съ жалованьемъ „къ Царю . . . И Шигъ-Алей Ив. Ив. Хабарова отпустилъ къ Госуда„рю . . . Окт. пришли Послы Казан. Карча большой Ширинъ, Муралей „К. Булатовъ, да Шибасъ К. Шамовъ, и говорили, чтобы Государь Гор„ніе стороны Царю поступился, или бы ясаковъ оттуда придалъ, и по„жаловалъ бы велѣлъ правду учинити землѣ Казанской на томъ, на чемъ „земля Государю правду дала . . . Велѣлъ Государь имъ отвѣтъ учинити „Боярину Ив. Вас. Шереметеву, да Алексѣю Адашеву: что съ Горніе сто„роны къ Казани ни одной деньги не отдавывать, а о правдѣ, что Ка„занцы еще многой полонъ у себя держатъ, и какъ свободятъ весь, и Го„сударь тогда правду учинитъ; а вы здѣ побудьте . . . Того же мѣсяца „пріѣхали Бояринъ Хабаровъ, да Ив. Выродковъ, а сказывали, что Казан„цы куютъ и по ямамъ полонъ сажаютъ, и Шигъ-Алей не добрѣ пря„митъ . . . а сказываютъ ему, что Казанскіе Князи ссылаются въ Ногаи.“

(241) „Ноября 14 пригонилъ къ Государю изъ Казани Уразлымъ Мурза, „а отъ К. Дмитрея Митька Волоховъ, что Князья Казан. Бибарсъ и „многіе иные ссылаются на Царя въ Ногаи, и хотѣли убить его и Боя„рина К. Дмитрея, и Царь довѣдалъ то и грамоты ссыльныя у нихъ по„выималъ . . . . А убилъ Царь Бибарса съ братіею, Кадыша богатыря, „Карамышъ-Улана . . . Да приказывалъ Шигъ-Алей и К. Дмитрей, что „Муралей и Костровъ К. ихъ же дума, и чтобы ихъ не отпускать въ „Казань. А Муралей и Костровъ били челомъ, чтобы Государь пожало„валъ по ихъ жены послалъ.“

(242) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: „Дай мнѣ, К. Дмитрей, правду на томъ, „что меня Вел. Князю не убити и къ Городку придати что пригоже; а „язъ здѣсь лихихъ людей еще изведу, да пушки и пищали и зеліе пере„порчю; и Государь пріиди самъ, да промышляй . . . Да К. Дмитрея и „Алексѣя отпустилъ къ Государю, а у Царя К. Дмитрей оставилъ Ив. „Черемисинова съ Стрѣльцы . . . и какъ пріѣхалъ на Свіягу, и говорили „ему Князи, которые живутъ на Свіягѣ, Чапкунъ и Бурнашъ, что слы„шатъ отъ земли, что Казанцы весною хотятъ измѣнити Государю, а „Шигъ-Алея не любятъ, и Государь бы промышлялъ — а и Горнимъ не „утонимъ . . . И Государь послалъ къ Шигъ-Алею Семена Ярцова, что„бы жилъ бережно отъ Казанцевъ.“ — Въ Генв. Послы Казанскіе предложили Іоанну свергнуть Шигъ-Алея. Въ Февр. поѣхалъ Адашевъ въ Казань.

(243) См. Синод. Лѣт. No 351. Тамъ же сказано, что Адашевъ уговаривалъ Шигъ-Алея остаться въ Казани до весны, но онъ не хотѣлъ того, боясь лишиться жизни; что первый требовалъ отъ него казни злодѣ

Касымъ-Молны и другихъ мятежниковъ. Алей выѣхалъ Марта 6, и привезъ въ Свіяжскъ 84 человѣка изъ Вельможъ Казанскихъ.

(244) Они прежде были въ Москвѣ у Государя. Съ ними поѣхалъ въ Казань Ив. Черемисиновъ.

„И на завтріе пріѣхали въ Свіяжской городъ изъ Казани Кудагулъ Уланъ, „да многіе Молны и Князи, да Ив. Черемисиновъ, и Чапкунъ и Бурнашъ, „и правду Бояромъ дали, и у Бояръ правду взяли, что имъ жаловати Казанцевъ, какъ въ иныхъ городѣхъ Вел. Князя; да говорили Бояре, чтобъ „Царицу Шигъ-Алееву, *меншицу* Царьву" (то есть, младшую жену; а въ другихъ спискахъ *измѣнницу*) „прислали . . . а Шигъ-Алей объ ней „Бояромъ говорилъ . . . И К. Семенъ послалъ въ Казань Ив. Черемисинова и толмача Өедька Палецкого, да дѣтей Боярскихъ къ правдѣ людей „приводити и смотрѣти, нѣтъ ли лиха . . . и Черемисиновъ прислалъ къ „Бояромъ, что лиха нѣтъ: Царицу отпускаютъ; а сельскіе люди, давъ „правду, по селомъ разъѣзжаются; да пришлите и конь свой легкой съ „Ѣстию, да съ нимъ Козаковъ сто, и они на Царевѣ дворѣ пригодятся „на всякое дѣло . . . . и Бояре отпустили 70 Козаковъ, а пищалей 72 . . „и К. Семенъ, да Ив. Вас. Шереметевъ, да К. Петръ Серебреной съ товарищи поѣхали къ Казани; а въ сторож. полку К. Өедоръ Ромодановской, да Казанцы всѣ, которыхъ Царь вывелъ . . . И на Волгѣ у Прихова острова встрѣтили ихъ Кулшея Князь, да Жанкилдей и иные . . . „и Царицу встрѣтили Бояре на Волгѣ же . . . а въ Казань и изъ Казани „Дѣти Боярскіе ѣздятъ, а сказываютъ, что всѣ люди ради, а Черемисиновъ иныхъ еще къ правдѣ приводитъ."

(245) „И какъ на Бѣлбольду Воеводы пріѣхали, и поѣхали напередъ въ „городъ отъ Воеводъ Ислямъ Князь, да Кебякъ К., да Алексѣй Мурза „Чюринъ, братъ Парыкова; а Бояре ихъ не берегли, потому что всѣ ихъ „Князи выручили." — Мы слѣдуемъ достовѣрному Лѣтописцу Московскому; а Казанскій многое не такъ разсказываетъ: выписываемъ нѣкоторыя мѣста изъ него:

„Шигъ-Алей" (сдѣлавшись Царемъ въ Казани) „вшедъ въ градъ бережно, и представи ко всѣмъ вратомъ своя ратники, и ключи вратные „повелѣ на всяку нощь Воеводѣ своему приносити; такъже и двора его „стрежаху по 1000 огнестныхъ Стрѣльцовъ въ день, а въ нощь по 3000; „Воеводскаго же двора стрежаху по 600 въ день, а въ нощь по 1000. На „котораго Казанца окомъ зрымъ или перстомъ показа, они же вскорѣ „того разсѣкаху на кусы . . . Бѣгунъ Казанскій, Князь Чапкунъ, прибѣжа на Русь служити, и Государь дастъ ему великъ домъ на Москвѣ. „Окаянный же служилъ 6 лѣтъ, и моляшеся, да отпущенъ будетъ въ Казань . . . и паки приложися къ Казанцамъ, жены своей послушавъ . . . „и пойдоша Казанцы къ Воеводамъ и оболгаютъ Шигъ-Алея, яко хощетъ „измѣнити Государю . . . Воеводы же послаша къ Москвѣ, яко да изведетъ Государь Шигъ-Алея изъ Казани. Государь же, прочетъ грамоту, „дивися, что пока лести явися въ немъ на старость его, и отписа ему, „да оставитъ Царство; а на мѣсто его повелѣ быти К. Петру Шуйскому . . . . Шигъ-Алей же повелѣ Уланамъ и Княземъ приходити себѣ

„до Свіяжского града . . . и повелѣ врата градная затворити, и поймаша
„700 человѣкъ,“ и проч.

(246) „И встрѣтилъ Воеводъ на Булакѣ Ив. Черемисиновъ, да Кулалей „Князь . . . . И пріѣхали Воеводы къ Царевымъ воротамъ . . . а ихъ путь „встрѣтилъ Кудагуль Уланъ и иные, а говорятъ: боятся-де люди побою, „а насъ не слушаютъ . . . И велѣли Воеводы имывати Кудагуль-Улана „и Лимана К. съ сыномъ, Шамсу К., Чуру К. Кадыева, Богодана К. Ар„ского, Ханкилдея К., и иныхъ Князей и Козаковъ, до которыхъ Царь „вышелъ, тѣхъ всѣхъ же переимали . . . . И стояли, ночевавъ до полудень „и ссылалися . . . и пришли въ Свіяжской городъ Марта 14.“

Выписка изъ лѣтописей сего времени:

Въ 1547 г. 30 Генв. поставленъ Московъ. Богоявленскій Игуменъ Киріакъ въ Епископы на Пермь. 30 Іюля, въ 9 часу дня, явилась туча съ зимняго Запада надъ Москвою и шелъ градъ величиною съ лѣсное яблоко. Дек. 20 въ Новѣгородѣ Царь уничтожилъ корчмы: „давати по Концамъ „и по улицамъ Старостамъ на 30 человѣкъ двѣ бочки пива, да 6 ведеръ „меду, да вина горскаго полчетверта ведра на разрубъ.“ — Генв. 13, въ 1548, въ 3 часъ ночи, было въ Москвѣ сѣверное сіяніе: „явилась на небеси мно„гіе лучи на полунощной странѣ аки огненые, и быша чрезъ всю нощь „и до утреней зари. Февр. 9 въ нощи явишася лучи на полунощной же „странѣ и предъ Заутренею потухоша. Апрѣля 22 поставленъ бысть Епи„скопъ на Рязань Архимандр. Чудовскій Михаилъ. Юня 1, въ 14 часъ дни, „взошла туча съ зимнего Западу, и молонья велика, и громъ страшенъ, и „загорѣся отъ молніи верхъ терема Воробьевскаго, и сгорѣ теремъ и вся „хоромы на Царскомъ дворѣ въ Воробьевѣ. Іюня 21 Царь и Вел. Князь „пойде пѣшь къ Живоначальной Троицѣ и съ своею Царицею и съ бра„томъ, и возвратися на Москву 28 Іюня. Сент. 14 пойде пѣше Царица „къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а Царь поѣхалъ туда же 22 Сент.; „а оттуда въ объѣздъ на свою Царскую потѣху и съ своею Царицею „въ Слободу и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и въ Можаескъ, а на Мос„кву пріѣхалъ Окт. 28. — Февр. 23 (г. 1549) въ нощи явися свѣтъ на „полунощной странѣ аки зоря предъ восходомъ солнечнымъ и стоя до „утренней зори. Марта 10 поставленъ бысть Епископъ въ Суждаль, Архим. „Симоновскій Трифонъ, а Марта 17 Архіеп. въ Ростовъ, Игуменъ Троиц„кій Никандръ.“ Въ Новѣгородѣ, 14 Мая отрыли въ землѣ 19 человѣческихъ тѣлъ, совершенно цѣлыхъ: Царь и Митрополитъ велѣли ихъ похоронить Соборомъ, въ ямѣ за олтаремъ Св. Софіи, въ одномъ гробѣ. „Авг. 10, въ „4 часъ нощи, родися Царю дщи, Царевна Анна; и пріѣхалъ Царь въ Но„вой Дѣвичь Монастырь и обложилъ храмъ Св. Богоотецъ Іоакима и Ан„ны, и ту слушалъ Всенощную и Заутреню, и во утріе церковь свящалъ, „и дщерь свою крестилъ; а крестилъ ее Старецъ Андреянъ Андроновы „Пустыни, да Старецъ Генадій Сирарайскія Пустыни, а дѣйствовалъ Свя„щенническая Игуменъ Троицкій Серапіонъ Курцовъ. Дек. 30 Государь „въ В. Новѣгородѣ порушилъ ряды и грамоты рядовыя собралъ въ казну. — „Авг. (г. 1550) преставися Царевна Анна, и положена въ Новомъ Дѣ„вичьемъ монастырѣ. Мѣсяца Сент. позлащенъ бысть верхъ большой у Со-

„борной церкви Пречистыя. Окт. 26 слитъ большой колоколъ и постав„ленъ у Архангела за олтаремъ *на древяной колокольницѣ*" (въ Москвѣ). Въ *Новог. Лѣт.* Малинов. въ описаніи пожара, сказано, что онъ былъ по Московскимъ часамъ въ третьемъ часу, а по Новогородскимъ въ шестомъ. — *Марта* 17 (г. 1551) „въ то часъ нощи родися Царю дочь, Царев„на *Марія*, и крещена бысть по Пасцѣ въ Пятокъ. Іюня 14 поставленъ „Архіеп. въ Великій Новградъ, Серапіонъ Курцовъ, Игуменъ Троицкій „Сергіева монастыря; а Іюня 18 Епископъ въ Суздаль, Аѳанасій, Игуменъ „Кириллова монастыря. Мѣсяца Авг. поставленъ на Пронѣ Михайловъ „городъ, и ставили его Воеводы К. Александръ Ив. Воротынской, да Ми„хайло Петр. Головинъ; а какъ ставили городъ, и учали мѣсто чистить, „гдѣ поставити церковь Архангела Михаила, и тутъ обрели, гдѣ ол„тарю стояти, образъ Арханг. Михаила, древнее письмо, обложенъ сере„бромъ, и Царь и Митрополитъ по тотъ образъ посылали Священни„ковъ, и встрѣтивъ его честно, и пѣвъ молебны, отпустили въ храмъ „на то мѣсто, гдѣ явился. — Поставленъ (въ 1552 году) Шацкой городъ „въ Мещерѣ, а ставилъ его Воевода К. Дм. Сем. Шестуновъ: былъ *для* „*береженья*; а дѣлалъ его Борисъ Сукинъ, и сдѣланъ великъ и хорошъ." 9 Апрѣля пріѣхалъ въ Новгородъ Цареградскій Митрополитъ Ѳеодосій. 8 Мая привезли туда 60 человѣкъ Казанскихъ Татаръ, коихъ *должны* были содержать Архіепископъ и купцы; ихъ посадили въ три новыя тюрмы.

(247) См. *Царствен. Кн.* 203-205. Снарядъ огнестрѣльный надлежалъ везти Боярину Михайлу Морозову.

(248) См. Дѣла Польск. No 4, л. 196-204.

(249) См. выше, примѣч. 246.

(250) См. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 495, и Т. VII. примѣч. 136.

(251) Ногайскій Мурза Белекъ, жалуясь Іоанну на Донскихъ Козаковъ или Черкасовъ, пишетъ: „Бѣлово (Россійскаго) Князя Черкасы бѣглые „холопи были" (см. Дѣла Ногайск. No 4, л. 91). Самъ Царь Іоаннъ Васильевичь, въ сношеніяхъ съ Ханомъ Крымскимъ, говоритъ: „*Нашихъ* Каза„ковъ на Дону нѣтъ никого; а *живутъ на Дону* изъ нашего Государства „*бѣглые люди.*" Въ другомъ мѣстѣ: „А которые на Дону живутъ, *давно* „*бѣгая* изъ нашего Государства," и проч. (См. Дѣла Крым. No 15, л. 446-447).

(252) См. сей *Исторіи* Т. VII, стр. 326.

(253) См. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 136.

(254) Князь Ногайскій Юсуфъ въ 1549 году писалъ къ Государю: „Хо„лопи твои, нѣкто Сарыазманъ словетъ, на *Дону* въ трехъ и четырехъ „мѣстѣхъ городы подѣлали." (См. Дѣла Ногайск. No 3, л. 135 на об.). Нашъ Посланникъ, Петръ Тургеневъ, въ 1551 году доносилъ Іоанну изъ Ногайскихъ Улусовъ: „Прислалъ Турецкой Царь къ Исмаилъ Мурзѣ по„сла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ-де въ Бусурманскихъ книгахъ пишет„ца, что тѣ *лѣта пришли*, что Руского Царя Ивана рука надъ Бусур„маны высока; уже-де и мнѣ отъ чево обида великая: поле-де все, да и „рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пустъ

„у меня досталь; кочевалъ всю зиму въ Азовѣ, Казаки его съ Азова „оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ . . . . А на Крымъ „мой посадитъ Царь: какъ ему любо, такъ и дѣлаетъ.“ См. Дѣла Ногайск. No 4. л. 39.

(255) Девлетъ-Гирей, по нашимъ Родослов. Книгамъ, былъ сынъ Мубарекъ-Гирея, и внукъ Менгли-Гиреевъ. Дегинь пишетъ, что Султанъ въ 1551 году посылалъ Рустемъ-Пашу свергнуть Саипъ-Гирея за убіеніе Ислама (см. Histoire des Huns, кн. XVIII).

(256) См. Дѣла Ногайск. No 4. л. 39 и 40.

(257) Ногайскій Мурза Белекъ писалъ къ Государю: „Аккобекъ Царь „съ Черкасы въ свойствѣ учинился, и ему братство учинили, и они ему „Юртъ его взявъ дали; и Ямгурчей Царевичь въ свойствѣ учинился, и „ему Юртъ его взявъ дали же.“ Дѣла Ногайск. No 4, л. 91.

(258) „Пришли ко Царю (въ 1551 г.) Послы изъ Астрахани отъ Ямгур„чея, Ишымъ Князь съ товарищи, и били челомъ, чтобы его Государь „пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити и съ Юртомъ, и жаловалъ бы какъ „и Шигъ-Алея Царя и иныхъ Царей, которые ему служатъ . . . Того „же году“ (послѣ 1 Сент.) „послалъ Государь въ Астрахань посла своего „Савастьяна видѣти Царевы правды и его землю всю къ правдѣ приве„сти . . . . Въ Маѣ (г. 1552) выѣхалъ къ Государю изъ Астрахани Царе„вичь Кайбула, Аккубековъ сынъ,“ и проч.

(259) Сперва Горные люди побили Казанцевъ, привели въ Свіяжскъ двухъ взятыхъ ими чиновниковъ и казнили ихъ, но въ Апрѣлѣ Воеводы увѣдомили Государя объ ихъ невѣрности: „Пригонилъ Михалко Шипи„ловъ ко Государю съ грамотами отъ Бояръ изъ Свіяжска, а пишутъ, „что къ нимъ пріѣхалъ Дворецкой Данило Романовичь; что Шигъ-Алея „и со Царицею вверхъ отпустили по Государеву наказу; а Горніе люди „волнуются и ссылаются съ Казанцы . . . . и по Цывили въ городъ на „Свіягу не ѣздятъ.“

(260) „Посылали за ними Казаковъ, и Казанцы побили ихъ: убили 70 „человѣкъ, да и living поймали . . . а отъ К. Михайла съ Камы ѣхали „Казаки въ судѣхъ на Свіягу по кормъ, Северга съ товарищи, и Казанскіе „люди ихъ побили, а Севергу въ Казань привели, да тамъ убили, и това„рищевъ его 30 человѣкъ . . . . А изъ Казани прибѣжали полоненики, а „сказали, что Казанцы тѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и людей Бо„ярскихъ, которыхъ затворили на миру въ городѣ, побили всѣхъ; а всѣхъ „затворили 180 человѣкъ, и иные изъ нихъ утекли на Свіягу, и рухлядь „Воеводскую по себѣ раздѣлили . . . А съ Камы отъ Боярина К. Мих. „Вас. Глинскаго пришли грамоты . . . да привели Ягару Богатыря; „а сказываютъ, что пришелъ изъ Нагай Царевичь Едигеръ Магмедъ, Ка„сымъ въ Хаджи-Тархани сынъ Астороханскаго Царя; а прислали его Нагайцы по Ка„занской ссылкѣ на Царство въ Казань . . . и Казанцы повели его мѣстъ „искати, гдѣ его перевезти, а Ягура приходилъ на берегъ отвѣдывати, и „Казаки его изымали; а со Царевичемъ 500 человѣкъ . . . и Царевичь Ка„му перевезся тайно и пришелъ въ Казань . . . . На Княжъ Михайлову „сторожу пришли Казанцы вотяки, да побили четырехъ Сыновъ Бояр-

„скихъ, да 17 Стрѣльцовъ." — Сей Едигеръ не тотъ ли самый Царевичь, который прежде былъ въ Москвѣ?" См. выше, примѣч. 128.

(261) „Совѣщуетъ Митрополитъ, да принесутся мощи Святыхъ въ „церковь Соборную . . . и приходитъ вкупѣ Царь и Святитель въ церковь Благовѣщенія, еже близу казны Царскія, и вымаютъ мощи изъ сусудовъ и полагаютъ на блюдо и несутъ на главахъ въ Соборную церковь и „свершаютъ молебныя службы, и святятъ воду со всѣхъ мощей, и крестомъ животворящимъ древомъ . . . и посылаютъ его (Тимоѳея) въ Нижній Новгородъ, и велятъ ѣхати вмѣстѣ съ Бояры и нарядомъ Царскимъ, „и посылаютъ съ ними воды Святые и поученіе" (см. оное въ *Царствен. Кн.* стр. 210-217).

(262) Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ почетномъ званіи, которое давалось знаменитѣйшимъ Вельможамъ.

(263) Въ *Царствен. Кн.* 218: „да билъ челомъ Шигъ-Алей Государю о „Царицѣ Сююнбекѣ Сафа-Гиреевской, а прежде Сафа-Гирея была она за „Шигъ-Алеевымъ братомъ въ Казани, за Еналеемъ Царемъ; и Государь Царицу за него далъ." Отецъ Сююнбеки, Князь Ногайскій Юсуфъ, усильно требовалъ, чтобы Іоаннъ прислалъ ее къ нему и съ сыномъ; но Государь отвѣчалъ, что она сама захотѣла быть супругою Шигъ-Алея (Дѣла Ног. No 4). Генв. 30, 1554 г. Іоаннъ писалъ къ Шигъ-Алею, что Юсуфъ считаетъ дочь свою убитою: „будто бы ты, братъ нашъ, по нашему слову Сююнбекъ Царицу казнилъ, носа ей урѣзалъ, и поруганье великое учиня, „убилъ ее до смерти." Это было вымышлено (см. тамъ же, стр. 240-242).

(264) Въ *Царствен. Кн.* 225: „Царь Шигъ-Алей веліе тѣло имяше, и „не могій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь преизлише, но „не храбръ сый, и дружинѣ своей не подащливъ."

(265) Въ *Царствен. Кн.* 220: „Повелѣваю тебѣ милостыню творити и „въ нашихъ Царскихъ опалахъ разрѣшати и въ темницы заключенны испущати, да сугубу мзду пріимемъ: азъ-за храбрство, а ты за сія благая дѣла."

(266) „И любезно припадаетъ къ чудотворному образу Богоматери, „и предаетъ въ руцѣ ея градъ и люди . . . Приходитъ же и къ мощамъ „Петра Чудотворца и Іоны , . . . Митрополитъ же Государя благословляетъ крестомъ животворящимъ."

(267) „Пригонилъ изъ Путимля Станичникъ Иванко отъ Айдара отъ „Волжина."

(268) „И тутъ пріѣхалъ Айдаръ Волжинъ . . . И другіе вѣстницы ускоряютъ."

(269) „Пришли не многіе люди, 7000, да поворотили изъ земли."

(270) „А ему приказываетъ не исходити изъ церкви, доиде же что Богъ „произведетъ."

(271) „Яко же на потѣху и на ловы."

(272) „Бояре его и *Жильцы*, выборомъ Дѣти Боярскіе." Имя происхо-

дипъ отъ того, что они *жили* въ столицѣ, при Государѣ, *будучи* первостепенными воинами.

(273) Въ Архив. *Новгород. Лѣт.* Малинов. сказано, что въ 1551 году привезли въ Новгородъ шурина Царя Крымскаго: „И сидѣлъ здѣсь въ заточеніи въ желѣзѣхъ въ городѣ въ дѣтинци, въ стѣнѣ каменной подъ водеными воротами; а прежъ того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревеной.“ Въ годѣ можетъ быть ошибка; но въ *Царствен. Книгѣ* и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Камбирдея убили.

(274) „И пришли къ нимъ Воеводы съ Прони, К. Мих. Рѣпнинъ, а съ „Михайлова Θедоръ Салтыковъ.“

(275) См. *Курбскаго.* Онъ сказываетъ, что ему было тогда 23 года.

(276) „Ханъ телеги пометалъ и вельблюды многіе порѣзалъ, и многіе „живые пометалъ . . . . И повелѣ Государь языковъ пытати . . . . Царь „де (Крымскій) отъ Рѣзани хотѣлъ возвратиться въ Крымъ: Князи же „ему рѣша: аще хощеши срамъ свой покрыти, есть у Вел. Князя градъ „Тула на полѣ, а отъ Коломны за велики крѣпостьми и лѣсы; и ты учинишь тому, что и въ Ашпѣ Брясловлю.“

(277) „Послалъ къ Москвѣ Сем. Вас. Яковлева; а на Свіягу возвѣстити Воеводамъ милосердіе Божіе Θедьку Черемисинова . . . . Іюля 1 Воеводы „съ Тульского дѣла пришли всѣ, и сказали, что Царь (Крымскій) по„шелъ невозвратнымъ путемъ, верстъ по 60 и по 70 на день, и коней „мечетъ.“

(278) Курбскій пишетъ: „Идохомъ отъ Царя по правой руцѣ аки въ „5 днехъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его тѣмъ войскомъ отъ „Заволжскихъ (Ногайскихъ) Татаръ, да не пріидутъ на него безвѣстно.“

(279) „Пріѣхалъ къ Государю въ Муромъ съ Свіяги Ив. Вонтеринъ, а „сказывалъ: Бояре ходили на Горнихъ, въ болш. полку К. Семенъ Микулинскій, въ передовомъ Данило Романовичь, а въ сторожевомъ К. Петръ „Серебреной . . . и потоптали Горнихъ людей; а на томъ бою убили К. „Александра Жижемскаго.“

(280) *Царствен. Кн.* 236-253. Государь прибылъ изъ Коломны въ Владиміръ 8 Іюля, и нашелъ тамъ Архангельскаго Протопопа Тимоθея возвратившагося изъ Свіяжска съ доброю вѣстію; Іюля 10 выступилъ изъ Владиміра и 13 пріѣхалъ въ Муромъ, гдѣ чрезъ Боярина Митрополитова получилъ грамоту Макаріеву отъ 13 Іюля.

(281) „И посылаетъ Государь Стольника Θедора Ив. Умного по Шигъ„Алея, и Шигъ-Алей пріѣхалъ въ Муромъ . . . А рати всей велѣлъ возитися за рѣку Оку по многимъ перевозомъ . . . Приказываетъ Государь „во своемъ полку, да урядатъ коемужду сыну Дѣтемъ Боярскимъ голову „изъ великихъ отцевъ дѣтей, изрядныхъ молодцовъ и искусныхъ . . . Воеводы же выбравъ великихъ отцевъ дѣтей и Стольниковъ Государевыхъ, „и Дѣтей Боярскихъ расписаша по нихъ . . . Тако же и по всѣмъ полкомъ.“ *Яртоуломъ* или *Яртоульнымъ полкомъ* назывался *легкій передній отрядъ передоваго полку.* — „И того дни (Іюля 20) ночевалъ Государь на лѣсу . . . . а четвертой станъ на полѣ на Иржѣ, а пятой на „Ашѣ рѣчкѣ, а шестой на Кевсѣ, а седмой на озерѣ на Инишѣ, а осмой

„на озерѣ не дошедъ Піяны рѣки; и тутъ ко Государю пришелъ изъ го-„родка (Касимова) Акъ Сеитъ Черевсеевъ со всѣми Городецкими Князьми „и Татары; а шелъ Сеитъ на Моисыровъ уголъ, и Государь велѣлъ ему „итти съ Ертоуломъ и на Піянѣ подѣлати мосты многіе . . . . А девятой „станъ на Дубровкѣ на озерѣ, а десятой на рѣчкѣ на Медянкѣ . . . . 12 „станъ на Алатырѣ; и тутъ пришелъ Еникей Князь Темниковской со „всѣми Темниковскими Татары и Мордвою; а на Алатырѣ здѣлалъ до Го-„сударя 3 мосты. 13 Станъ на рѣкѣ на Большомъ Сарѣ; и тутъ присла-„ли ко Государю Бояре и Воеводы К. Ив. Ѳед. Мстиславской съ това-„рищи, что они пришли вверхъ тое же рѣки . . . и велѣлъ имъ Государь „итти прямо къ Сурѣ, и возитися выше собя для тѣсноты людемъ, а къ „собѣ быти за Сурою рѣкою на поляхъ . . . 14 Станъ на Сурѣ подъ Баран-„чеевымъ Городищемъ, и на Сурѣ подѣланы были многи мосты.“

(282) Въ *Царствен. Книгѣ*: „И таковое многое воинство всюду яко „Богомъ уготовану пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ „овощіемъ довляхуся; отъ животныхъ же лоси яко самозванни на зако-„леніе прихождаху; въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху; отъ воздуха „же множество птицъ прилетаху, и во всѣхъ полцѣхъ на землю припада-„ху, яко сами дающеся въ руцѣ . . . Егда же приспѣ постъ, и въ ты „дни не видаху ни птицы, ни лосей . . . Черемиса же и Мордва вся по-„требная приношаху, хлѣбъ и медъ и говяды, ова дарованіемъ, иная же про-„даваху, и мосты дѣлаху.“ Однакожъ Курбскій жалуется на худую пи-щу, и говоритъ: „того дни“ (по соединеніи съ Іоанномъ) „хлѣба сухаго „наядохомся со многою сладостію и благодареніемъ.“

(283) „Встрѣтили съ Свіяги отъ Воеводъ . . . и сказали, что К. Петръ „Ив. Шуйской, да Данило Романовичь ходили на достальныхъ Горнихъ лю-„дей . . . . И къ Воеводамъ Государь послалъ, велѣлъ имъ собя встрѣти-„ти за два дни отъ Свіяжска города вверхъ Свіяги . . . И перешелъ Су-„ру; и тутъ пришли къ Государю справа Воеводы его, К. Ив. Мсти-„славской съ товарищи; и Государь велѣлъ передовому полку передъ сво-„имъ полкомъ за Ертоуломъ пойти; а правой рукѣ направѣ у собя, а „большему полку назади своего полку, а за нимъ сторожевому; а лѣвой „рукѣ у собя налѣвѣ . . . . 16 Станъ на Яклѣ, 17 на Чивлы; и тутъ „встрѣтили многіе Горніе люди, и били челомъ . . . . 18 Станъ на Карлѣ, „19 на Булѣ, 20 на Беѣ. По праздницѣ же Преображенія приде изъ Ниж-„няго Новагорода Протопопъ съ освященною водою къ Царю.“ Тутъ раз-сказывается чудо, бывшее въ Нижнемъ.

(284) См. *Курбскаго*. Во второмъ полку былъ и отецъ Алексѣя Адаше-ва, Окольничій Ѳедоръ Григорьевичь Адашевъ.

(285) Курбскій пишетъ: „А Малвазіи и любимыхъ трунковъ Панскихъ „не вспоминай. Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣе калачей обрѣтеся: за-„неже подвизахомся за отечество.“ — 21 Станъ былъ на Итяковѣ подъ,

(286) См. Курбскаго.

(287) „Авг. 16 велѣлъ Государь возитися за рѣку противъ Свіяжскаго „города, а ставитися на лугѣхъ Ертоуломъ и передовому полку, правой „рукѣ и больш. полку. Авг. 18 пріиде Государь въ Соборную церковь . . .

„и благословляется отъ Протопопа, и пойде за Волгу; а сторожевому „полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитися выше себя."

(288) Только въ одномъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ Графа Толстаго нашелъ я сіе число Іоаннова войска. Тамъ сказано: „И приказалъ Государь „Бояромъ своимъ, Князю Петру Ивановичу Шуйскому, да К. Михайлу „Ивановичу Воротынскому, со всѣми Розрядными Дьяки сочести свое „воинство, и сочтоша во всѣхъ полкахъ, конныхъ и пѣшихъ, сто-пять-„десятъ тысячь."

(289) *Тарасы*, подобно турамъ, насыпались землею, и служили защитою въ осадѣ городовъ. — „И тутъ Государь дневалъ; и пойде на Казань рѣку Авг. 20."

(290) См. *Курбскаго*. — К. Щербатовъ несправедливо пишетъ, что стѣны Казанскія были *каменныя*. Въ лѣтописяхъ сказано: „срубленъ бяше „весь градъ изъ дубоваго древа; стѣны зѣло широки; въ городни же межъ „стѣнъ набивано иломъ и каменіемъ многимъ" (въ *Царствен. Кн*: „землею „*и хрящемъ*").

(291) „Княжь Усеиновъ сынъ, а съ нимъ 7 Казаковъ."

(292) См. *Курбскаго*. Всѣ косыми буквами напечатанныя слова взяты изъ него, или изъ лѣтописей.

(293) „*Иланчу* Князя, да Чапкунова племянника, Шунакъ-Мурау, да „Арьского Князя Явуша послали на засѣду."

(294) *Туръ*, а не *тура*: коробъ, насыпаемый землею.

(295) „Близъ Тапучевы мизгити" (мечети) . . . . Авг. 23 пойде Государь къ городу съ Терень-Узека . . . за большимъ полкомъ; и за собою велѣлъ итти наряду" (или снаряду, т. е. артиллеріи) „и сторожевому „полку и лѣвой рукѣ."

(296) См. *Курбскаго*.

(297) См. тамъ же. Курбскій такъ описываетъ положеніе города: „*Лежитъ* въ великой крѣпости; съ Востоку отъ него идетъ Казань рѣка, „а съ Западу Булакъ рѣчка, зѣло тинована и непроходима, подъ самое „мѣсто (городъ) течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу (башню) въ Ка-„зань рѣку; а течетъ изъ езера Кабана, которое езеро кончится аки пол-„версты отъ мѣста. Какъ переправиться тую нужную рѣчку, тогда „между езеромъ и мѣстомъ лежитъ съ Арскаго поля гора прикрая (вы-„*сокая*) и ко восхожденію нужная; а отъ тое рѣки около мѣста ровъ зѣ-„ло глубокій, аже до езера реченнаго Поганова, еже лежитъ подлѣ самую „Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ возрѣти „*прикро, на ней же градъ стоитъ и полаты Царскіе и мечети зѣло вы-„сокіе* мурованные, идѣ же ихъ умершіе Цари клались, числомъ, памятами-съ, пять ихъ."

(298) Въ *Царствен. Кн.* 267: „и велѣлъ Государь изъ полку изъ своего „Дѣтемъ Боярскимъ пособити Стрѣльцомъ." См. Курбскаго.

(299) Въ *Царствен. Кн.* 270: „въ Среду въ вечерѣ бысть буря велія," и прот. — Государь ежедневно молился въ храмѣ Св. Сергія.

(300) „И повелѣ Государь большую крѣпость" (укрѣпленія) „дѣлати „противъ Царевыхъ воротъ и Арскихъ, и Аталыковыхъ, и Тюменьскихъ."

(301) „А изъ своего полку посылаетъ Головы на конехъ выборные съ „Дѣтьми Боярскими . . . а съ ними Боярскихъ людей, всякому Сыну Боярскому по сту человѣкъ; а велѣлъ имъ быти у К. Михайла пѣшимъ . . . „К. Михайло велѣлъ итти къ городу Стрѣлецкимъ Головамъ, Ивану Черемисинову, Григорью Жолобову, Ѳед. Дурасову, Дьяку Ржевскому съ „ихъ Стрѣльцами; да Атаманамъ съ Козаками, да Головамъ съ Боярскими „люди, и туры катити; а самъ съ Дѣтьми Боярскими пойде пѣшь за ними."

(302) Здѣсь разсказываются чудесныя видѣнія Апостоловъ, Св. Николая, Даніила Переславскаго, и проч. — Слово *бойницы* употребилъ я въ смыслѣ *батарей,* какъ оно употреблялось иногда въ старинныхъ книгахъ; обыкновенно же называли такъ отверстія въ городской стѣнѣ или на валу, чрезъ кои дѣйствовали пушки.

(303) „И посылаетъ Государь Окольничаго Петра Вас. Морозова къ „турамъ, и Окольничаго Ив. Мих. Воронцова мѣста смотрѣти, гдѣ стояти болшему полку, и вылазилъ изъ Крымскихъ воротъ Карамышъ „Уланъ — тѣ же ворота быша ему приказаны — хотяще добыти языка," и проч.

(304) „И поставленнаго на сторожѣ Третьяка Лошакова убиша."

(305) Онъ былъ Воеводою Князя Владиміра Андреевича.

(306) Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ Мурза, сынъ Князя Шаболоша.

(307) „И поставиша туры отъ большихъ туръ, что К. Михайло ставилъ по Казань рѣку противъ Кабацкихъ воротъ, да Збойлнвыхъ, да „Крымскихъ, да Елбугиныхъ . . . и гдѣ нельзѣ туромъ быти, и Государь „повелѣлъ Дьяку своему, Ив. Выродкову, промежъ туръ тынъ ставити."

(308) Курбскій: „Великихъ и среднихъ, а и меньшія до полпоры сажени, окромѣ полковыхъ около Царскихъ шатровъ." Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ именуются здѣсь главныя пушки: *Кашпа, Ушатая, Змѣй Свертной, Змія Летучая.*

(309) См. *Курбскаго.*

(310) 340 человѣкъ. — „И присла К. Александръ ко Государю Божія „щедроты возвѣстити Голову Царскаго полку и К. Ив. Ив. Кашина." См. Курбскаго.

(311) См. *Курбскаго.* Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь велѣлъ побить плѣнниковъ.

(312) То же сказали Государю и наши плѣнники, которые нашли способъ уйти къ намъ изъ Казани.

(313) „Государь же повелѣ сторожеваго полку Воеводамъ, К. Вас. Семеновичу и Семену Вас. испортити путь ихъ къ водѣ; они же много „покушашася, но не возмогоша: твердо бы землею путь ихъ къ водѣ утвержень . . . . и Государь послалъ Алексѣя Адашева, да съ нимъ Размысла, и велѣлъ ему на то дѣло учениковъ отрядити . . . . И Бояринъ К. „Василей гласы Татарскіе услышавъ, что съ водою уже чрезъ нихъ ходятъ, и возвѣстилъ Государю."

(314) „Многое же воинство — крестоносныя хоругви, Богомъ подвизаемы, яко облакомъ носимы — скоро устремительно на градныя стѣны и

„въ самый градъ скакаху, и яко львы рыкающе, свирѣпо Татаръ убиваху „и живыхъ плѣняху."

(315) См. *Курбскаго.*

(316) „И пошли другою стороною Воеводы къ Казани . . . Война ихъ „была на 150 верстъ, поперегъ, а въ длину и по Каму." См. *Курбскаго.*

(317) См. *Курбскаго.*

(318) Не большой родъ пушекъ: см. *Курбскаго.*

(319) См. *Исторію о Казанск. Царствѣ неизвѣстнаго сочинителя,* стр. 204. и Лызлова I, 145. Но Болгарская земля никогда не принадлежала Россіи.

(320) См. *Курбскаго* и *Царствен. Кн.* 290-292.

(321) „Да въ то же время Зейнешъ Князь со всѣми Ногаи и со многи„ми Казанцы вылѣзли изъ Збойливыхъ воротъ на туры передоваго пол„ку Яртоула; но тѣ туры не *близъ города. Воеводы же припустиша* „ихъ близко, и удариша на нихъ Стрѣльцы изъ пищалей, и Воеводы напа„доша, и гнаша ихъ."

(322) *См. Курбскаго.*

(323) Въ *Царствен. Кн.*: „въ башни утвердишася, и на стѣнахъ град„скихъ, и у Арскихъ воротъ . . . и сидяще на градѣ два дни и двѣ нощи, „ожидая приступу."

(324) „На Галицкой дорогѣ за Казанію рѣкою велѣлъ быть К. Ив. Ро„модановскому близко Бежболды, да Княжь Володимерову Андреевича Вое„водѣ, Ив. Угримову Заболоцкому; да за Казанію же рѣкою Головѣ съ „Дворяны Царскаго Полку Мих. Ив. Воронцову; а вверьхъ по Казани у „Стараго Городища Головѣ Мих. Петр. Головину.

(325) Они же назывались и *Боярскими Людьми,* и были ниже *Дѣтей* Боярскихъ. Въ *Казан. Исторіи* сказано, что при каждомъ конномъ полку было 1000 Стрѣльцовъ съ пищалями, и 700 или 800 Козаковъ, съ луками и рогатинами; что полки Боярскихъ людей состояли изъ пяти тысячь. А Лызловъ, ссылаясь на Ботера, пишетъ, что Государь для пѣшихъ велѣлъ сдѣлать щиты на кадкахъ и колесахъ изъ досокъ.

(326) „И нача вооружатися, *юмшанъ* на себя класть" (такъ называлась часть латъ, которою закрывалось *туловище)* . . . . „и ближнимъ своимъ „говоритъ: *звоны, звонъ-де слышу. какъ бы Симонова монастыря звонъ* — „и внять, яко быша благодати Божіей."

(327) См. *Царствен. Кн.* 300-302, *Исторію Казанскую* 213, и *Лызл.* I, 163. Слѣдуемъ въ главныхъ обстоятельствахъ *Царствен. Кн.* или Московскому Лѣтописцу. столь вѣрному, что и Курбскій на него ссылается. На примѣръ, въ *Исторіи Казанск.* несправедливо написано, что Государь еще передъ взорваніемъ подкоповъ выѣзжалъ къ войску и стоялъ съ своимъ полкомъ на горѣ противъ Арскихъ воротъ. Тамъ же разсказывается, что въ сіе время пріѣхалъ къ Іоанну Монахъ Троицкой Обители, Адріанъ Ангеловъ, и Священники: „и принесоша Царю нѣкое пламенное оружіе, „крестъ запечатлѣнъ, а въ немъ мощи и образъ видѣнія Св. Сергія, какъ „видѣ Богоматерь, и просфиру, и воду Святую; и отъ Игумена благо„словеніе; такожде и Дмитріевскій Игуменъ принесе къ Государю крестъ „Киликеевскій."

(328) Въ *Исторіи Казан.*: „Подкопъ бѣ въ двухъ мѣстѣхъ: единъ подъ „стѣну отъ Поганова озера на углу подъ стрѣльницу, на десной странѣ „Арскихъ воротъ, идѣ же нынѣ Спасскія ворота, храмъ въ нихъ Св. Ки„пріяна и Устиніи; а другой подкопъ на углу подъ стрѣльницею же, отъ „Булака стрѣльбище, по лѣвую сторону: то были Ногайскія ворота, „нынѣ же зарушены." Тамъ же сказано, что Государь передъ взорваніемъ подкоповъ велѣлъ отвезти наши пушки далѣе отъ сего мѣста.

(329) Въ *Царствен. Кн.*: „И се пріиде нѣкій ближній Царевъ, глагола „ему: Государь! время тебѣ ѣхати, яко убо біющимся твоимъ съ невѣр„ными, а многіе полки тебя ожидаютъ. Царь же отвѣща: аще до конца „пѣнія дождемъ, да совершенную милость отъ Христа получимъ. И се „вторая вѣсть приде изъ града: великое время Царю ѣхати, да укрѣ„пятся воини."

(330) Тамъ же: „И пріѣхалъ Самодержецъ въ полкъ свой, и по всѣмъ „странамъ посылаетъ, утверждаетъ воины . . . и въ той часъ отъ всѣхъ „странъ яко же на крылѣхъ на стѣны градскіе взлетѣли." См. *Курбскаго*. Онъ пишетъ, что братъ его первый взошелъ на стѣну.

(331) Изъ полку Курбскаго легло въ городѣ 98 воиновъ, самыхъ лучшихъ. Сѣча продолжалась часовъ пять.

(332) „Самаго Царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, „близъ хоругви поставиша" (Вельможи).

(333) См. *Курбскаго*. По *Казан. Исторіи* воины Рос. хотѣли убить Едигера, не зная его; но Татары закричали: *не убивайте: се Царь!*

(334) Онъ пишетъ: „хотѣша пробитися прямо противъ моего стану „на шанцы тѣми дирами, идѣ же шесть дѣлъ (пушекъ) великихъ стояло; „и абіе по нихъ ударено изъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, и воздвигошась оттуду, „и пойдоша внизъ аки 3 перестрѣла лучныхъ, и начаша легчитися . . . „Мы же добыша себѣ коней отъ своихъ становъ изъ-за рѣки, и заступиша имъ путь, и обрѣтоша ихъ еще не прешедшихъ рѣку, и собраша„ся насъ около двухъ сотъ коней . . . . Перебредши рѣку, ополчишася, „и уже на тетивахъ стрѣлы имуще, и начаша мало отъ брегу подвига„тися, учиня чело не малое; а за ними всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо „и долго, аки два стрѣлянія не малыя лучныхъ по примѣтѣ . . . . Мы „же, отпустя ихъ мало что отъ брегу, удариша на нихъ . . . . Молюся, „да не возмнитъ мя кто безумно самъ себя хваляща; правду глаголю, и „духа храбрости, отъ Бога данной ми, не таю. Къ тому же и коня зѣ„ло быстра и добра имѣхъ, и всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ Бу„сурманскій, и памятую то, иже сѣкущесь при разы въ нихъ конь мой „оперся, и въ четвертый зѣло раненъ повалися въ срединѣ ихъ со мною; „и уже отъ великихъ ранъ не памятую вяще. Очнулся же потомъ, аки „по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки надъ мертвецомъ, плачущихъ двѣма слугамъ „моимъ надо мною и двѣма воиномъ Царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обна„жена лежаща, многими ранами учащена, а животъ цѣлъ: понеже ми „мнѣ збруйка была праотеческая зѣло крѣпкая . . . Послѣди же увѣ„дахъ, иже тѣ всѣ благородныя, ихъ же уже собралося аки съ триста, „яже обѣщались устремитись вкупѣ со мною, не сразився возвратишася

„паки сзади онаго Бусурманскаго полку, и сѣщи начаша наѣзжаючи и топ„чуще ихъ . . . Потомъ, глаголютъ, приспѣвъ мой братъ, и въ самое че„ло быстро, всѣми уздами распустя коня, вразися въ нихъ, такъ хра„бро, *иже вѣрѣ не подобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати, аки два кратъ* „проѣхавъ посреди ихъ, сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. „Егда же въ третій разъ вразися въ нихъ, поможе ему нѣкій благород„ный воинъ. *Всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся, и которые еще* „не вѣдали о Царевѣ отданіи, мняще Царя Казанска между ихъ ѣздяща, и „такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ „иныхъ ранъ . . . *Егда же уже тотъ конь подъ нимъ униженъ*, другаго „коня обрѣлъ у единаго Дворянина, гонивъ паки съ другими воины полкъ „Бусурманскій . . . . Имѣхъ таковаго брата, и храбра и добра ираца, и „зѣло разумна, *иже во всемъ войскѣ не обрѣтающеся* храбрѣйшій и луч„шій, — аще бы обрѣлся кто и таковый же! Паче же мнѣ превозлю„бленъ, и во истину имѣлъ бы за него душу положити и животомъ „своимъ здравіе его откупити: понеже умре на другое лѣто отъ тѣхъ „лютыхъ ранъ." Сіе рѣдкое мужество Курбскаго засвидѣтельствовано и другими Лѣтописцами (см. *Царствен. Кн.* 307, и *Архив. Лѣт.*).

(335) „Царь же послалъ къ Беждолдѣ Боярина, К. Сем. Микулинскаго, „да Оружничаго Льва Андр. Салтыкова, и за Казань Боярина К. Мих. „Васильевича Глинскаго, да Боярина, Дворовато Воеводу, Ив. Вас. Шере„метева; и тамъ за Казанью были Голова Царск. полку Мих. Вороной, „да Князь Владимеровъ Андреевича Воевода Ив. Угримовъ. Бояре побили „поганыхъ отъ рѣки Казани и до лѣса, и въ лѣсѣ мертвіи лежаша."

(336) *Для нѣкоторыхъ читателей замѣтимъ, что сѣча* означаетъ битву *или сраженіе, а не убіеніе людей уже безоружныхъ.*

(337) Въ *Царствен. Кн.*: „а ратныхъ за ихъ измѣны повелѣ Царь из„бивати всѣхъ."

(338) См. *Царствен. Кн., Архив. Лѣт., Казан. Исторію* и *Лызлова.* Церковь была посвящена Спасу. Узнавъ о совершенномъ взятіи Казани, Государь послалъ туда шурина своего, Данила Романовича.

(339) См. *Казан. Исторію* 242. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Едигеръ тогда же требовалъ крещенія.

(340) Въ *Царствен. Кн.*: „Государь ему (Шигъ-Алею) отвѣща: Царь „Господине! тобѣ, брату нашему, вѣдомо, много есми къ нимъ посылалъ, „чтобы похотѣли покою; а тобѣ жестокость ихъ вѣдома," и проч.

(341) См. *Царствен. Кн.* 312 и Лызлов. 183. „Видѣвъ поганыхъ избіен„ныхъ, восплакася погибели ихъ и рече: аще и нечестивіи, обаче Богомъ „сотворенніи человѣцы."

(342) „Видѣша Животи. крестъ и Царя благочестиваго въ запустѣн„ной мерзости Казанской. Преже на томъ дворѣ нечестивые Царіе вод„ворялись, и кровь Христіанская проливалася," и проч.

(343) См. *Исторію Казанск.* 245, *Царствен. Кн.* 313 и *Лызлов.* 183.

(344) „Собрашася къ Царскому стану военачальницы и все воинство „обагрени суще кровьми нечестивыхъ; *оіи же паче пресвѣтлаго каменія* „*блистающія* аеры на себѣ имуще. Государь же исшедъ къ нимъ веселымъ

„образомъ, любовь и милосердіе вопіюще крелвыя, и свѣтлымъ гласомъ „рече во услышаніе всѣмъ могущимъ слышати:

„О мужественнiи мои воини, Боляре и Воеводы, и вся прочiи страда-„телiи знаменитiи имене ради Божiя и за свое отечество и за насъ! „Никто же толикую показа въ нынѣшнихъ временѣхъ храбрость и по-„бѣду, яко же вы, любимiи мною! . . . Вторые есте Македоняне, и на-„слѣдователи есте храбрости прародителей вашихъ, показавшихъ пре-„свѣтлую побѣду съ В. К. Димитріемъ за Дономъ надъ Мамаемъ! За ко-„торое ваше преславное мужество достойни есте не точію отъ мене „благодаренія, но и отъ Божія десницы воздаянія. Смертную чашу испив-„шіи причестися мнимъ первымъ Святымъ Мученикомъ, ихъ же и мы „должни есми поминати вѣчно, и предавъ написати имена ихъ въ Собор-„ной Апост. Церкви въ вѣчное поминовеніе; крови же своя источившихъ, „живыхъ же сущихъ, также и всѣхъ васъ храбрствовавшихъ обѣщаем-„ся пожаловати по достоинству вашему стократно," и проч. Сія рѣчь находится въ *Казан. Лѣт.* и въ *Лызловѣ*, I, 184-186.

(345) См. *Царствен. Кн.* 314.

(346) „И посла Государь по всѣмъ Улусомъ жаловальныя грамоты . . . „и прислали люди Арскіе бити челомъ Казаковъ Шемая, да Кубиша . . . „и Царь послалъ къ нимъ Сына Боярского Ник. Казаринова, да Камая „Мурзу. А съ Луговой Стороны также Черемиса пріѣхали бити че-„ломъ . . . Того жъ мѣсяца пріѣхалъ Н. Казариновъ, да Камай Мурза, а „съ ними многіе Арскіе люди . . . и Царь ихъ пожаловалъ, ясаки на нихъ „велѣлъ имати прямые, какъ было при Магмедъ-Аминѣ Царѣ . . . Тогожъ „дни Луговые люди изъ Якъ къ Государю пріѣхали . . . и приказалъ Бо-„ярину своему, К. Александру Борисовичу (Горбатому), ихъ къ шерти „привести."

(347) „И освяти градъ во имя Святыя Троицы и Богоматери и вели-„кихъ Чудотворцевъ."

(348) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 202.

(349) См. сей *Исторіи* Т. VI, стр. 320.

(350) „Окт. 6 священъ Государь церковь Благовѣщеніе, и священъ Ан-„дрей Протопопъ, да съ Свіяги Рожественскій Протопопъ Аѳанасій со „Игумены и Священники."

(351) См. *Курбскаго*.

(352) *Даниломъ и Никитою Романовичами.*

(353) Курбскій пишетъ: „А кони наши всѣ послалъ не тою дорогою „доброю, ею же самъ шелъ къ Казани, но возлѣ Волгу, зѣло претрудны-„ми стезями, по великимъ горамъ, и того ради погубилъ у всего воин-„ства кони; у кого было 100 або 200 коней, едва два або три вышли."

(354) См. *Царствен. Кн.* 318.

(355) „И тутъ встрѣтилъ его отъ Царицы Бояринъ К. Ѳед. Андр. „Булгаковъ, отъ Князь Юрія Окольничей его Володимеръ Вас. Морозовъ, „а отъ Митрополита Бояринъ Иванъ Кузминъ, да Елизаръ Соболевъ."

(356) Въ *Морозов. Лѣт.*: „И отъ великія радости образъ лица его велмѣ

„ни цвѣтяне; тому же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя ино-
„ходца коня и все платье съ себе, и до послѣдния срачицы."

(357) См. выше, примѣч. 246, г. 1549, 1550 и 1551.

(358) „Изъ Володимера поѣхалъ Государь въ Суздаль къ Покрову Пре-
„чистыя, и пѣвъ молебныя соверша, поѣхалъ на Юрьевъ къ Живоначаль-
„ной Троицѣ къ Св. Сергію, и встрѣтиша его за градомъ *бывшій Митро-
„политъ Іоасафъ* и Игуменъ съ братіею съ кресты . . . Игумену и бра-
„тіи великіе слова съ челобитьемъ говоритъ за ихъ труды и молитвы."
Неизвѣстно, когда Іоасафъ, сверженный Шуйскими, возвратился изъ Кириллова монастыря въ Троицкій, гдѣ онъ былъ прежде Игуменомъ.

(359) Гдѣ нынѣ деревня Растокино.

(360) См. выше, стр. 136.

(361) Въ *Казан. Исторіи* несправедливо сказано, что Митрополитъ встрѣтилъ Іоанна въ Китаѣ, на Стрѣлецкой улицѣ: См. *Царствен. Кн.* 321.

(362) См. *Царствен. Кн.* 321-328.

(363) Въ *Казан. Исторіи* 256: „бысть же радость великая о таковой
„побѣдѣ не токмо во единомъ Рускомъ Царствѣ, но и во всѣхъ дальнихъ
„странахъ; во иновѣрныхъ же странахъ бысть плачь и уныніе и страхъ."

(364) См. *Царствен. Кн.* 330.

(365) Нынѣ сія церковь именуется *Василіемъ Блаженнымъ*: см. ниже, примѣч. 587, г. 1554 и 1555.

(366) *Царствен. Кн.* 337.

(367) Воспріемникомъ Утемишъ-Гирея былъ Савва, Крутицкій Епископъ, Генв. 8.

(368) *Царствен. Кн.* 334, и *Никон. Лѣт.* 208. Симеонъ женился Ноября 5. См. описаніе его свадьбы въ *Др. Рос. Вивліоѳ.* XIII, 57. Замѣтимъ слѣдующее: „И какъ столъ отошелъ, и Княгиню его (Симеонову) Царь и
„Вел. Князь взявъ за руку и пришелъ къ дверямъ столовыя избы, а Царь
„(Симеонъ) сталъ за порогомъ; а Царь и Вел. Князь молвилъ: *Царь Си-
„меонъ! Божіимъ велѣніемъ, а нашимъ жалованьемъ велѣлъ тебѣ Богъ
„жениться: и ты свою жену держи по Христіанскому закону* . . . и далъ
„ему Княгиню; а велѣлъ ему итти съ нею до саней не распущаясь . . . .
„И Царь Симеонъ (въ спальнѣ), вставъ, кушалъ, до кушавъ опять легъ . . . .
„И какъ (на другой день) изъ мыльни вышелъ, да пошелъ съ Княгинею въ
„подклѣтъ, да сѣли на постели, да кушавъ, послалъ Дружекъ съ кашею
„ко Царю . . . А Царь и В. Князь послалъ къ Ц. Симеону Боярина Мо-
„розова, а велѣлъ Княгиню его вскрыти, а Симеону сказалъ Государево жа-
„лованье, городъ Рузу въ вотчину со всѣмъ . . . И билъ (Симеонъ) челомъ
„Государю, чтобы у него того дни хлѣба ѣлъ, и Государь его жаловалъ,
„подалъ вина . . . и Царицѣ Вел. Княгинѣ билъ челомъ, и Царица велѣла
„ему сѣсти, да велѣла ставити овощи . . . А столъ былъ въ столовой
„же избѣ, и Симеонова Княгиня тута жъ была . . . А Ц. Симеонъ пе-
„редъ Царемъ стоялъ." (Тутъ обѣдали братъ Государевъ, Юрій съ женою, свахи, Боярыни *Сѣнныя*, Дружки, и Вельможи приглашенные на свадьбу.) . . . „А послѣ стола Царь Симеонъ билъ челомъ Государю, чтобы

„Государь пожаловалъ былъ веселъ." (Симеонъ дарилъ Царя, Царицу и другихъ бархатами *Бурскими, алтабасами* и атласами *Венедицкими*, камками, золотыми, соболями.) . . . „А Ц. Симеонъ пошелъ ко Царю и къ Царицѣ съ оловеники билъ челомъ, подчиванни . . . и Царь Ц. Симеона звалъ „ѣсть . . . А за столомъ билъ (Симеонъ) челомъ Царю, чтобы Государь „завтре ѣлъ хлѣба у него."

(369) См. Архив. *Псков. Лѣт., Новогород. Лѣт.* Малинов. л. 52, и *Царствен. Кн.* 330, 331.

(370) „Дек. въ 21 писали Воеводы изъ Василя города, что на Волгѣ побиты гонцы и гости и Боярскіе *люди* съ запасы . . . И К. Петръ Шуйскій отпустилъ Бориса Ив. Салтыкова" (прозваніемъ Борозока, выхвалявшаго Курбскимъ), „и Борисъ пріѣхалъ на Цивль, да иныхъ повѣшалъ, „а иныхъ въ Свіяжскѣ, а животы истцомъ . . . Дек. въ 25 прислалъ изъ „Казани К. А. Горбатой Никиту Казаринова, что которые Казанцы „хотѣли лихо чинить, Тугаевы дѣти съ товарищи, и Воеводы посылали „Камая Мурзу, да Ник. Казаринова, и ихъ побили, а другихъ въ Казани „перевѣшали . . . И посылали на Арскую и Побережную сторону ясаковъ брать, и собрали . . . Марта 10 *прислали изъ Казани*, что Луговые *измѣнили, ясаковъ не дали*, и ясачниковъ побили и пришли на Арское, и стали у засѣки; и Воеводы посылали на нихъ Вас. Елизарова, и „Казаки съ Стрѣльцами порознилися разными дорогами, и Арскіе и Луговые убили полчетверта ста Стрѣльцовъ, да полпята ста Казаковъ, „и поставили городъ на Мешѣ . . . и приходили на Горнюю сторону Зейзетъ да Сарый богатырь, и К. Петръ Шуйскій отпущалъ на нихъ изъ „Свіяжска Воеводу Бор. Ив. Салтыкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ, да „Горнихъ людей всѣхъ, и Бориса *жива взяли, да* 36 Сыновъ Боярскихъ убили, да Боярскихъ людей 60 человѣкъ, да 170 Горнихъ, да живыхъ взяли „200." См. *Царствен. Кн.* 331 - 336, и Курбскаго, который пишетъ, что мятежники не хотѣли отдать Салтыкова на выкупъ и черезъ два года умертвили его.

(371) См. выше стр. 187.

(372) См. Курбскаго. Онъ приписываетъ сію робость внушенію нѣкоторыхъ Монаховъ.

(373) Въ Большомъ Лѣтописцѣ, хранящемся въ Лаврѣ Александро-Невской, No 1: „въ Среду 3 недѣли поста, Марта 11, разболѣся Царь." Въ *Царствен. Кн.* 336; „Грѣхъ ради нашихъ посѣти Богъ немощью нашего „Царя и сбыстся на насъ Евангельское слово: *поразите пастыря, разыдутся овцы,"* и проч. Тутъ же сказано, что Государь, поѣхавъ къ Троицѣ, велѣлъ Боярамъ *промышлять о Казанскомъ дѣлѣ* и распорядить помѣстья; но что они занимались только послѣднимъ дѣломъ, не думая о первомъ. См. еще *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(374) Въ *Царствен. Кн.* 338: „всегда бо бяше у Государя сіе готово." Тутъ описаны всѣ подробности Іоанновой болѣзни.

(375) См. *Курбскаго.*

(376) „Да которые Дворяне *не были у Государя въ Думѣ*, Алексѣй „Адашевъ да Игнатей Вешняковъ. и тѣхъ Государь привелъ къ цѣлованію

„ввечеру же." Видно, что Захарьины-Юрьевы, какъ ближайшіе къ Царицѣ люди, окружая больнаго, старались удалить Адашева отъ Государя.

(377) „Государю сказывалъ Бояринъ Иванъ Петровичь Өедоровъ, что „говорили съ нимъ Бояре К. Петръ Щенятевъ, К. Ив. Пронской, К. Симеонъ Ростовской: вѣдь-де нами владѣть Захарьинымъ . . . . Сказывалъ „Окольничей Левъ Андр. Салтыковъ, что говорилъ ему, ѣдучи по площади, К. Дмитрей Ив. Нѣмого: какъ-де служить малому мимо старого?" и проч.

(378) Въ *Царствен. Кн.* 342: „Бысть у Благовѣщенія, иже на сѣнехъ „во дворцѣ), нѣкій Священникъ Селивестръ, родомъ Новгородецъ: бысть „же у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху . . . указываше бо и „Митрополиту . . . и приказнымъ людемъ и Воеводамъ . . . и спроста „рещи, всякія дѣла Святительскія и Царскія праваше, и никто же не „смѣяше рещи, ни сотворити не по его велѣнію . . . . Точію имени и „образа и сѣдалища не имѣяше Святительскаго и Царскаго . . . . чтимъ „добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники." Тутъ несправедливо сказано, что Князь Владиміръ Андреевичь былъ его заступленіемъ выпущенъ съ матерью изъ-подъ стражи: тогда еще властвовалъ Князь Иванъ Бѣльскій, а Государь находился во младенчествѣ. См. о Сильвестрѣ выше, стр. 99.

(379) „А за нимъ (Бороздинымъ) бѣ К. Дмитрея Палецкого сестра, а „Васильева сестра родная была за Хованскимъ, а Хованскаго дочь Княжа „Владимірова мать."

(380) См. *Собраніе Государств. Грамотъ*, стр. 460. Сія цѣловальная запись подписана 12 Марта 1553. Болѣзнь Іоаннова именуется въ лѣтописяхъ *огневою*. — Въ лѣтописи Александро-Невской (см. выше, примѣч. 373) сказано: „бысть болѣсть его тяжка зѣло, мало и людей знаяше." Далѣе: „Да почали" (послѣ К. Воротынскаго) „и иные Бояре говорити, „чтобы К. Володимеръ Андр. цѣловалъ крестъ, а не учнетъ цѣловати, и „ему оттудова" (изъ дворца) „не выйти — и цѣловалъ по неволѣ . . . . „Посылалъ Государь К. Дм. Өед. Палецкого, да Дьяка своего Ивана Михайлова ко Княгинѣ" (матери К. Владиміра Андр.) „чтобы велѣла къ той „грамотѣ печать привѣсити, и ходили къ ней трожды, и много рѣчей „бранныхъ говорила. И оттолѣ бысть вражда, а въ Боярѣхъ смута, а „Царству во всемъ скудость."

(381) Здѣсь должны мы замѣтить важную ошибку К. Щербатова: ссылаясь на *Царствен. Книгу*, онъ пишетъ, что Іоаннъ по выздоровленіи своемъ велѣлъ Дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему наущенію Бояре не хотѣли *присягать Царевичу Димитрію: казнилъ* Дворецкаго К. Ивана Ивановича Кубенскаго, Өедора и Василія Воронцовыхъ, и К. Дмитрія Курлятева, а Боярина Ивана Петровича Өедорова сослалъ на Бѣлоозеро." Кубенскаго и Воронцовыхъ казнили еще въ 1546 году (о чемъ мы писали во второй главѣ Іоаннова Царствованія); тогда же сослали и Өедорова; а К. Дмитрій Курлятевъ чрезъ пять лѣтъ по выздоровленіи Государя воеводствовалъ въ Ливоніи, и умеръ въ 1562 году. Самъ К. Щербатовъ

писалъ въ 1546 году о казни первыхъ, но забылъ! Сія ошибка произошла отъ того, что листы въ *Царствен. Кн.* перемѣшены, и нѣкоторые вдвойнѣ: см. стр. 124 и 346, также стр. 142 и 347. Слова же Щербатова: „Сопротивленіе въ требуемой присягѣ Царевичу Димитрію,“ прибавлены имъ на угадъ; въ *Царствен. Кн.* сказано только: „провѣдати, по чьему „науку бысть сіе сопротивство,“ то есть, оказанное въ 1546 году Новогородскими воинами: въ слѣдствіе чего Кубенскому и Воронцову отрубили головы.

(382) Ѳеодоръ Григорьевичь Адашевъ пожалованъ въ Бояре въ 1553 году.

(383) Самъ Іоаннъ въ посланіи своемъ къ Курбскому пишетъ: „Они же“ (Сильвестръ и Адашевъ) „хотѣша тогда воцарити Князя Владиміра, младенца же нашего подобно Ироду погубити.“ Курбскій въ отвѣтѣ Царю говоритъ, что это ложь; что они знали неспособность К. Владиміра быть Царемъ.

(384) Въ томъ же письмѣ: „на нашу Царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигше“ (Адашевъ и Сильвестръ). Въ другомъ мѣстѣ: „егда (Анастасія) сопротивъ зла вашего бысть.“

(385) Тамъ же: „Попу же Селивестру и Алексѣю не престающе намъ „утѣсненіе горчайше творити“ (по выздоровленіи Царя).

(386) Въ Хронографѣ Гр. Толстаго, л. 429: „Неповинный (Максимъ) въ „заточеніи бысть во Твери 20 лѣтъ, а прежде въ Іосифовѣ монастырѣ въ „темницѣ, и ту Св. Параклиту Канонъ написа углемъ по стѣнамъ; благословеніемъ же Макарія Митрополита нача къ церкви ходити и Святыхъ Таинъ Причащатися, и напиша исповѣданіе свое, очищая себя отъ „всѣхъ плевелъ еретическихъ — и послѣди Вел. Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, а умоленіемъ Троицкаго Сергіева монастыря Игумена Артемія, „изведенъ бысть изо Твери и повелѣно ему жити въ Троицк. монастырѣ, и преставися въ лѣто 7064“ (1556). См. о Максимѣ Т. VII, стр. 173.

(387) См. Курбскаго.

(388) Курбскій: „не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною „плывучи, сынъ ему умре.“ Въ *Никон. Лѣт.* 202: „поѣхалъ Царь съ братомъ К. Юріемъ Вас. на Пѣсношу къ Николѣ, да тутъ сѣлъ въ суды „на Яхромѣ рѣкѣ, да Яхромою въ Дубну, да былъ у Пречистые въ Медвѣдевѣ пустынѣ; да Дубною въ Волгу, да былъ въ Калязинѣ монастырѣ „у Макарія Чудотворца, да оттолѣ на Угличѣ и у Покрова въ монастырѣ; а оттолѣ на устье Шексны на Рыбную, да Шексною вверхъ къ Кириллу Чудотворцу; да въ Кирилловѣ молебная совершилъ, учредивъ братію; да ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и по пустынямъ; а Царица „была въ Кирилловѣ; и оттолѣ Царь пойде Шексною внизъ, да и Волгою „внизъ на Романовъ въ Ярославль и въ Ростовъ, и былъ у Чудотворцевъ, „да въ Переславль въ Троицѣ, и пріѣхалъ къ Москвѣ мѣс. Іюня. Того же „мѣсяца не стало Царевича Димитрея, назадъ ѣдучи къ Москвѣ, и положили его въ Архангелѣ, въ ногахъ у В. К. Василья Ивановича.“

(389) Вассіанъ, родомъ изъ Дворянъ, прозваніемъ Топорко или Топорковъ, былъ Епископомъ отъ 1525 до 1542 года.

(390) Въ 1555 году.

(391) Царевичь Іоаннъ родился 28 Марта 1554, и былъ крещенъ 15 Апрѣля въ Чудовѣ монастырѣ у мощей Св. Алексія. Митрополитъ Макарій принялъ его отъ купѣли . . . „а священная дѣялъ Андрей Протопопъ „Благовѣщенскій."

(392) *Собраніе Госуд. Грамотъ* стр. 465. Такъ сказано: „А жити ми „на Москвѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя своихъ людей всякихъ „сто восмь человѣкъ, а болѣ не держати; а опричь ми того служилыхъ „людей своихъ всѣхъ держати въ своей отчинѣ . . . . А безъ Бояръ ми „сына твоего никотораго дѣла не дѣлати, которые Бояре въ твоей, Го„сударя моего, душевной грамотѣ писаны, и не сказавъ ми сыну твоему „и его матери никаково дѣла не вершити; какъ ми прикажетъ сынъ твой „и мать его, по тому ми всякіе дѣла вершити . . . . А по грѣхомъ мать „моя учнетъ мя наводити на которое лихо сына твоего, Царевича Ива„на, и на матерь его лихо, или иной который твой сынъ на Государствѣ „будетъ: и мнѣ матери своей въ томъ ни въ чемъ не слушати, а сказа„ти ми тѣ ее рѣчи сыну твоему и матери его . . . . А возметъ Богъ и „сына твоего, Царевича Ивана, а иныхъ дѣтей твоихъ, Государя нашего, „не останетъ же ся: *и мнѣ твой*, Государя своего, *приказъ весь испра„вити твоей Царицѣ, В. Княгинѣ Анастасіи, и твоему брату, К. Юрью „Васильевичю, по твоей душевной грамотѣ, какъ еси имъ написалъ.*" Іоанново завѣщаніе утратилось; но ясно, что К. Владиміръ, по смерти Іоанновыхъ сыновей, долженствовалъ быть Царемъ, клятвенно обязываясь въ такомъ случаѣ отдать Анастасіи и К. Юрью назначенные имъ въ Государевой духовной удѣлы. — Сія *цѣловальная запись* подписана Митрополитомъ Макаріемъ въ Маѣ 1554 года.

(393) „Въ Іюлѣ (1554) побѣжалъ въ *Литву* К. Никита Сем. сынъ Лоба„новъ-Ростовской, и поимали его Дѣти Боярскіе . . . и сказалъ на Боя„рина К. Семена Ростовского . . . и К. Семенъ сказалъ, что хотѣлъ бѣ„жать отъ убожества и малоумства, понеже скудота у него была ра„зума, и въ пустошѣ изъѣдающе Царское жалованье и своя домашняя . . . „И человѣкъ его Семека сказалъ, что онъ съ Послы Литов. ссылался че„ловѣкомъ своимъ Бакшеемъ, и самъ съ ними дважды видѣлся и правдою „увѣрялся, и думу Царя Посломъ приказывалъ, и за тѣмъ Послы вѣчнаго „миру не здѣлали . . . и Бакшея къ Королю послалъ. И К. Семенъ и самъ „сказалъ, что все то отъ малоумства говорилъ; а съ нимъ ѣхать хотѣли „такіе же малоумцы, Ростов. Князи Лобановы и Прівиковы . . . . И „послали его на Бѣлоозеро въ тюрму, а людей его Царь велѣлъ рас„пустить."

(394) См. въ *Никон. Лѣт.* годъ 1553, стр. 204, и Щербатовскій Лѣтописецъ въ томъ же году (*Исторія Рос.* К. Щербатова, V, 466). О поставленіи Рязан. Еп. Кассіана нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ нѣкоторыхъ Каталогахъ показано, что онъ отлученъ въ 1554 году. — Вѣроятно, что о сей же ереси упоминаетъ К. Курбскій въ житіи *благочестиваго* Инока Ѳеодорита, сказывая, что многіе невинные пострадали тогда отъ клеветы: на примѣръ, бывшій Троицкій Игуменъ Артемій и Монахъ Савва Шахъ, обвесенные злымъ навѣтникомъ, Старцемъ Нектаріемъ; также и

самъ блаженный Феодоритъ Соловецкій, призванный быть свидѣтелемъ вмѣстѣ съ Іоасафомъ Бѣлобаевымъ: ихъ подозрѣвали въ согласіи съ еретиками. Курбскій пишетъ, что Царь, Митрополитъ и *лъяные* Епископы не исполнили своего долга: не просвѣтили раскольниковъ, а только наказали заточеніемъ. Лѣтописецъ напротивъ того хвалитъ ревность благоразуміе, умѣренность Собора. — Сіи раскольники въ особенности возставали противъ книги Іосифа Волоцкаго о Новогородской ереси.

(395) Весною въ 1553 г. — „И Данило стоялъ по Камѣ и по Волгѣ и „побивалъ на перевозѣхъ Казанскихъ и Ногайскихъ людей, и живыхъ въ „Казань прислалъ 240." К. Микулинскій съ товарищами выступилъ изъ Нижняго 6 Дек. *Въ Архив. Лѣт.*: „Февр. пріѣхалъ отъ Воеводъ Назарей „Глѣбовъ, что съ ними ходили Воеводы изъ Свіяжска города . . . . и при„шли изъ Казани Арскою дорогою на высокую гору въ засѣки, и послалъ „воевати Головы по Чувашской дорогѣ и Ногайской, и по Камѣ и по „Мешъ, и во многія мѣста; и сами идучи на Арской и къ Нурмѣ и на Ур„жумъ . . . А война ихъ была по Каму, а отъ Волги за Ошитъ и за Ур„жумъ и на Илетъ отъ Казани вверхъ полтриста верстъ, а отъ Волги „къ Вяткѣ поперегъ 200 верстъ . . . а не была война вверхъ по Волгѣ „по Кокшагамъ и по Руткамъ; и пришли къ Воеводамъ Усеинъ Сеитъ да „Таокмышъ Шихзада, и за всю Арскую сторону и Побережную добили „челомъ," и проч. Микулинскій возвратился къ Государю въ исходѣ Марта. См. также Курбскаго.

(396) „Авг. (1554) писали Воеводы изъ Казани, К. М. В. Глинской съ „товарищи, что посылали на Луговыхъ измѣнниковъ Князей Казанскихъ, „Кебеняка да Кулая Мурзу, и всѣхъ Арскихъ и Побережныхъ людей съ „Нагорною, а съ ними Н. Кулѣшова, и Казанцы солгали, не пошли, и сло„жася съ измѣнники, да тѣхъ Арскихъ людей черныхъ, которые Госуда„рю прямы были, побили, и къ городу Казани приходити почали на сѣ„нокосъ . . . . Апр. 13 (1555) прислалъ К. И. Ѳ. Мстиславской Дмитрея „Плещеева, что Воеводы пришли въ волость Вошлу, а Ив. Петровича „отпущали въ Ешлугу и въ Рутки . . . . и приходили пѣшая Черемиса „на лѣсу на сторожевой полкъ К. Вас. Токмакова, и онъ побилъ ихъ; а „отъ большихъ Воеводъ война была въ волостяхъ въ Шуморшѣ, да въ „Хозяковѣ, да во Шли, да въ Мазарѣхъ въ обоихъ, да въ дву волостехъ „во Оршахъ, да въ Битшѣ, да въ Кушкули, въ Сорокѣ Куншахъ, да въ „Василуковѣ Белякѣ, да Мамичь-Бердѣевой волости, да Килѣеву волость „да Кикину, да въ Кухтуялкокшахъ, да волость Сызялъ, да въ Маши, да „Монамъ, да Кемерчи, да Узылазы . . . . да были въ войнѣ двѣ недѣли, „да вышли на Волгу, и къ Казани ходили и назадъ шли Волгою же къ Госу„дарю . . . . Марта 1 писалъ К. М. Глинской, что Луговые приходили „на Арскую сторону, и Арскіе отъ нихъ отбилися, остроги подѣлавъ, а „съ ними были Стрѣльцы Царя . . . а Луговые воевали села Татарскіе . . . „Прислалъ изъ Свіяжскаго К. Мих. Воротынской, посылалъ Горнихъ на „Луговую сторону 700 человѣкъ на ртахъ (лыжахъ), и побили людей и „живоцину . . . М. Окт. прислалъ К. Глинской Данила Адашева, что „посылали на измѣнниковъ, на Кобѣулуна съ товарищи, Князей Казан-

„скихъ Еилея Чигасова, да Епалея Монатова, да Ѳоцково Стрѣлецкова „Овоньку Борщенева, да И. Мохнева съ Жильцы и съ новокрещены . . . . „и побили, и привели Кебенека Князя, Куршапалея К., Кулая Мурзу, да „Иминчейка Мурзу, и многихъ . . . и велѣли ихъ всѣхъ побить. И Ар„скіе и Побережные перенимали многихъ Татаръ и рѣзали; и побили ихъ „тою осенью 1560 именныхъ людей, Князей, Мурзъ, да Сотныхъ Князей, „да лучшихъ Казаковъ. И Государь послалъ съ золотыми къ Воеводамъ и „тѣмъ Татарамъ, которые прямо служатъ . . . А Луговые Сотники, „Мамичь Бердей съ товарищи, въ городъ не пошли, и на Волгѣ прихо„дитъ на суды . . . И Государь послалъ рать, К. И. Мстиславскаго, да „Боярина Данила Романовича, да Мих. Яков. Морозова, да К. Вас. Сицка„го, да И. В. Меньшаго Шереметева," и проч . . . . „Марта 1 (1556) пи„салъ изъ Казани Бояринъ К. Петръ Ив. Шуйской, что Арскіе и Побе„режные измѣнили и Стрѣльцовъ побили . . . а Мамичь Бердей взялъ къ „себѣ Царевича изъ Нагай, а съ нимъ человѣкъ со сто Нагай . . . Тогожъ „мѣсяца Горніе люди, Алтышъ Сотникъ съ товарищи, привозли къ Госу„дарю Мамичь Бердея, что приходилъ ихъ воевати, а съ нимъ 2000 чело„вѣкъ, и къ острогу ихъ приступалъ . . . и они съ нимъ сговорили, что „имъ также измѣнити, да взяли его пити къ себѣ, а съ нимъ человѣкъ „200, да всѣхъ побили . . . М. Апр. писалъ Намѣстникъ К. П. Шуйской: „отпущалъ онъ Боярина Петра Вас. Морозова, да съ нимъ Дѣтей Бояр. „и Казаковъ, и Стрѣльцовъ, и новокрещеновъ, и Татаръ на Побереж„ныхъ людей и на Чалымской городокъ, и Петръ городъ сжегъ и побилъ „многихъ . . . . И мѣсяца Мая ходилъ Петръ же на Арское и на Мешѣ „встрѣтилъ Петра Девлякъ Мурза съ Арскими людьми . . . . и Девляка „побили и жива поймали . . . . и Арскіе мѣста повоевали . . . и съ Пе„тромъ ходилъ безъ мѣстъ Воевода Ѳед. Ив. Бутурлинъ . . . . . Мѣсяца „Іюня Петръ же ходилъ изъ Казани, да съ нимъ Ѳед. Игн. Салтыковъ, да „Дѣти Бояр. изъ Казани и Свіяжскаго, обои и перемирные и старые, и „годовальщики, и Татарове, и новокрещеные, и Казаки, и Стрѣльцы за „Арское, за Ошитъ и за Уржумъ, и не доходили до Вятки за 50 верстъ, „и полонъ имали, женки и робята, а мужиковъ всѣхъ побивали. А Боя„ринъ К. Петръ Ивановъ отпущалъ языковъ добывати, и воевали Ар„скую сторону и Побережную до конца въ нужѣ чинили, и достальные „всѣ пришли въ Казань и били челомъ за свои вины . . . . Апр. (1557) „писалъ изъ Казани К. П. И. Шуйской: велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ „Татаромъ поставити на Камѣ въ Лаишовѣ городъ, и въ немъ устроилъ „новокрещеныхъ да Стрѣльцовъ, а у нихъ Головъ Дѣтей Бояр. для На„гайскихъ людей приходу; а новокрещенымъ велѣлъ тутъ пашню пахати, „и у Казани и по пустымъ селамъ, и Рускимъ людемъ. Тогожъ мѣсяца „писалъ изъ Свіяжскаго Ив. Пет. Ѳедорова, что приходили на Горную „Луговые люди, Ахметекъ богатырь, и Иванъ посылалъ на нихъ Дѣтей „Бояр. съ К. Іосифомъ Ковровымъ, и Горнихъ, и Стрѣльцовъ, и своихъ „людей, и побили, и Ахметека жива взяли. Изъ Чебоксаръ писали, что „приходили Луговые на Арскіе мѣста и на Горную, и вездѣ ихъ побили, „и изъ Казани, и изъ Свіяги, и изъ Чебоксаръ посылаютъ ежедень на Лу-

„говую воевати . . . . Мѣсяца Мая писалъ Ив. Петровичь, что Луговые „прислали били челомъ о своихъ винахъ . . . . и Государь послалъ Стряп„чего своего, Сем. Степ. Ярцова . . . . и всѣ правду дали . . . А изъ Ка„зани писалъ К. П. Ив., что Енебякъ съ товарищи добили челомъ, а „Башкирцы и ясакъ поплатили. А изъ Чебоксаръ писалъ К. Петръ Сем., „что Мамичь-Бердеевы дѣти, Ика Сотцкой, и всѣ достальные били че„ломъ и правду дали . . . . И С. Ярцовъ къ Государю пріѣхалъ, и сказы„валъ, что всею землею люди правду дали . . . . и къ Государю пріѣхали „отъ всей земли Сотные Князи, Казимиръ да Какаданъ Тимиръ съ това„рищи," и проч.

(397) Еще Іоаннъ III посылалъ золотые храбрымъ воинамъ: см. Т. VI въ описаніи 1469 года. Сіи медали были иногда золотыя иностранныя деньги, иногда же нарочно для того битыя въ Москвѣ, и назывались Московками. Я видѣлъ ихъ нѣсколько, и разной величины, въ Кабинетѣ Г. А. И. Мусина-Пушкина. Воеводамъ давались большія, съ изображеніемъ лица Государева.

(398) См. Курбскаго.

(399) Въ Никон. Лѣт. 231: „А сперва Митрополитъ и всѣ Владыки и „монастыри пособствуютъ Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ." Гурій, избранный по жеребью Февр. 3, и поставленный въ присутствіи всего Двора, Литовскихъ и Волошскихъ Пословъ, отправился въ Казань 26 Мая съ образами, съ Архимандритами и Игуменами. Царь и Митрополитъ проводили его за Флоровскія ворота, Бояре и Духовенство до Симонова, а Епископъ Крутицкій до судовъ.

(400) Никон. Лѣт. 286.

(401) Т. I, стран. 43.

(402) Т. IV, стр. 69.

(403) См. выше, въ описаніи 1552 года.

(404) Никон. Лѣт. 209.

(405) Тамъ же: „Владиміръ, раздѣляя области на части дѣтямъ своимъ, „ту Асторохань (тогда именовалася Тмуторокань) далъ сыну своему „Мстиславу."

(406) См. тамъ же и Дѣла Ногайскія, No 4, л. 86. Въ Окт. 1553 пріѣхали Ногайскіе Послы въ Москву, гдѣ Алексѣй Адашевъ уговорился съ ними, чтобы Измаилъ дѣйствовалъ противъ Астрахани въ одно время съ нашимъ войскомъ, и свергнулъ брата своего, Юсуфа, который держалъ Іоанновыхъ гонцевъ въ оковахъ. — Дербышъ находился въ Россіи еще съ Окт. 1551 и владѣлъ Звенигородомъ.

(407) См. Курбскаго и Никон. Лѣт. 210.

(408) „Угонилъ Атаманъ Ѳедка Павловъ ушкулъ съ дѣвками Царевыми, „да и набаты Царевы . . . И Воеводы пошли въ Чагань да въ Казань (ны„нѣ Бузанской протокъ) на море, а въ Баллы (нынѣ Балдинской протокъ) „послалъ Головы, да въ Иванчюкъ . . . и языки сказывали, что Царь по„шелъ въ Мочакъ . . . и пришли на Бѣло озеро . . . и сказали, что Ца„рю бѣжати въ Тюмень . . . и Воеводы выгребли на море . . . и Головы „имали Богатыя Князя, и сказывалъ, что Царицы идутъ въ Базцыкъ

„Мочакъ, и пришли туда Атаманъ Ѳедка съ товарищи, а Цариць поймали, большую Тефкель Келмагметову Мурзину дочь, другую Крымшавкалову Цареву дочь Кандазу, да Цареву Енгурчееву дочь Ерттугану, да „Цареву жъ Енгурчееву меншицу Ельякши Биримину, и вата родила „сына Ярышты, да Царевичеву жену Анболатову Мергивану, да Царевичеву дочь Байбиче Царевну; а людей многихъ побили; а Князи и Мурзы и всѣ люди Астрах. пошли Уakимъ Мочакомъ къ Карабулаку, и тѣхъ „Воеводы дошли Іюля въ 7, и побили . . . и Астраханскіе люди пошли на поле, конные и пѣшіе, и Воеводы дошли ихъ у Бѣлого озера, и „тутъ многихъ побили, и полону Руского много отполонили; и Астрах. „люди учали бить челомъ: пріѣхалъ Кара Иклешъ Князь, и учалъ бити „челомъ . . . . и Ишимъ К., и Алей и иные . . . . и поѣхали въ судѣхъ съ „Воеводами . . . . и Енгувашъ Азей пришолъ, а съ нимъ Молны и Азеи, „и правду учинили . . . . И стояли Воеводы въ Асторохани 4 недѣли и „пошли Іюля 29." См. *Никон. Лѣт.* 217 — 223, и *Архив. Лѣт.* л. 231 и слѣд. *Тюмень*, о коемъ здѣсь упоминается, не есть Сибирскій: такъ назывался городъ около Терека во стѣ-осьмидесяти верстахъ отъ Дербента (см. *Большой Чертежъ* стр. 242).

(409) „К. Юрій Шемякинъ прислалъ *съ сеунчемъ* (съ вѣстію) К. Вас. „Барбашина; а Государь былъ въ своемъ селѣ Коломенскомъ, праздникъ „творяще рожденію своему: тамо бо по вся лѣта празднаваше," и проч. — Дербышъ прислалъ тогда двухъ Князей съ изъявленіемъ благодарности Государю.

(410) Царицы пріѣхали въ Москву 18 Окт. Ихъ встрѣчали за посадомъ Казначеи, и кушанье присылали имъ изъ дворца.

(411) См. Дѣла Ногайскія No 4, л. 253.

(412) 13 Апр. 1555 Дербышъ извѣстилъ Государя о приходѣ изгнанника Ямгурчея къ Астрахани, а въ Маѣ уже началъ сноситься съ Ханомъ Крымскимъ. Тургеневъ долженъ былъ выѣхать оттуда, но встрѣтивъ на Волгѣ Козаковъ и Стрѣльцовъ съ Головою Григорьемъ Кавтыревымъ, возвратился къ Дербышу. „Мѣсяца Авг. прислалъ изъ Асторохани Г. Кавтыревъ, а сказываетъ: Дербышъ и всѣ люди изъ города выбѣжали, по „тому, солгали имъ, что Царь и В. К. велѣлъ ихъ побити; а Крымской „къ нимъ прислалъ трехъ Царевичевъ съ пушками. И Григорій съ Дербышемъ сослался . . . . и Дербышъ и вся земля пришла въ Асторокань . . . . „Мая 20 отпустилъ Государь въ Асторокань Посла Л. Мансурова съ своимъ жалованьемъ, да отпустилъ къ Дербышу Царицы, да пословъ его . . . . „Пришли (въ Нояб. 1555) Г. Кавтыревъ, да Посолъ Тургеневъ, да Дербышевъ, а сказывали, что Дербышъ не прямитъ, а онъ Измаиля выбитыхъ „Мурзъ перевезъ къ себѣ и укрѣпился съ ними, что ему съ Юсуфовыми „дѣтьми стояти за-одинъ . . . . Отпустилъ Государь (въ Мартѣ 1556) „въ Асторохань Черемисинова . . . да Вятчаны въ судѣхъ . . . Писали „изъ Асторохани Головы (въ Септ.), Черемисиновъ съ товарищи, что они „пришли, а городъ пустъ, и утвердивъ его пошли за Дербышемъ къ морю, и нашли суды всѣ Астороханскіе, и посѣкли, и пожгли . . . . и сошли Царя отъ берега верстъ съ 20, ночью, и побили. И на утро собрав-

„на Дербышъ, съ Мурзами Ногайск. и Крым., и билися съ ними идучи до „Волги весь день, и отошли Головы здорово. А преже ихъ приходилъ на „Царя Ляпунъ Атаманъ (Донской), и поймалъ многіе Улусы: потому „Асторохандцы выбѣжали изъ города. Черемисиновъ съ Царемъ ссылается, „и правду Дербышъ и вся земля дали . . . . и Андр. Тишкова вымѣнили „на жонки, дали 15 жонокъ Асторох. полону . . . . и укрѣпилися во гра-„дѣ, и по Волгѣ Казаковъ и Стрѣльцовъ расставили, и отняли волю у „Нагай и рыбныя ловли и перевозы у Астороханцевъ. Того жъ мѣсяца „23 писалъ Черемисиновъ, что Дербышъ въ городъ къ нимъ не поѣхалъ, „измѣнилъ, а отводятъ его отъ Государя Атаманъ Дуванъ, Крым. Воево-„да, которой къ нему съ весны присланъ и съ пушками, и Юсуфовы дѣ-„ти . . . . Мѣс. Дек. писалъ Ив. Черемисиновъ и М. Кулупаевъ, что „Юнузъ Мурза, да Адалей, Юсуфовы дѣти, Исмаилю Князю добили че-„ломъ . . . . и пришли на Дербыша, да его прогнали, а пушки поймали и „прислали въ городъ къ Ивану, и Дербышъ побѣжалъ въ Азовъ, а отто-„лѣ къ Меки; а черные люди Астороханцы приходятъ и бьютъ челомъ „Государю . . . . а иныхъ многихъ розвели Нагаи . . . . Писали изъ Асто-„рохани (въ Маѣ 1557), что кочевали и зимовали Ногаи подъ Асторо-„ханью и торговали во всю зиму полюбовно; а изо многихъ земель при-„сылали, изъ Шевкалъ, изъ Шамахеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о брат-„ствѣ и любви, и на веснѣ хотятъ со многими торги быти въ Асторо-„хань . . . . а люди Астороханскіе, Чалымъ Уланъ въ головахъ, и Моллы, „и Ходжіи, и Шихи, и Шихзады, и Князи и Мурзы, и Казаки, и вся чернь „правду дали Государю; и Иванъ и Михайло роздавали имъ острови и „пашни по старинѣ, и ясаки платитъ по старинѣ, какъ прежнимъ Царемъ „платили, а Князи отъ собя прислали, чтобы ихъ Государь въ Крымъ „и въ Нагаи не выдалъ и въ холопствѣ у собя учинилъ.“ См. *Никон. Лѣт.* 224-287.

(413) На примѣръ, въ грамотѣ Царя къ Іоанну, Королю Шведскому (Дѣла Шведск. No 3, л. 6 на об.): „Царствъ нашихъ Россійскаго 26, Казан-„ского 20, Астароханского 18.“

(414) См. Т. V, стр. 299.

(415) „Ив. Черем. писалъ (въ Іюлѣ 1557), что пришли гости изъ Ша-„махеи, Дербени, Шевкалъ (въ Дагестанѣ), Тюмени, Юргенча (Хивы), Са-„райчика, со всякими товары . . . . *Да пришли изъ* Асторохани жъ по-„слы отъ Крымшевкала и отъ всей земли Шавкалскіе, да отъ Тюменскаго „Князя съ поминки били челомъ, чтобъ Государь велѣлъ имъ быти въ „своемъ имени и въ холопствѣ у собя учинилъ . . . . и что ся Государю „у нихъ полюбитъ, ино то все присылать станутъ ежегодъ . . . . При-„шли въ Москву послы (въ Окт. 1558) изъ Юргенча отъ Царя Хадчима, „посолъ Тенишъ Азей съ товарищи, съ поминки и съ великимъ челобитъ-„емъ о любви, чтобъ Государь велѣлъ дорогу гостемъ дати и его бы бе-„регъ . . . . Пришли послы изъ Бухаръ изъ Шамархани отъ Царя Бухар-„сково и Шамархансково (Самаркандскаго), Азамай Азей да Шихъ, съ лю-„бовнымъ челобитьемъ: просятъ дороги гостемъ. Пришли послы изъ Тю-„мени отъ К. Тюменскаго, чтобы Государь державъ его въ своемъ име-

„ни — и отъ Шавкала, чтобы Государь оборонилъ ихъ отъ своихъ холо-„ней, отъ Черкасскихъ Князей . . . . Писалъ изъ Асшрахани Ив. Выродковъ (въ Дек. 1559), что Тюменской Мурза Мамай, Агишевъ сынъ, прі-„хавъ били челомъ, чтобы Государь далъ ему рать на дядю его, Тюмен-„сково Князя, и учинилъ бы его на Тюмени; а онъ холопъ Государевъ . . . . „Да изъ *Щелкалъ* (Шавкалъ) ко Государю приказываютъ, чтобы прислалъ „рать на Крымцелкалъ, а имъ далъ много, а они всею землею холопи Го-„сударевы." См. *Никон. Лѣт.* 289, и *Архив. Лѣт. л.* 327, на об. и 344.

(416) „Пріѣхали къ Государю (въ Нояб. 1552) Черкаскіе Князи Маушукъ „да К. *Иванъ* Енбоглуковъ, да Танашукъ, чтобы Государь вступился въ „нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ Крымского обо-„ронилъ . . . Пріѣхали изъ Черкасъ Князи (въ Авг. 1555) Сибокъ да братъ „его Арцынтукъ, *Жжанскіе* (*Жаженскіе*) Черкаскіе Государи, да Тута-„рыкъ К. Елбулзеевъ, да съ Сибокомъ сынъ его Кудадекъ, а людей съ ни-„ми 150, да Государевъ Посолъ пришелъ, Андрей Щепотовъ, и били че-„ломъ, чтобы Государь далъ имъ помочь на Турского городы и Азовъ и „на Крымского, а они холопи его; а Андрей сказалъ, что дали правду „всею землею . . . . И Сибокъ билъ челомъ, чтобы крестити сына его . . . „а Тутарикъ К. о себѣ билъ челомъ . . . . и въ крещеніи Тутарику имя „К. Иванъ . . . . Пріѣхали (въ Іюнѣ 1557) Князи Черкаскіе служить Го-„сударю, Машукъ К., да Себокъ . . . . Да Ташаръ Мурза: служилъ у „Крымского, ему шуринъ . . . . Мѣсяца Іюля прислалъ И. Черемисиновъ „Васку Вражскаго съ Черкаскимъ Мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартын-„скихъ Князей и Черкаскихъ, отъ Темерюка, да отъ Тазрюта К., чтобы „Государь велѣлъ имъ собѣ служити, а на Шавкалъ бы помочь учинить „Астороханскимъ Воеводамъ . . . . Иверской Князь и вся земля Иверская „Государю съ нимъ же бьютъ челомъ. . . . . Пріѣхали (въ Окт. 1558) изъ „Черкасъ изъ Кабарды большого Князя дѣти Темрюковы, Булгерукъ, да „Салтанукъ Мурза," и проч. См. *Архив. Лѣт. л.* 327, 344 и *Никон.* 197, 246, 288, 289.

(417) Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ находилъ тамъ многихъ Христіанъ между Аланами. Въ 1552 г. пріѣзжалъ въ Москву К. Черкасскій *Иванъ*, вѣроятно Христіанинъ (см. выше, примѣч. 416).

(418) См. Дѣла Нотайск. No 4, л. 313 и слѣд. Въ Февр. 1555 *Исмаилъ прислалъ въ Москву своихъ пословъ и Россійскихъ, бывшихъ въ неволѣ у* Юсуфа, съ извѣстіемъ, что сей мятежный Князь имъ убитъ (см. *Никон. Лѣт.* 230).

(419) Дѣла Ног. No 4, л. 326 и 356.

(420) См. Абульгази и Карпина, также сей *Исторіи* Т. IV.

(421) Въ грамотѣ къ Англ. Королю Эдуарду VI: Commander of all Siberia (см. Hakluyt's Navigations, II, 255).

(422) См. *Никон. Лѣт.* г. 1555, стр. 228.

(423) *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 278 и 328.

(424) Hakluyt's Navigations II, 232-236. Имена Англійскія: Hugh Willoughby, Chancellar, Chancelor, Chancelour.

Въ *Двинск. Лѣтописцѣ*, стр. 126: „Въ лѣто 7063 по зимѣ пріиде вѣсть
„къ Царю отъ заморскія Корелы: нашли-де мы на Мурманскомъ морѣ
„два корабля, стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ всѣ
„мертвы, а товаровъ на нихъ много . . . . И Государь указалъ Намѣ-
„стнику, К. Сем. Ив. Микулинскому, съ Двины послати въ лодьяхъ къ
„тѣмъ кораблямъ, и переписавъ товаръ, велѣлъ привезти на Холмогоры.
„К. же Сем. послалъ выборнаго Голову Ѳофана Макарова, да Мих. Ко
„сицына, да Анфиловья Посельскаго, да Емельяна Елизова; они же въ ко-
„рабляхъ товаръ переписавъ взяли, и пушки и пищали и снасть кора-
„бельную привезли на Холмогоры. Князь же Сем. весь бытъ запечаталъ
„до Государева указу."

(425) Сіи люди были рыбаки: они хотѣли тотчасъ уплыть въ лодкѣ,
но Ченселеръ догналъ ихъ (см. Hakl., стр. 246).

Въ *Двинск. Лѣт.* стр. 125: „Авг. въ 24 (1553) пришелъ корабль съ мо-
„ря на устье Двины, и обослався, пріѣхали на Колмогоры въ малыхъ су-
„дѣхъ отъ Англинскаго Короля Эдварта Посолъ Рыцерть, а съ нимъ
„гости, а сказался, что идетъ къ Вел. Государю . . . . и Прика-
„щики Колмогорскіе, выборные Головы Филиппъ Родіоновъ, Ѳофанъ Ма-
„каровъ и земскіе судьи о приходѣ того Посла писали къ Царю, и велѣ-
„ли корабль на зимовье ввести въ Унскую губу, лѣта 7062 Окт. По-
„солъ же и гости отпущены къ Москвѣ съ Колмогоръ Ноября 23."

(426) Hakl. Navig. стр. 231, 249.

(427) Тамъ же, стр. 230. Сіе письмо издано на Англійскомъ и Латин-
скомъ языкѣ.

(428) Англичане пишутъ, что слуги во время обѣда три раза перемѣ-
няли одежду, и что сей обѣдъ продолжался до ночи (зимою): см. тамъ
же, стр. 250.

(429) Тамъ же, стр. 255. Письмо Государево было писано по-Руски
съ Голландскимъ (Dutch: не съ Нѣмецкимъ ли?) переводомъ, въ Февр. 1554.
Въ *Двинск. Лѣт.* 126: „Марта въ 15 Царь отпустилъ Посла и гостей
„съ Москвы; они же, пріѣхавъ, жили у корабля до весны и отошли въ
„свою землю."

(430) George Killingworth, Graie, по старинному правописанію. Ниже у-
поминается о Капитанѣ Borrough. Въ нашихъ лѣтописяхъ: „Мѣсяца Окт.
„(1555) пришли отъ Карлосова сына Агл. Филиппа Короля и его Коро-
„левы Маріи Посланники Рыцерть (Ричардъ Ченселеръ) да Юрьи (George
„Killingworth) съ грамотами, одна по-Фряски (Италіянски), другая по-
„Польски, а третья по-Гречески, а во всѣхъ писано одно дѣло . . . . съ
„великою любовною похвалою, нарицая Государя Царемъ благочести-
„вымъ" (Emperor of all Russia). Въ *Двинск. Лѣт.*: „Іюля 23 пришелъ ко-
„рабль изъ Агл. земли, а на немъ Посолъ съ гостьми, и на Холмогорахъ
„суды наймовали, и товаръ взявъ къ Вологдѣ, пошли. Пришли Агл. 4 ко-
„рабля, а Вологодскіе суды съ Рускими товары ходили къ кораблямъ на
„Корельское устье."

(431) Hakl. Navig. стр. 265.

(432) Тамъ же, стр. 263: The 11 day of Sept. we came to Vologda, and there we laide all our wares up, and sold tvery litle; but one marchant would have given us 12 robles for a broad cloth . . and 4 altines for a pound of sugar. Далѣе сказано, что рубль есть гинея, алтынъ шиллингъ.

(433) Никон. Лѣт. 264. Они поѣхали изъ Москвы въ Іюнѣ, а отплыли съ Двины 23 Іюля. Государь велѣлъ отдать Англичанамъ все найденное на корабляхъ несчастнаго Виллоби. съ Непѣею поѣхали въ Лондонъ изъ гостей Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Здѣсь Двинскій Лѣтописецъ называетъ Англію Нѣмецкою землею.

(434) Hakluyt II, 287 и 288: The Lord Bishop of Elie and Sir William Peter, chief Secretary to theiz Highnesse, who after divers secret talkes, reported to their Highnesse their proceedings, the gravitie, wisedome and stately bihaviour of the said Ambaassdour, in such sort as was much to their Majesties contentations.

(435) Въ Архив. Лѣт. г. 1557, Септ.: „Да Король прислалъ доспѣхъ „свой полной, да скорлаты и отласы . . . и Царя и В. К. гостемъ „путь чисть учинили и дворъ имъ въ большомъ своемъ городѣ въ „Лунскомъ (Лондонѣ) дали и безо всякихъ пошлинъ торговати велѣ„ли; да отпустили съ Непѣею мастеровъ многихъ, Дохтуровъ, и „злату и серебру искателей и дѣлателей, и иныхъ.“ Тутъ Шотландія названа Шотцкимъ Королевствомъ.— Непѣя подалъ Маріи и Филиппу списокъ Іоанновымъ дарамъ, которые были расхищены Шотландцами: 1) 6 паръ богатыхъ соболей; 2) 20 цѣлыхъ соболей съ зубами, ушами и кохтями; 3) четыре живыхъ съ цѣпями и ошейниками; 4) шесть большихъ шкуръ (не мѣховъ ли?) которыя носилъ самъ Царь за ихъ рѣдкость; 5) бѣлой кречетъ съ серебрянымъ барабаномъ и съ вызолоченною сѣткою. Марія и Филиппъ послали къ Іоанну: 1) два куска парчи; 2) половинку алаго сукна, фіолетоваго, голубаго; 3) два панцыря и шлемъ, покрытый алымъ бархатомъ и съ вызолоченными гвоздями; 4) льва и львицу. — Съ Непѣею было въ Лондонѣ девять Россіянъ, названныхъ отчасти странными именами въ Гаклуйтѣ (II, 287-290).

(436) As a testimonie and witness of their good hearts, zeale and tendernesse towards him and his countrey.

(437) Hakl II, 324. Въ Двинск. Лѣт. 127: „Пришли (въ 1555 г.) Голан„скія и Брабанскія земли корабли, а на нихъ торговые иноземцы, и съ „Рускими людьми торговали на Корельскомъ устьѣ по 95 годъ.“

(438) Въ 1553 г. Ханъ присылалъ гонца, обѣщаясь доставить шертную грамоту, и требуя, чтобъ Іоаннъ отпустилъ къ нему назадъ пословъ его, задержанныхъ въ Москвѣ. Іюня 29 Царь отпустилъ ихъ и послалъ къ Хану Дворянина Ѳед. Дм. Загряжскаго. Іюля 6 услышали, что Крымцы идутъ на Россію: Государь съ Царемъ Симеономъ, Шигъ-Алеемъ, съ Князьями Черкесскими и съ Царевичемъ Кайбулою выѣхалъ въ Коломну, пославъ К. Владиміра Андр. съ К. Микулинскимъ въ Серпуховъ, а Царя Дербыша съ К. Мстиславскимъ въ Калугу. Воевода Мценскій, К. Петръ Горенскій, побивъ отрядъ Крымцевъ, узналъ отъ плѣнниковъ, что Девлетъ-Гирей ходилъ на Черкесовъ, а въ Россію уже не будетъ. 13 Окт.

пріѣхалъ въ Москву Ногайскій Посолъ Шагмансыръ Уланъ съ Шертною грамотою. Въ Апр. 1554 Ханъ черезъ гонца требовалъ даровъ. Іоаннъ предлагалъ ему размѣняться Послами и въ Мартѣ 1555 увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани. Въ Маѣ Девлетъ-Гирей писалъ къ Царю, что отпуститъ Загряжскаго вмѣстѣ съ новымъ посломъ своимъ, но обманулъ (см. *Никон. Лѣт.* 202-240).

(439) См. Курбскаго.

(440) Іоаннъ въ 1556 г. писалъ къ Исмаилу, Ногайскому К.: „нынѣ намъ „дорога Крымская вѣдома, и Богъ дастъ, хотимъ съ Крымскимъ свое дѣ„ло дѣлати; того для есмя и съ Литовскимъ помирилися." Онъ велѣлъ сказать Исмаилу, что Россія можетъ послать *до четырехъ сотъ тысячь* воиновъ на Хана.

(441) См. выше, стр. 139.

(442) Въ Мартѣ 1555 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ Султана купецъ *Мустафа Челибей* съ богатыми дарами, бархатами, атласами, коврами шелковыми, для Царя и дѣтей его (см. *Никон. Лѣт.* 300).

(443) „*И пошли изъ Бѣлева на Троицынъ день Муравскою дорогою, и „пришли вверхъ Мжаи и Коломока, и ту прибѣжалъ къ нимъ стороже „отъ Святыхъ горъ . . . . и воротилися и пошли подъ сакму (на слѣдъ) . . . . „И Царь того же дни отпустилъ Воеводъ, а самъ пошелъ на третій . . . . „и на Столцѣ пришла вѣсть къ нему отъ Ив. Шереметева, что, идучи „за Ханомъ, посылалъ на его кошъ Головы . . . . и кошъ взяли . . . и Вое„воды пошли за Царемъ его сакмою и встрѣтилися со Царемъ . . . и по„сылали назадъ по Головы и по Дѣти Боярскіе, чтобы къ нимъ спѣшили, „и прискакали не многіе . . . . и Царь Крымскій (на другой день) съ сво„имъ полкомъ пришелъ, да Воеводъ разгромилъ, а самъ къ Тулѣ идетъ . . . . „И Царь и В. К. пришелъ на Тулу въ Субботу на солнечномъ всходѣ, и „тутъ пріѣхали Бояринъ Ив. Вас. Шереметевъ, да Окольничей Левъ Андр. „Салтыковъ . . . . Дмит. Плещеевъ и Бахтеяръ Зуевъ пріѣхали того же „дни . . . На томъ бою убили — и взяли Дѣтей Боярскихъ 320 ,а Стрѣль„цовъ 34.*" и проч. См. *Никон. Лѣт.* 242.

(444) См. *Курбск.* Онъ *жалуется на излишнюю довѣренность Іоанно„ву къ Дьякамъ, говоря, что сіи люди никогда прежде не бывали въ такой чести.*

(445) См. *тамъ же.*

(446) Черезъ 5 недѣль: см. *Никон. Лѣт.* 244.

(447) См. *Далина* Gesch. des R. Schw. III, 344, 351, 360. Марія отвѣчала, что она не запрещаетъ своимъ подданнымъ *выгодной для нихъ торговли*, но возметъ мѣры, чтобы они не доставляли воинскихъ снарядовъ Россіянамъ.

(448) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1349-1350.

(449) Въ *Никон. Лѣт.* 247: „и Нѣмцы (Шведы) почали *села жечь* (въ „1555 г.) и Дѣтей Боярскихъ убиваютъ, и гостей у себя задержали, и „Сына Боар. на колъ горломъ посадили . . . . И К. Дм. Палецкой, обо„слався съ Царемъ, послалъ свое знамя Ив. Бибикова . . . и Нѣмцы его „побили." Далинъ пишетъ, что у Бибикова было 30,000 воиновъ; что онъ, видя малочисленность непріятеля, въ насмѣшку пилъ здоровье ихъ Пол-

ководца, Іонса Мансона. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіяне в Генв. 1555 свирѣпствовали въ окрестностяхъ Выборга и потонули въ Рафландскомъ озерѣ; что самъ К. Палецкій ходилъ въ Финляндію, и проч.

(450) См. Дѣла Шведск. No 1, л. 1-53.

(451) Кузминъ говорилъ о *Мурманской* (Норвежской) землѣ и *Каргалѣ*: Шведы не понимали его, какъ пишетъ *Далинъ*, не зная сихъ названій.

(452) См. *Далина, стр. 304, и Дѣла Швед. No 1, л. 47. Въ Никон. Лѣт.* „Пришелъ (въ Сент.) Яковъ Бага отъ Выбора на конехъ и пѣшіе, и въ „бусѣхъ съ моря Невою съ нарядомъ . . . . . Взяли у нихъ бусу, а на ней „150 человѣкъ да 4 пушки . . . . а Семенъ Шереметевъ (Новогород. Дво„рецкій) приходилъ на тѣхъ, которые воевали за Невою . . . И какъ пош„ли Нѣмцы отъ Орѣшка, К. Андр. Ногтевъ, да Петръ Петровъ (заприт„ники Орѣшка) и С. Шереметевъ были на три полки, а люди не сошлись, „и Нѣмцы учали стрѣлятли, и передовой полкъ дрогнулъ, а не убили „шутъ Нѣмцы никого: мертвыхъ отъ стрѣлъ и отъ пищалей на обѣ сто„роны было человѣкъ по пяти и по шти.“ А Далинъ пишетъ, что Шведы побили множество Россіянъ.

(453) „Февр. 7 пріѣхалъ отъ Воеводъ Шепяка К. Данил. Гагаринъ, а отъ „Царевича Уразлы Мурзы . . . Какъ Воеводы пришли за рубежъ въ Смо„лино и въ Лебежіе, и послали къ городу къ Кипозени (Кинодепи, Ки„веску) . . . И пришли (Шведы близъ Выборга) на Ертоульской полкъ, „К. Никиту Пріимкова Ростовскаго, да Ѳед. Пушкина, и Ѳедора съ ко„ня сбили и ранили, и К. Никиту . . . . и напустили передовымъ пол„комъ Сем. да Никита Шереметевы и побили Нѣмцевъ и гонили по гору; „а шутъ пріѣздъ тѣсенъ, и ранили Ник. Шереметева; и поспѣшалъ къ „нимъ Царевичъ Кайбула . . . . а правой руки Воевода Ив. Шереметевъ „меньшой обшолъ около . . . . а К. Андр. Ногтевъ не былъ на бою: но„гу испортилъ еще на рубежѣ . . . . и велѣли К. Григ. Путятину по „Выбору изъ наряда бити . . . и изъ города вылазити не дали . . . . и „послали въ Лаврецкой погостъ верстъ за сто за Выборъ, и стрѣтили„ся Нѣмцы изъ Стекольна отъ Короля, и тѣхъ побили . . . . и къ город„ку Дощаному (Дацану) посылали,“ и проч. См. *Архив. Лѣт. л. 261*, и *Никон.* 254. Далинъ пишетъ, что Русскіе бѣжали отъ Выборга, испуганные возами сѣна, которое Шведы везли въ крѣпость!

(44) Дѣла Ног. No 4, л. 315.

(455) Дѣла Швед. No 1, л. 5 и слѣд.

(456) Тамъ же, л. 18 и 34: „Къ рукѣ его и ѣсти не звали того для, „что пріѣхалъ въ первые послѣ войны, и еще не вѣдомо, что въ грамо„тахъ писано . . . . И того дни“ (уже по прочтеніи грамоты) „гонецъ „Квутъ у Царя и В. К. ѣлъ.“

(457) Тамъ же, л. 49: „Самому будетъ тобѣ не вѣдомо, и ты купцовъ „своихъ вспрося увѣдай: Ноугородцкіе пригороды Псковъ и Устюгъ и „Двинскую землю чаю знаютъ: сколькимъ многимъ одинъ изъ тѣхъ боль„ши Стекольны?“

(458) Тамъ же, л. 60: „кубокъ золоченъ, съ покрышкою посланной, а „на верху въ покрышкѣ часы.“

(459) Тамъ же, л. 97: „К. Ѳедоръ былъ Дапровичъ, и то Ибреима Царя „Казанского внукъ; а К. Михайло Кисло и К. Борисъ Горбатой, и то „Суздальскіе Князи отъ корени Государей Рускихъ — К. Юрьи Мих. Бул„гаковъ, и то Королю Литовскому братъ въ четвертомъ колѣнѣ — а „нынѣ К. Мих. Вас. Глинской, и то было не давно, К. Мих. Львовича „Глинского въ Нѣмецкихъ земляхъ знали многіе; а Олексѣй Данил. Пле„щеевъ, и то извѣчные Государскіе Бояре родомъ за тритцать и бо„лѣе .... А про Государя вашего въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ „укоръ, которого онъ роду, и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую „землю пришелъ: то не давно ся дѣяло, и всѣмъ вѣдомо." Густавъ, въ 1519 г. ушедши изъ Даніи, ѣхалъ съ Саксонскими промышленниками, которые торговали волами: см. Даллина III, 8.

(460) Въ *Никон. Лѣт.* 281: „Государь велѣлъ Ноугородцкимъ Намѣстни„комъ перемирье утвердити .... и отпустилъ Пословъ съ Москвы въ „Новгородъ Марта, и Намѣстники Ноугород. Свѣйского Короля къ цѣло„ванію привели, и грамоты утвердили печатьми; а отъ себя къ Королю „послали Ив. Шарапова Замыцкаго."

(461) Дѣла *Швед.* л. 59.

(462) Даллинъ 382.

(463) Тамъ же.

(464) Дѣла Польск. No 4. 644-651, Окт. 1556.

(465) Въ Дек. 1552 пріѣзжалъ въ Москву гонецъ съ письмами отъ Литовскихъ Вельможъ къ нашимъ Боярамъ и Митрополиту, чтобы они уговорили Царя быть другомъ Литвѣ. Митрон. отвѣчалъ словесно, что государственныя дѣла до него не касаются; а Бояре писали къ нимъ, что сношенія между Литвою и Россіею пресѣклись отъ несогласія Августова именовать Іоанна Царемъ; что мы никогда не шлемъ Пословъ въ чужія земли для переговоровъ о мирѣ, но что другіе Государи обыкновенно присылаютъ къ намъ для того своихъ. Въ Іюнѣ 1553 г. явился въ Москвѣ Августовъ Посланникъ, Андрей Станиславъ, съ извѣстіемъ, что за нимъ будутъ Большіе Послы. Станиславъ не обѣдалъ во дворцѣ; у него не взяли и даровъ: ибо онъ въ разговорахъ не хотѣлъ называть Іоанна Царемъ. 22 Авг. пріѣхали въ Москву Воевода Полоцкій С. Довойна и Маршалокъ Воловичъ. Споръ о титулѣ опять воспрепятствовалъ миру, и Государь, отпуская ихъ, сказалъ: „Панъ ся видишь, что пришли есте „не дѣла для, но для раздору." Они уѣхали. Іоаннъ, безпокоясь тогда о слѣдствіяхъ Казанского мятежа, согласно съ общимъ мнѣніемъ Думы велѣлъ имъ воротиться и заключилъ перемиріе съ Литвою на 2 года. Бояринъ Вас. Мих. Юрьевъ ѣздилъ къ Августу съ договорными грамотами. Король хотѣлъ дать присягу только на своей; но Юрьевъ заставилъ его сложить обѣ вмѣстѣ, то есть, Литовскую съ нашею, и произнести клятву въ вѣрномъ исполненіи договора. Переписка о титулѣ продолжалась до Марта 1556 года, когда Витебскій Воевода, К. Степ. Андр. Збаражскій, и Маршалокъ Шимковичъ заключили въ Москвѣ новое перемиріе на шесть лѣтъ. Они спросили у Бояръ: „если Государи ваши издавна име„новались Царями, то для чего же отецъ и дѣдъ Іоанновъ не требовали

„донъ насъ сего титула?“ *Для того* (сказали Бояре), *что они не вѣнчались на Царство. Государи Польскіе также назывались единственно Великими Князьями до Ягайла; но послѣ его Королевскаго вѣнчанія приняли титулъ Королей.* — Бояринъ Ив. Мих. Воронцовъ отвезъ къ Августу договорную грамоту. См. *Дѣла Польск.* No 4, 215-661.

(466) Въ Окт. 1555 пріѣхали изъ Крыма въ Москву гонецъ Ханскій и нашъ отъ Загряжскаго, Татаринъ Баймера, который сказалъ Государю, что Девлетъ-Гирей въ битвѣ съ Шереметевымъ лишился знатнѣйшихъ Князей и Мурзъ: см. *Ник. Лѣт.* 250.

(467) Въ Мартѣ 1556 Атаманъ Мих. Грошевъ ходилъ изъ Рыльска въ степи и схватилъ многихъ Крымцевъ, объявившихъ ему о намѣреніи Хана итти на Россію. Тогда Дьякъ Ржевскій былъ высланъ изъ Путивля на рѣку Псёлъ, построилъ суда и съ Козаками отправился къ Днѣпров. порогамъ; а другіе Козаки стояли на берегахъ Дона (см. *Никон. Лѣт.* 263, 264.).

(468) „Царь и В. К., пріѣхавъ отъ Троицы, пошелъ въ Серпуховъ „предъ заговѣньемъ Петровымъ, а съ нимъ К. Владиміръ Андреевичь, Царь „Симеонъ, да Бояре; а велѣлъ у собя быти въ Серпуховѣ Царевичу Кай-„булѣ, а съ нимъ всѣ Князи и Мурзы Городецкіе, а стояти въ Торусѣ, „да передовому полку, да правой рукѣ, а большому устъ Поротвы, а „лѣвой на Сенкинѣ перевозѣ, а сторожевому устъ Лопасны . . . . и по-„слалъ Окольничаго Ив. Вас. Шереметева заняти пѣшца за Шавороною . . . . „И сказали Хану, что Царь и В. К. ждетъ его . . . . и пошелъ былъ на „Черкасы, и на Міусъ прислали за нимъ изъ Крыму, что видѣли многихъ „Рускихъ на Днѣпрѣ къ Исламъ-Кирменю . . . . и воротился, и многіе лю-„ди у него померли повѣтріемъ.“ См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266.

(469) „Ходили подъ *Исламъ-Кирменъ* и Бесламъ-Кирменъ: люди уберег-„лись, а животину отгонили . . . . и у Очакова острогъ взяли . . . . и за „ними ходили Санчаки Очаковской и Тагинской, и Дьякъ на нихъ учинилъ „въ тростнику у Днѣпра подсаду и побилъ изъ пищалей . . . . и подъ „Исламъ-Кирменъ пришелъ Калга, а съ нимъ весь Крымъ . . . . и бился съ „нимъ изъ пищалей 6 дней, да отогналъ ночью стада конные, да на „островъ къ себѣ перевезъ, и по Заднѣпрью по Литовской сторонѣ „вверхъ пошелъ и растелся съ Царевичемъ Дьякъ, далъ Богъ, здорово.“ См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266 и 267.

(470) Въ Сент. 1557 К. Вишневецкій прислалъ въ Москву Атамана Есковича съ предложеніемъ своихъ услугъ Царю и съ извѣстіемъ, что онъ укрѣпился близъ Крымскихъ кочевищъ (см. *Никон. Лѣт.* 272, 274, 276, 284).

(471) См. тамъ же, стр. 276. Вишневецкій взялъ Исламъ-Кирменъ, а Черкесы Темрюкъ и Таманъ въ Окт. 1556. Ханъ нападалъ на перваго весною въ 1557 году.

(472) Курбскій. Слѣдующее взято изъ него же. Въ лѣтописяхъ сказано, что Ханъ въ 1557 г. захватилъ девять УлусовъНогайскихъ, и что они ушли отъ него опять къ Исмаилу (см. *Ник. Лѣт.* 292).

(473) Въ *Никон. Лѣт.* 276: „Пришелъ (въ Дек. 1556) изъ Нагай Ц. Тахтамышъ . . . . а былъ много лѣтъ въ Крымѣ . . . . и выбѣжалъ къ Исмаилю К., и Исмаилъ отпустилъ его служити Царю."

(474) Вишневецкій въ Окт. 1557 писалъ къ Государю о своемъ вступленіи въ Каневъ, а въ Нояб. пріѣхалъ въ Москву (см. *Никон. Лѣт.* 293).

(475) Въ *Никон. Лѣт.* 296: „Изъ Крыма Посолъ Ѳед. Загряжской" (въ Генв. 1558) „пришелъ, а сказывалъ, что Царь правду учинилъ, и сына „своего на Короля Литовскаго отпустилъ," и проч. — Государь отпустилъ тогда стараго Ханскаго посла, а новаго у себя задержалъ.

(476) См. Дѣла Польск. No 4, 631-692. Въ *Архив. Лѣт.* 297 на об.: „Воевалъ Царевичь Крымской (въ 1558 г.) Литовскую землю, Волынь, Подляшье, Подолье, а былъ въ землѣ 4 недѣли, и взялъ полону больши 40 „тысячь; а встрѣчи ему и посылки за нимъ не было." Курбскій такъ говоритъ о Королѣ и Панахъ: „Его Королевское Величество не къ тому" (не къ защитѣ земли) „обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія и „въ преиспещренныя машкары; такожъ и Властели земли тоя драгоцѣнными колачи гортань и чрево напыкающе, и яко бы во утлыя дельвы „дражайшія различныя вина безмѣрно ліюще и съ Печенѣги купно высоко „скачуще и воздухъ біюще, и прегордѣ другъ друга пьяніи восхваляюще . . . . „Егда же возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми перинами, тогда „едва ко полудню проспавшися со связанными головами едва живы съ похмѣлья."

(477) Въ *Никон. Лѣт.* 295: „Отпущенъ въ Черкасы" (Мурза Кабардинскій Канклычь) „на Казань да на Астрахань судномъ, изъ Черкасъ имъ „итти ратью мимо Азова . . . . А велѣлъ ему (Вишневецкому) Государь суды подѣлати и съ запасы итти на Днѣпръ" (въ Генв. 1558). См. Курбскаго.

(478) См. Дѣла Польск. No 4, стр. 661-718. Къ Королю посланъ былъ Романъ Вас. Олферьевъ, а отъ него съ благодарностію пріѣзжалъ Виленскій Конюшій Волчковъ, Августъ освободилъ тогда К. Мих. Юр. Оболенскаго, К. Ив. Ѳед. Шелешпальскаго и трехъ иныхъ плѣнниковъ.

(479) См. между моими Кенигсберг. бумагами, No 638, письмо Филиппа фонъ-деръ-Брюггена, Ливонскаго Посла, къ Римскому Императору въ 1551 году, гдѣ сказано: des Moscobitters Gewalt und Macht ist sehr gros und dermassen erschrecklich, das auch alle angrentzende Konige und Grosfürsten Christlichs Namens ihre Häupter gegen ime nidderslagen und den Frieden diemutig von ime bitten müssen. Und der Moscobiter hat fur und fur mit ganzem Ernst und Vleis darnach getracht, wie er Leifflandt gemeiner Christenheit und dem heiligen Reich Teutsher Nation abzihen und unter seinen grausamen Gewalt und Unglauben bringen mochte, der Hoffnung, wo er Leifflandt erobert und dardurch der Ostsehe mechtig wurde, die andern nagelegenen anstossenden Lande, als Littawen, Polen, Preussen und Schweden, desto schleiniger auch unter sein Gehorsam zu bringen . . . . Der itzige Moscobiter ist ein junger Man und deswegen zum Kriege und Pluetevergiessen desto hitziger . . . . Und hangt dieser Beschwerung weiter an das unter dem Schein der Handtwercks-Leute, Kriegs-und

Dienstvolcks, allerley verdampte Secten und Rotten, alls Sacramentirer, Widdertheufer und dergleichen, die nirgent sicher zu hausen wissen, sich dahin in grosser Antzal wurden begeben, daselbst der Moscobiter wüste Religion gar verwuesten und gemeiner Christenheit pluetige Tragedien, wie derselben Art und Gebrauch ist, anrichten.

(480) *Никон. Лѣт.* 216, Арнтъ Liefl. Chr. 217, и между моими Кенигсберг. бумагами No 698 донесеніе Ливон. Пословъ Магистру. Сіи Послы были отъ Магистра и Архіеп. *Рижскаго*, I. фон-Бовгорстъ, Отто Гротгузенъ, Бенедиктъ Ферстенау *и* переводчикъ Мельхіоръ Гротгузенъ, а отъ Епископа *Дерптскаго* Вольмеръ Врангельнъ, *Дитрихъ* Каверъ *и* Блазіусъ Бекке.

(481) Арнтъ 194.

(482) См. Кельха Liefl. Hist. 189 и Кенигсберг. бумаги No 697. Въ *Архив. Лѣт.* г. 1556, *л.* 277: „Окт. 2 пріѣхалъ къ Государю изъ Нѣмецъ го„нецъ Гриша Флямингъ били челомъ о салѣ и о воску, чтобъ имъ тансырли „пропущати; а Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ сало и воскъ про„пущати; и Государь велѣлъ Посломъ ихъ быти."

(483) Сей ученикъ назывался Георгъ Гольцшуэръ: См. Арнта 229, Кельха 216, и Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1554.

(484) По сказанію Арнта: „Береги и корми сего щенка, чтобъ онъ „выросъ и разжирѣлъ."

(485) Такимъ образомъ: „*и всея Сибирскія земли и сѣверныя страны* „повелители, и Государя Лифлянскія земли и иныхъ." Сей титулъ уже находится въ письмѣ Іоанна къ Эдуарду VI отъ Февр. 1554: Lord and Great Duke of Novograd, of Carbigo, Resan, Polotskoy, Rostove, Jaruslaveley, Bealozera, Liefland, Ondoria (см. Hakluyt II, 256).

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 282: „Прислалъ Маистръ Валентина, да Мель„хера, да писаря Гануса," и проч.

(487) См. Тамъ же, стр. 283 и 288. Шестуновъ съ товарищими поѣхалъ въ Апр., а въ Іюлѣ городъ былъ уже готовъ: „ставилъ его Петръ „Петровъ, да Иванъ Выродковъ."

(488). См. Кельха, стр. 190, 200.

(489) См. Арнта, стр. 194, 195.

(490) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1556, стр. 259, и *Архив. Лѣт.* л. 267: „По се „время Бояре и Князи и Дѣти Боярскіе сидѣли по кормленіямъ *для* рас„правы людемъ и себѣ для покою . . . . и какъ съѣдутъ съ кормленій, и „чужими многими иски отыскиваютъ, и много въ томъ кровопролитія и „оскверненія душамъ содѣяна . . . . и многіе Намѣстники и Волостели „и стараго своего стяжанія избыша, животовъ и вотчинъ . . . . И повелѣ „Государь во градѣхъ и волостехъ поставити Старосты и Сотцкіе, и „Пятидесятцкіе *и* Десятцкіе, и страшнымъ и грознымъ запрещеніемъ за„повѣдь положити, чтобъ имъ разсуждати промежъ разбой и татьбы и „всякіе дѣла, отнюдь бы никоторая вражда не именовалась, также ни „*мзда, ни лживое послушество*; а кого лика найдутъ, таковыхъ велѣлъ „казнемъ предавати; а на грады и на волости положити оброки по ихъ „промысламъ и по землямъ" (см. ниже, примѣч. 587, г. 1557) . . . . Бояръ

„же и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ праведнымъ, уроки, ему же „достоитъ по отечеству и по дородству, а городовыхъ въ четвертой „годъ, а иныхъ въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ же и сія „разсмотри, которые Вельможи и всякіе воины многими землями завлада„ли и службою оскудѣша, не противъ Государева жалованья и своихъ „вотчинъ служба ихъ, Государь же имъ ровненіе творяше въ помѣстьяхъ „землемѣріемъ . . . . а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу „учини же, со ста четвертей угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ до„спѣсѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь; и кто послужитъ, „и Государь ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, и на уложеные люди де„нежное; а кто землю держитъ, а службы съ нее не служитъ, и на тѣхъ „на самихъ имати деньги за люди; а кто даетъ въ службу люди лишніе „передъ землею, и тѣмъ большое жалованье самимъ, а людемъ предъ уло„женными въ полтретья давати деньгами" (слѣдственно въ два раза съ половиною).

Еще до Казанскаго похода, въ Окт. 1550 года, Царь издалъ слѣдующій указъ о раздачѣ земель сановникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ:

„Приговорилъ Государь съ Бояры учинити въ Московскомъ уѣздѣ . . . . „отъ Москвы верстъ за 60 и за 70 помѣщиковъ, Дѣтей Боярскихъ, луч„шихъ слугъ, тысячу человѣкъ; а которымъ Бояромъ и Окольничимъ бы„ти готовымъ къ посылкамъ, а помѣстья и вотчинъ въ Москов. уѣздѣ у „нихъ не будетъ, и имъ дати помѣстье въ Москов. уѣздѣ по двѣсти че„твертей, а Дѣтемъ Боярскимъ въ первой статьѣ по 200 жъ четвертей, „а въ другой статьѣ Дѣтемъ Боярскимъ по сту по пятидесяти четвер„тей, а въ третьей по сту; а сѣна жъ имъ давати по стольку „копенъ, на сколько кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянска„го сѣна; а крестьяномъ дати на выть по 30 копенъ; а который изъ „того чину вымретъ, а сынъ его не пригодится къ той службѣ, и въ „то мѣсто прибрати иного; а за которыми Бояры и за Дѣтьми Бояр„скими вотчины въ Москов. уѣздѣ или въ иномъ городѣ близко Москвы „верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не давати." Слѣдуетъ списокъ Бояръ, сановниковъ и Дѣтей Боярскихъ, коимъ даны тогда земли. См. Въ *Указателѣ Рос. Законовъ* Т. I, стр. 106-117.

(491) Въ *Никон. Лѣт.* 265: „*И по сему множество воинства учини„шася.*"

(492) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1531: „А у В. К. и Царя было въ со„браніи тогда 300 тысячь въ Старицѣ."

(493) *Уже при отцѣ его, В. К. Василіи, брали съ городовъ Пищальни„ковъ*, которые были то же, что Стрѣльцы: См. Т. VII, примѣч. *78.* Въ *Двинск. Лѣт.* сказано, что въ 1656 г. взято было на Двинѣ 500 уѣздныхъ людей въ городовые Стрѣльцы, а въ 1658 съ двухъ дворовъ крестьянскихъ по человѣку въ Московскіе Стрѣльцы.

(494) Въ *Никон. Лѣт.* 260: „и потѣхи никоторые во умъ его Царской „не внидетъ, токмо Законъ Христовъ и ратные дѣла." Въ Гаклуйтѣ II, стр. 320: Hee settets all his delight upon two things, first to serve God, and the second, howe to subdue and conquere his enemies.

(495) Кельхъ, Арнтъ и проч.

(496) См. Арнта 226.

(497) „Въ большомъ полку Шигъ-Алей, да Бояре К. Мих. Вас. Глин-„ской, да Дан. Романовичь, да Черкаскіе Князи Сибокъ съ братьею; а въ „передов. Царевичь Тахтамышъ, да Бояре Ив. Вас. Шереметевъ большой, „да Алексѣй Дан. Басмановъ, да Черкаскіе Князи Иванъ Маашыкъ съ „братьею, да Дан. Адашевъ, а съ нимъ Казанскіе люди и съ Свіяги, и изъ „Чебоксаръ, и Черемиса, и новокрещеные; а въ правой рукѣ Царевичь „Кайбула . . . . и Городецкіе люди, Сеипъ и Князи и Мурзы", и проч.

(498) Въ *Никон. Лѣт.* 294: „*М. Дек.* пришли отъ Маистра Клаусъ „да Томасъ, да Мельхеръ, а отъ Бискупа Юрьев. Елертъ, да Христофоръ, „да Власъ Бека" (Арнтъ и Кельхъ именуютъ только Элерда, Крузе и Клауса (Франке) . . . . „и добили челомъ, что дати полпятдесять тысячь ефимковъ, а Московская 18 тысячь рублевъ."

(499) См. Кельха, стр. 223. Впрочемъ съ Послами обходились весьма учтиво. Тогда родился у Царя сынъ Феодоръ: имъ дозволили быть *свидѣтелями* его крещенія, а не *пріемниками*, какъ сказано въ *Подробной Лѣтописи*, которой сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Бреденбаха или Гваньини, и въ которой есть нелѣпости: на примѣръ, сказано, что Іоанновымъ войскомъ въ Ливоніи предводительствовалъ *Свеегалерзія* (Шигъ-Алей), *славный морскій разбойникъ* (стр. 10: см. Арнта 229 въ примѣчаніи).

(500) См. тамъ же.

(501) По нашимъ лѣтописямъ: „Нова городка, Керекеня, Альысня, „Курслова, Баба городка." Я называю всѣ мѣста по Арнту (Tabelle der Städte, стр. 338).

(502) Въ *Никон. Лѣт.* 297: „Пришли на Ерпоулъ . . . . Послалъ Бояринъ Ив. Вас. Шереметевъ Дѣтей Боярскихъ, да К. Вас. Сем. Серебреной, да Ив. Меньшой Шереметевъ . . . . и многіе Черкасы . . . . и побивали Нѣмецъ по самой городъ, а къ Воеводамъ привели 64 человѣка."

(503) Одинъ городокъ названъ въ Лѣтописи: *Аскилусъ*. Это не Укскиль: ибо Русскіе не подходили такъ близко къ Ригѣ: развѣ Alzell? Они всего на все потеряли тогда 33 человѣка.

(504) См. Арнта 230. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: „А иное сторовщики воевали „по всему рубежу, охочіе . . . . а зима была голя, безъ снѣгу, и ходъ „конемъ былъ нужно грудовато; а ходили полчетыре недѣли."

(505) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „И тотъ К. Михайло, съ людьми своими „ѣдучи, дорогою сильно грабилъ своихъ, и на рубежи люди его деревни „Псковскіе земли грабили и животъ сѣкли, да и дворы жгли. И Царь „и В. К. про то на него опалился, и велѣлъ обыскати, кого грабили дорогою, и на немъ доправити."

(506) См. Кельха 223, и Арнта 230. Современникъ благоразумный, Нейштетъ, хвалитъ Шигъ-Алея.

(507) Сіе перемиріе было означено въ *опасной грамотѣ*, данной Государемъ для свободнаго проѣзда Магистровыхъ Пословъ въ Москву. См. въ моихъ Кенигсберг. бумагахъ донесеніе Ливон. Пословъ No 699.

(508) См. Курбскаго.

(509) Въ *Никон. Лѣт.* 300-305: „Писали съ Иваня-города Воеводы . . . . „что Нѣмцы стрѣляютъ изъ наряду, а они не смѣютъ безъ Царева вѣ„дома . . . . и К. Григорей Темкинъ съ товарищи воевали городъ Влехъ, „Резицу, *Лужу* и Чясвани четыре дни . . . . и прислали 26 Нѣмчиновъ „въ доспѣсѣхъ . . . И Государь послалъ на Иванъ-городъ Дьяка Шеста„ка Воронина, а велѣлъ изо всего наряду стрѣляти въ Ругодивъ . . . . а „по иным по всѣмъ украйнамъ воевати не велѣлъ . . . . и въ Великую „Субботу выѣхали Ругодовскіе Посадники и били челомъ . . . . а за „Князца (Фохта) не стоятъ: воровалъ о своей головѣ . . . . и посла„ли къ Государю, а въ Иванъ-городѣ посадили въ закладѣ у Воеводъ по„датниковъ своихъ лучшихъ, Ивана Бѣлого, да Ашпиря Чернново . . . И „Царь послалъ на Иванъ-городъ Боярина Алексѣя Дан. Басманова, да Вое„воду Дан. Ѳед. Адашева . . . - И Маія въ 1 Якимъ и Захаръ“ (Нарвскіе Депутаты) „въ Москву пріѣхали,“ и проч.

(510) Тамъ же, стр. 305: „Пришли съ Ругодива Ратманъ Ромашко сатъ„маиъ, о томъ, де-мы не посыловали, что намъ отъ Маистра отстать. . . „и Данило ихъ не отпустилъ.“

(511) Тамъ же: „Воеводы отпустили“ (Головъ Стрѣлецкихъ) „за рѣку, „чтобы сторожей стоятати не дати и отвести къ себѣ за рѣку . . . и „учали возитца ниже Ругодива 5 верстъ; а Нѣмцы весь нарядъ въ Руго„дивъ отпустили, а сами пришли къ перевозу, а всего осталося на ихъ „сторонѣ человѣкъ со сто, а Нѣмцевъ съ тысячю, и конныхъ и пѣшихъ.... „и побили ихъ, и гоняли подъ самой Ругодивъ, а взяли у нихъ 33 чело„вѣка . . . и языки сказывали, что Ругодивцы Царю измѣнили, Якима да „Захара (къ нему) отпустили, а къ Маистру послали, чтобъ ихъ не вы„далъ . . . . и прислалъ Князца, а съ нимъ съ пищальми 700 человѣкъ, да „съ нарядомъ люди; и Ругодивцы промежъ собою крестъ цѣловали, что „имъ Царю не здатца.“

(512) Курбскій: „овіи же врата вынмающе отъ домовъ своихъ, и по„плыша.“ Въ *Никон. Лѣт.* 306: „Воеводы къ нимъ послали, на чемъ били „челомъ, чтобъ на томъ словѣ и стояли, и Нѣмцы отказали.“ См. Арн-та 232.

(513) См. Курбск. Въ *Никон. Лѣт.* 307: „Увидѣли на великомъ пламени „образъ Пречистыя лежитъ лицомъ на огонь, и ничѣмъ непрожженъ; а на „другомъ мѣстѣ нашли Николинъ образъ . . . . и огонь почалъ тишити.“ Съ сими иконами Архіеп. Новогородскій 4 Авг. прислалъ въ Москву Юрьев. Архимандрита и Софійскаго Протопопа: Царь и Митрополитъ встрѣтили ихъ у Пятницы Ржевской и отнесли въ Успенскій Соборъ, гдѣ пѣли молебенъ. См. *Архив. Лѣт.* 315.

(514) Въ *Архив. Лѣт.*: „Пришли (въ Маѣ) отъ Маистра Послы, Ѳе„доръ (Ферштибетрехъ, братъ Маистровъ, да Клаусъ, да Симонъ [illegible]„манъ), да Мелхеръ, а Бискуповы Архимандритъ Юрьевской Вилва (Вольф-гангъ Цаберъ) „да Ганусъ Иванъ, да Власъ Бѣка; и Клаусъ и Архимандритъ „на дорогѣ померли.“ См. и *Никон. Лѣт.* 309. Ливонскіе Историки не-справедливо пишутъ, что сіи Послы привозили съ собою деньги, и что Царь уже не хотѣлъ взять оныхъ. См. слѣдующее примѣчаніе.

(515) См. между вошин Кенигсберг. Сумагихи отъѣтъ Царя Посламъ Ливонскимъ, и донесенie ихъ No 698 и 699, гдѣ сказано: Dass wir sie nun solten begnadigen, unsern Zorn von ihnen abwenden und den Derptischen Zins nicht von ihnen nehmen, derhalben, dass das Stifft Derpt gar ist verheret und verterben, und in vielen Jahren bey Menschengedencken nicht kan erholet werden, und unser Kriegsvolck haben in dem Kriege mehr genommen, als der Zins gewesen ist. Далѣе Царь изъявляетъ свое неудовольствie, что Магистеръ и Епископъ Дерптскiй не хотѣли прислать къ нему такихъ знатныхъ чиновниковъ, какихъ присылалъ въ Москву Король Шведскiй. Hierauf durch die Gesanten semptlichen eingeworfen, dass mein gnediger Herr Meister seinen eigenen Blutsfreundt (брата) und der Bischoff seinen eldisten Prelaten, so in Got verstorben, neben inen andern abgefertigt. Далѣе говорятъ Адашевъ и Дьякъ Михайловъ: So die Hern (Магистеръ и Епископъ) des Grosfursten Zorn stillen und seine Macht von den Landen zu Lifflandt abwenden wolten, solthen sie thun, als die Keisers zu Cassan und Asterkan, einer von Kriesten (Христiанинъ) und auch der Keiser Segalei (Шигъ-Алей) selbst, mechtige Hern, gethan hetten, und vor dem Grosfursten komen mit dem Zins aus dem ganzen Lande zu Lifflandt, ihrer Key. Grosmajest. das Haupt schlagen (челомъ ударить) und ferner thun, was ihre Key. Grosm. von ihnen wurde begeren.

(516) См. Арнпта 233.

(517) Въ *Архив. Лѣт.* л. 309—311: „нарядъ изъ судовъ выняли" (*у Сыренска или Нейшлоса*) . . . . „*черные люди* изовсего Сыренскаго уѣзда, „Латыши и *Вать* и Чюхи правду *дали* . . Прислали къ Государю изъ „Ругодива Бояринъ и Намѣстникъ Олексѣй Дан. Басмановъ да Воевода „И. А. Бутурлинъ, что *Адежского* города люди добили челомъ." По Латышски Адежемъ назывался городокъ Neuermühlen; но онъ былъ въ 11 верстахъ отъ *Риги* (см. Арнпта 344): здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ, въ сторонѣ Везенберга.

(518) *Архив. Лѣт. л.* 311 *на об. Тутъ былъ и Данило Адашевъ.*

(519) См. *тамъ же. л.* 312—Арнпта 234, и Курбскаго.

(520) См. Кельха, стр. 228.

(521) См. Курбскаго и Арнпта 233.

(522) Въ *Архив. Лѣт.* 312-314: „Прибѣжали къ Воеводамъ два Латыша, а сказали, что Маистеръ и Бискупъ отъ Керепети побѣжали, и „Воеводы отпустили Воеводу же А. И. Шеина, да Дан. Ѳ. Адашева къ „Керепети . . . . и пошли за ними же . . . . и Андрей и Данило Керепеть взяли, и тое же ночи пошли за Маистромъ . . . . и Маистеръ пошелъ налѣво, а Бискупъ къ Юрьеву, и Воеводы Бискупа сошли на утрѣ „за полтретьяцать верстъ отъ Юрьева . . . . и гоняли по самой посадъ... „а взяли 27 Нѣмчиновъ, Посадниковъ Юрьевскихъ и Бискупа лучшихъ людей, и телеги съ доспѣхи и съ зельемъ . . . . и пошли назадъ къ Керепети . . . . и сошлися съ Большими Воеводами . . . . и дошли Маистра.... „и Нѣмцы побѣжали, и Ертоулы за ними гоняли верстъ 15 . . . , а люди „отъ Маистра разъѣхались," и проч. См. Арнпта 234.

(523) См. Арнта и Кельха. Кешлеръ принялъ тогда единственно имя Коадъютора или Помощника Магистерскаго, а Магистромъ былъ названъ въ слѣдующемъ году.

(524) См. Арнта 237.

(525) Въ *Архив. Лѣт.* 314: „Тогожъ мѣсяца (Іюля) прислалъ Маистръ „*Ливонской* Едиртъ (Готгардъ) человѣка своего, Индрика, съ тѣмъ, что „стараго Маистра Виглима (Вильгельма) скинули, и его Маистромъ учи-„нили, и Государь бы его пожаловалъ, рать свою унялъ," и проч.

(526) См. *Архив. Лѣт.* 313 и Арнта 235. Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „Ке-„стеръ на Омовжѣ (Эмбахѣ) взяли Козаки."

(527) См. Курбскаго.

(528) См. Арнта, 236.

(529) См. Арнта 237.

(530) См. тамъ же.

(531) У Арнта: Ein Woywode mit der Friedensfahne ritte voraus.

(532) Сверхъ того нѣсколько бочекъ вина, пива, рыбы, овса.

(533) Съ извѣстіемъ о взятіи Дерпта пріѣхалъ въ Москву сынъ К. Василья Серебрянаго, Борисъ. Въ *Архив. Лѣт.* 314: „Изъ наряду 6 дней по „городу били и стѣну розбили, и въ городѣ многихъ людей изъ наряду „побили, и вылазки многіе были, и на вылазкѣ Нѣмцевъ вездѣ побивали.... „и Бискупа въ монастырь жити въ *Мукого* (Фалькенау) отпустили.... „и животъ Бискуповъ, и коихъ людей остался, поймали на Государя." Очевидецъ, Дерптскій знатный Баронъ Крузе, пишетъ, что добыча Россіянъ была не весьма важна, по великодушію Шуйскаго (см. Арнта 237). Несогласіе между жителями Дерптскими Латинской и Лютеранской Вѣры способствовало намъ, какъ увѣряютъ, овладѣть симъ городомъ. — Курбскій сказываетъ, что Царь далъ Епископу большое помѣстье въ Россіи.

(534) Между моими Кенигсберг. бумагами находятся отношенія Бояръ къ Магистру, къ Правительству Ревеля, Маріенгаузена и другихъ городовъ, съ требованіемъ, чтобы они изъявили покорность Царю.

(535) См. Кельха 234.

(536) Въ *Архив. Лѣт.* 315-316: „Пошли изъ Сыренска къ *Ракобору* (Везенбергу), и сказали заставу Нѣмецкую изъ Лаюса, и они побили.... „и у Пайдуса (Падиса) посадъ пожгли.... Посылали воевать Кеских „(Венденскихъ) мѣстъ, и приходили на нихъ Нѣмцы, Индрикъ да Каспаръ, „со многими людми, и К. Никита (Кропоткинъ) ихъ (начальниковъ) пои-„малъ и къ Воеводамъ привелъ.... Да посылали къ Говью (Ацелю), да „къ Голубину (Шваненбургу).... и всѣхъ городовъ Нѣмецкихъ взяли „въ 66 году (1558) двадцать съ волостьми, и во всѣхъ городѣхъ церкви „Хрестьянскіе воздвигнули.... Идучи (Воеводы) изъ Юрьева по Го-„судареву наказу, посылали къ Голбину, а стояли тутъ Архіепискупле-„вы люди въ заставѣ, и Борисъ Колычовъ со всѣми людьми укрылся, а къ „городу послалъ Богдана Рканикова съ немногими, и Нѣмцы учали Богда-„на гонити и учали полкомъ до Бориса, и онъ напустилъ и побилъ, и взя-„ли 34 лучшихъ Нѣмецъ.... Отпущали подъ Говью.... и взяли," и проч.

(537) По извѣстію Нейштета, современника: см. Гадебуша Livl. Jahrb. г. 1558, стр. 545.

(538) Кавелехтъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Кипсвель и Нпивнезель, а Верполь Полчевъ: см. *Архив. Лѣт.* л. 326.

(539) См. *Архив. Псков. Лѣт.* г. 7067.

(540) Въ *Архив. Лѣт.* л. 326-328: „Государь велѣлъ ити къ Рынголу „(Рингену) изъ Ракобора К. М. Рынину . . . изо Пскова Черкаск. Кня„земъ . . . . а съ Вышегорода Ѳ. Шереметеву, а съ Красново Ѳ. Третья„кову, а изъ Юрьева К. Щепину . . . . а съ Москвы послалъ Воеводу Бо„риса Колычова . . . . и приходятъ на кормовщиковъ и побиваютъ, а язы„ки сказываютъ, что Маистръ приступаетъ къ Рынголу *ежедень* . . . „и Воеводы къ нему приходятъ къ стану, и онъ бьетъ изъ пушекъ . . . , „а на встрѣчю нейдетъ . . . . а сказываютъ, что Юрьевскіе Ратманы и „Посадники съ Маистромъ ссылаютца, а велятъ ему быть къ Юрьеву, „а въ Юрьевѣ *люди* не многіе . . . . Послалъ Маистръ кормовъ для и за„ставу послалъ брата своего, Яганъ Кетлеръ, и Воеводы заставу поби„ли и брата Маистрова взяли, да Оружничево, да Окольничево, да Ко„нюшево и многихъ Князьковъ и Мызниковъ, всего 106 человѣкъ; а во „всѣхъ посылкахъ 260 человѣкъ, *а убили тысячи съ три*,“ и проч. См. еще Курбскаго и Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Магистеръ потерялъ на приступахъ до двухъ тысячь воиновъ.

(541) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* сказано, что Россіянъ было 2000. Тутъ Нѣмцы взяли въ плѣнъ одного раненаго чиновника Московскаго, которой сказалъ Фелькерзаму по-Латини: Rogo Dominationem tuam, intercedat pro me apud Dominum suum, Magnum Livoniae Magistrum, ut me in civitatem ad medicos mittat, quia graviter et letaliter sum vulneratus (т. е.: „молю тебя быть „моимъ ходатаемъ предъ В. Магистромъ, чтобы онъ послалъ меня въ го„родъ къ Медикамъ: *ибо я тяжело раненъ*“); но сей чиновникъ тогдаже умеръ (см. Арнта 243).

(542) Арнтъ пишетъ, что Кетлеръ велѣлъ изрубить 400 Россіянъ въ замкѣ; а по сказанію Курбскаго, онъ уморилъ ихъ голодомъ и холодомъ.

(543) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(544) 130,000, по сказанію Ливонскихъ Историковъ, которые число нашихъ всегда умножаютъ, а своихъ уменьшаютъ: см. *Архив. Лѣт.* л. 329.

(545) Въ *Архив. Лѣт.* л. 335: „Шли къ Алысту (Маріенбургу) и Гол„бину и къ Чесвину (Чесмину или Кирсену), и отъ Чесвина пришли „Нѣмцы . . . . и Воеводы ихъ Гедерда и Гануса побили, а третьево Яна „Туса взяли, Печатника Арцыбискупова, и лучшихъ 34 человѣка; да от„туды пошли къ Ровному, да мимо Кесь . . . . . А городковъ взяли Пик„лянъ, Рекотъ, Пиболда, Зербинъ, Скуянъ, Ерлъ, Радогожъ, Нитоуръ, Сун„дежъ, Малополсь, Новой городъ, и покинули Нѣмцы 11 городовъ,“ и проч. См. Арнта 245, и Архив. *Псков. Лѣт.*

(546) Въ *Архив. Лѣт.* л. 332 на об.: „*Ходили* Казаки своею охотою за „Воеводами 500 человѣкъ . . . . и пришли къ Смелтину и на посадѣ Нѣ„мецъ побили . . . . и городъ взяли, а живыхъ Нѣмецъ 20, да 200 Латышей.“

(547) См. выше, стр. 255.

(548) См. Дѣла Польск. No 5, стр. 1-113. Отъ Короля пріѣзжали въ Москву Воевода Подляшскій Тишковичь и Андрей Хоружевъ, въ Мартѣ и въ Нояб́рѣ 1559. Іоаннъ въ Іюнѣ посылалъ къ Августу Дворянина Пивова требовать удовлетворенія въ обидахъ, сдѣланныхъ нашимъ купцамъ въ Литвѣ, *и подписался Государемъ Ливонскіе земли града Юрьева.* — Адашевъ, именемъ Царя говоря съ Тишковичемъ, сказалъ ему: „Што при-„былъ въ перемирьѣ? На всякой годъ Король въ Крымъ посылаетъ дань „и дары и покупаетъ на православіе; и Крымцы дары емлютъ, а Держа-„ву Королевскую ежелѣтъ воюютъ . . . . и тѣхъ кровей Крестьянскихъ „отъ чьихъ рукъ Богъ взыщетъ? . . . А Государь нашъ какъ возрасту „своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, какъ всѣмъ Бусурманскимъ Госуда-„ремъ противенъ сталъ," и проч. См. *Архив. Лѣт.* л. 334.

(549) Дѣла Швед. No 1, л. 189 на об.: „Хотимъ послати къ Ливонцамъ „и повелимъ у нихъ выслушати, хотятъ ли они нынѣча въ ноги пасти „и учинити, какъ имъ достойно есть." Въ Апр. 1559 пріѣзжалъ отъ Густава въ Москву гонецъ Матвѣй, въ Окт. Посланникъ Матсонъ, а въ Іюлѣ 1560 Посланникъ Ларсонъ (см. тамъ же, л. 151-202).

(550) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1223.

(551) См. Арнта 242 и слѣд.

(552) См. Дѣла Датскія, No 1. Послы пріѣхали въ Москву 19 Марта 1559: Клаусъ Урне или Vhroe, Войдиславъ Вобиссеръ, Петръ Бильде и Іеронимъ Теннервъ (Thennerw или Ternetz), Секретарь и Докторъ Пранъ.

(553) См. тамъ же. Въ сей грамотѣ сказано: „Мы для Фредерика Ко-„роля васъ пожаловали; дали вамъ *тихое перестоянье* на 6 мѣсяцъ отъ Маія 1."

(554) См. выше. Въ *Архив. Лѣт.* 307: „Прислалъ К. Дм. Ив. Ви-„шневецкой (въ Маѣ 1558), что приходилъ къ Перекопи . . . . а стоялъ „и ночевалъ за 10 верстъ, и пошелъ къ Днѣпру на Тованской перевозъ „ниже Исламъ-Кирмени полтретцеть верстъ и стоялъ 3 дни . . . . Царь „Крымскій со всѣми людьми былъ въ осадѣ, и пришелъ на Хортицкій ос-„тровъ далъ Богъ здорово; тутъ дождался Дьяка Ржевскаго съ суды и „встрѣтилъ Дьяка выше пороговъ, и съ коши и съ запасы оставилъ вы-„ше пороговъ на Монастырскомъ острову, а Дѣтей Боярскихъ, кото-„рые поистомилися, отпустилъ къ Государю, а у себя оставилъ не мно-„гихъ . . . . и пошелъ лѣтовати въ Исламъ-Кирменъ и приходити на „Улусы за Перекопь и подъ Козелецъ . . . . и Государь послалъ къ не-„му и къ Дьяку съ золотыми," и проч.

(555) Въ *Архив. Лѣт.* 315: „Писали изъ Свіяжскова города, приходили „Крымцы (въ Іюлѣ 1558) . . . . и Горніе люди, Кочакъ К. съ товарищи, „побили ихъ; а Крымцовъ было 300 человѣкъ . . . Приходили Крымцы на ры-„боловы на Волгѣ, и Ив. Клушинъ съ Вятчаны побилъ ихъ; а было ихъ 100 „человѣкъ, а ушло шесть."

(556) Курбскій пишетъ, что сія вѣсть дана была Хану изъ Москвы отъ Татаръ.

(557) Въ *Архив. Лѣт.* 227: „Отъ Исмаила К. дѣти отступили и съ „Улусы, и многіе Мурзы, и пошли въ Крымъ служити."

(558) Въ *Архив. Лѣт.* 330-332: „Пришли (Крымцы) на Мечю, за два днища „до Украйны, и тутъ поймали рыболововъ 5 человѣкъ, и рыболовы сказали . . . . и шелъ за нимъ" (Вороьшнскій за Царевичемъ) „до Аскала „(Оскола) и къ Донцу . . . . а на сакмѣ его много тысячь мертвыхъ лошадей и верблюдовъ," и проч.

(559) *Архив. Лѣт.* 332 и 336 на об. Вишневецкій и Данило Адашевъ поѣхали изъ Москвы въ Фев. 1559. Первый въ Апрѣлѣ прислалъ къ Государю 14 языковъ Крымскихъ, извѣстивъ его, что онъ разбилъ на Идарѣ близь Азова 250 Татаръ, шедшихъ къ Казани, и что Михайло Черкашенинъ истребилъ еще другой отрядъ Ханскій.

(560) См. Курбскаго.

(561) Въ *Архив. Лѣт.* 337 на об.: „*И какъ пришли подъ Очаковъ, и* „*тутъ взяли корабль, и Турчанъ и Татаръ побили, а иныхъ поймали съ* „*рожи, и пришли на Чюлу островъ на море, и тутъ на протокахъ взя-* „*ли другой корабль . . . . и пришли на Крымскіе Улусы, на Ярлашъ о-* „*стровъ, и тутъ многіе верблюжьи стада поймали . . . . и пришли на* „*сидячихъ людей, на Кременчикъ, да на Коршалы, да на Когольникъ, отъ* „*Перекопи за 15 верстъ, и послали передъ собою К. Ѳед. Хворостина . . . .* „*и повоевали, и отошли на Озибекъ островъ,*" и проч. Тамъ же л. 348 на об.: „*Коли Данило съ моря приходилъ на Улусы, тогда у нихъ страхъ* „*былъ великой отъ Царева и В. К. приходу . . . и всею землею ко Царю* „*(Хану) приходили, чтобы . . со Царемъ и В. К. помирилъ, а отъ Днѣпра* „*Улусомъ нужа великая.*" Выше, л. 338 на об.: „*пошли вверхъ Днѣпромъ* „ . . . . *и далъ Богъ и перевозы и пороги прошли . . . . и тутъ прибѣжалъ къ* „*Данилу отъ Царя (Хана) Ѳ. Ершовской, а служилъ въ Крыму, а ска-* „*залъ, что Царь ходилъ за Даниломъ Св. недѣлю . . . . и возъярився хо-* „*четъ нынѣ на Монастырской островъ приходити . . . и Данило послалъ* „*про Царя провѣдати Нечая, и наѣхалъ Царевы станы за 15 верстъ, а Царь* „*на спѣхъ пошелъ прочь.*" — *Вѣсть о томъ получена Государемъ въ Іюлѣ.*

(562) Тамъ же: „*Руская сабля въ нечестивыхъ тѣхъ жилищехъ кровію* „*очервлена не бывала и по се время, ниже трубѣ прежъ сего гласящи,* „*православно воинство созывающе.*"

(563) Съ Марта 1559 Царь *началъ-было готовиться къ большому походу* на Крымъ со всѣми знатнѣйшими Воеводами, оставляя Главою Москвы брата, К. Юрія (см. *Розряд. Кн.*, г. 1559).

(564) Въ *Архив. Лѣт.* 339-346: „Царь Крымскій Нагайскихъ Мурзъ побилъ въ Крыму, а Юсуфовы дѣти убѣжали въ Нагаи . . . . Прислалъ „съ Дону Постельничей Игнатей Вешняковъ, что шли въ Крымъ Наг. „Мурзы, Арасланова братья . . . . и Игнатей нешелъ ихъ на устьѣ „Днѣпра и поймалъ . . . . Писалъ (въ Дек. 1559) Ив. Выродковъ изъ „Астрахани, что Исмаилъ отпустилъ сына своего на Крымъ, и „Иванъ съ нимъ отпустилъ дву Мурзъ Нагайскихъ, а съ ними Ас- „траханскихъ людей . . . . Того же мѣс. пришли съ Днѣпра Атаманы „Черкаскіе, Гаврило Слѣпецкой, да Сем. Высоцкой, а оставливалъ ихъ „на полѣ Дан. Адашевъ, и привели Мурзъ Нагайскихъ Кипчацкого Улу- „су . . . . а сказываютъ, приходили Атаманы послѣ Данила въ осень што

„тажды на Крымъ Улусы и на топъ Кипчацкой Улусъ, и взяли женъ и „дѣтей, и Мурзы къ нимъ пріѣхали сами на Государево имя, и увѣрясь „съ ними, тѣ Атаманы и Казаки Черкаскіе пришли всѣ на Крымъ Улу„сы . . . и бой былъ имъ съ Крымцы великой, и побили . . . . и пой„мали многіе Улусы, и 7 Мурзъ убили . . . . а Царю Крымскому рознь „великая съ Нагаи, и *голодъ въ Крымѣ великой.*" Слѣдующія извѣстія выписываю изъ Синодальнаго Лѣтописца No 270, въ листъ, и съ такими же раскрашенными изображеніями, какъ въ Царственной Книгѣ; онъ идетъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лѣтописцевъ времени Іоаннова: и буду называть его *Продолженіемъ Царственной Книги.* Л. 478 „Прислалъ изъ „Асторохани Иванъ Выродковъ (въ Мартѣ 1560), что ходили Мырзы къ „Крыму воевати и воевали добрѣ Царевы стада, и Ширинскихъ Князей „всѣхъ Улусы повоевали . . . . и Исмаилъ къ Государю прислалъ бити „челомъ, чтобы ему на Крымъ изъ Асторохани помочь была . . . . и „Государь отпустилъ Пословъ своихъ къ Исмаилю, и приказалъ, что на „Донъ Козаковъ пошлетъ, а онъ бы промышлялъ надъ Крымомъ . . . . При„слали Мырзы (въ Апр.) съ Дону, чтобы Государь велѣлъ имъ кочевати „промежъ Дону и Волги, и на Крымъ бы имъ помочь учинилъ; а Исмаи„лю они добили челомъ; а ходили, сказываютъ, послѣ Исмаилева сына . . . . „и пришли къ Перекопи, и въ тѣхъ мѣстѣхъ Улусовъ не было: были за „Перекопью, а иные, Крымскіе и Нагайскіе, збѣгли за Днѣпръ на Литов„скую сторону; и ходили за Днѣпръ, и нашли Улусы Нагайскіе и при„стали всѣ ко Торпаръ-Мурзѣ съ товарищи, и Крымскіе Улусы повое„вали, и подъ Бѣлгородъ и подъ Очаковъ и по рѣкамъ, по Буту и по Ин„гуломъ . . . . и шли назадъ мимо Перекопь, и вылазка не была: сидѣли „отъ нихъ Крымцы въ осадѣ во всю зиму, и Казаки Государевы съ Дону „съ пищалями были съ ними же, и пришли на Донъ. Отпустилъ Царь „(въ Маѣ) на Донъ Чягри-Бердѣя Мырзу, Кепчака Нагайскаго, а съ нимъ „Данила Чюлкова, а съ нимъ Козаковъ многихъ, а велѣлъ имъ быти съ „Мырзами за-одинъ . . . . и ослободилъ имъ во всѣ свои городы ѣздити „торговати."

Не смотря на то, Крымцы еще дѣлали набѣги на Россію. Въ *Архив. Лѣт.* 337: „Приходили къ Пронску" (лѣтомъ въ 1559 г.) Крымскіе люди, „и Василій Бутурлинъ ихъ побилъ, взялъ языковъ 16 и прислалъ къ Го„сударю." Въ Розрядн. Книг.: „Были на Коломнѣ (въ 1559 г.) Воеводы Ив. „Петр. Ѳедоровъ, да Вас. Андр. Бутурлинъ, да К. Вас. Мих. Троеку„ровъ; и приходили Царевичи, и Воеводы послали Головъ . . . . и Царе„вичей побили, и многіе языки поймали, и за послугу къ нимъ былъ при„сланъ съ золотыми К. Петръ Холмской." Въ другихъ Розрядахъ именованъ, вмѣсто Холмскаго, Левъ Андр. Салтыковъ. — Другой набѣгъ былъ на Тульскія мѣста. Въ *Архив. Лѣт.* 342 на об.: „Пріѣхали (въ Ноябрѣ „1559) къ Государю въ Можаескъ два Татарина Крымскіе, а сказывали, „что пришолъ изъ Крыму Диви Мурза Нагайской, да съ нимъ Мурзы Ши„ринскіе, на Украйну войною, а съ ними 3000 человѣкъ. Того же мѣсяца „писалъ съ Тулы Воевода, К. Ѳед. Ив. Тапіевъ, что приходилъ Диви Мур„за и воевали Ростовскую волость безвѣсно, и К. Ѳедоръ на нихъ при-

„ходилъ и языки поймалъ, а за ними не ходилъ, что люди къ нему вскорѣ „не собралися."

(565) См. *Архив. Лѣт.* л. 348. Гонецъ отъ Хана пріѣзжалъ въ Генв. 1560.

(566) Въ *Архив. Лѣт.* 340 и 349: „Пріѣхалъ съ Дону" (въ Сент. 1559) „К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ Мурза Черкаской, и билъ „челомъ отъ всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ, далъ бы имъ „Воеводу своего въ Черкасы, и велѣлъ бы ихъ крестити всѣхъ . . . . От-„пустилъ Царь (въ Февр. 1560) въ Черкасы Воеводу своего, К. Д. Виш-„невецкаго, а съ нимъ Князей Черкаскихъ, К. Ивана Баашика, да К. Ва-„силья Сибока съ братьею, и Поповъ Хрестьянскихъ, а велѣлъ ихъ кре-„стити по ихъ обѣщанью и по челобитью . . . . По челобитью Кабардин-„скихъ Князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (Царь) Воеводу „Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шевкалъ и на Тюмень, и съ „Иваномъ отпустилъ Попы Хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ „Черкасъ."

Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1582 г., называетъ Черкесъ Христі-анами Греческой Вѣры (*Moscovia Antonii Possevini*, стр. 9).

(567) См. выше, прим. 479.

(568) См. Дѣла Польск. No 5, 113 — 141.

(569) Аритъ 248 и Гадебушъ 552, г. 1559.

(570) См. Т. VII, стр. 68.

(571) Аритъ 248.

(572) Въ *Архив. Лѣт.* 341 — 343: „Писалъ изъ Юрьева Воевода К. Ан-„дрей Ивановичъ Ростовской, что Маистръ пришолъ (въ Окт.) въ Юрь-„евской уѣздъ Сангашцкую мызу, и Царь послалъ Боярина А. Д. Басма-„нова во Псковъ къ Боярину К. Юрью Ив. Темкину, а велѣлъ отпусти-„ти изо Пскова Воеводъ Зах. Плещеева, а съ Краснова и съ Вышегорода „Замятню Сабурова, да Ал. Скрябина, и велѣлъ имъ приходити на загон-„щиковъ и провѣдывати до-полна, коимъ обычаемъ Маистръ измѣнилъ . . . . „Прислали (въ Ноябрѣ) къ Государю въ Можаескъ Воеводы Зах. Плещеевъ „съ товарищи, что они не въ одномъ мѣстѣ побивали Нѣмецк. людей, а „языки сказываютъ, что пришолъ Треградцкой Князецъ Мошкалко, а съ „нимъ люди Заморскіе, а Маистра и Арцыбискупа дожидатца имъ въ тѣхъ „мызахъ . . . . А итти Маистру къ Юрьеву и стояти всю зиму, и не взявъ „Юрьева прочь нейти . . . . и Маистръ сталъ воевати по селамъ Юрьев-„скихъ людей . . . . Государь велѣлъ итти К. Ю. Темкину и А. Басманову „изо Пскова къ Юрьеву . . . и Стрѣльцовъ многихъ послалъ въ Юрь-„евъ . . . . Писалъ Зах. Плещеевъ, что приходили на нихъ Нѣмцы, Тре-„градцкой Князецъ, да ихъ стоптали, и Воеводу А. Скрябина убили, да „Дѣтей Боярскихъ 20 человѣкъ, да 30 Боярскихъ людей." Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „Маистръ приходилъ на нашихъ дважды искрадомъ, побивалъ „людей, а иныя, пометавъ кони и всякой запасъ, на лѣсъ убѣгли." Тогда Государь выслалъ изъ Москвы Большихъ Воеводъ противъ Магистра. Далѣе въ *Архив. Лѣт.*: „Писали Воеводы, К. Ю. Темкинъ, да А. Басма-„новъ, что они пришли въ Изборескъ, въ Юрьевской уѣздъ, а Захарья „съ товарищи не успѣлъ съ ними сойтися, и пришолъ Маистръ и Арцы-

„бискупъ со многими людми и убили 70 Сыновъ Боярскихъ, да 1000 Боярскихъ людей, а кошь взяли. Стояли Воеводы оплошно; подъѣзчиковъ и „сторожей у нихъ не было; сошли ихъ Нѣмцы всѣхъ на станѣхъ.“ Сраженіе было при Руинѣ, а Магистровъ станъ въ Нюггенѣ.

(573) См. Арнша. Въ *Архив. Лѣт.*: „Писалъ (въ Дек.) К. Андр. Ив. Ростовской, что Маистръ отъ Юрьева пошолъ . . . . Изъ города вылазили Дѣти Боярскіе конные и Стрѣльцы, и убили у Маистра человѣкъ „со сто, а Стрѣльцовъ убили съ 30, да дву Сотниковъ, а Дѣти и люди „Боярскіе не многіе ранены.“ Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сія вылазка названа не весьма удачною.

(574) См. Руссова и Гадебуша 554, г. 1559. Въ *Архив. Лѣт.*: „К. Андрей „изъ Юрьева посылалъ А. Чюлкова съ товарищи за Маистромъ, и они „Нѣм. людей побили на Омовжѣ . . . . да послѣ посылалъ Головъ, К. Д. „Кропоткина, да Г. Кафтырева, и они дошли послѣднихъ людей Маистровыхъ, да побили, а живыхъ взяли 37 . . . . Еще посылалъ Головъ К. Глѣба Оболенскаго да Тим. Тетерина, и они дошли послѣднихъ людей . . . „взяли 24 человѣка, и тѣ всѣ сказывали, что Маистеръ пошолъ къ Лаюсу; и К. Андрей послалъ Голову Анд. Кошкарова въ Лаюсъ, а съ нимъ „его Стрѣльцы 100. А въ Лаюсѣ были Головы К. Ан. Бабичевъ, да А. Соловцовъ, и съ ними 100 Сыновъ Боярскихъ, да 200 Стрѣльцовъ.“ Кошкаровъ принялъ тамъ главное начальство. Далѣе: „М. Генв. пріѣхалъ ко Царю А. Кошкаровъ . . . . Приходилъ Маистеръ съ великимъ снарядомъ . . . . „и розбилъ городу 15 саженъ . . . . и приступалъ по два дни тѣмъ мѣстомъ розбитымъ и къ инымъ . . . Побили у Маистра многихъ людей и „поймали въ городъ, и доспѣхи, и всякое ратное орудіе многое, и изъ города изъ наряду розбили у Маистра 2 пушки . . . . И Андрея Государь „за его прямую службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ.“ Кеплеръ оставилъ тяжелыя пушки въ Феллинѣ. См. Арнта.

(575) Дѣла Польск. No 5, стр. 113 — 141. Володковичь пріѣхалъ въ Москву 22 Генв. 1560. Бояре показали ему Ливонскую договорную грамоту о дани: онъ съ удивленіемъ сказалъ, что это ни ему, ни Панамъ Королевскимъ не было извѣстно.

(576) См. тамъ же, стр. 141 — 183. Съ отвѣтомъ Государевымъ посылали къ Королю Никиту Сущова. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Іюля, а 15 пріѣхалъ отъ Августа Дворянинъ Станиславовичь съ грамотою отъ 15 Іюня, въ коей онъ жалуется на взятіе въ плѣнъ стараго Магистра Фирстенберга; но Россіяне взяли Феллинъ и Фирстенберга уже въ концѣ Августа.

(577) Въ *Продолж. Царствен. Кн.* (см. выше примѣч. 564): „Того же мѣс. „(Февр.) пріѣхалъ гонецъ отъ Цысоря Римского, и наивышшаго Короля Фердунандуса, Ериномъ, съ грамотою . . . . И Царь и В. К. гонца „Цысарева отпустилъ почтивъ, а къ Цысарю съ нимъ грамоты послалъ, „объявляя свое Государьство, что ему Богъ далъ, и похочетъ Цысарь „быти въ любви и въ братствѣ . . . . и онъ бы прислалъ своихъ Великихъ Пословъ отъ Совѣтниковъ своихъ, и тогды о всѣхъ дѣлѣхъ договоръ „учинятъ.“ Грамота Фердинандова, отъ 19 Окт. 1558, находится въ Ва-

тиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди. Объяснивъ связь Ордена съ Имперіею и необходимость вступиться за Ливонію, разоряемую нашимъ войскомъ, Фердинандъ убѣждаетъ Іоанна (Serenitatem Vestram benevole hortamur et requirimus) прекратить непріятельскія дѣйствія, возвратить завоеванныя имъ мѣста (et quidquid locorum, terrarum, et subditorum illis ademit, integre restituat), кончить ссору дружелюбнымъ разборомъ, и проч.

(578) Въ *Продолж. Цар. Кн. л. 472*: „Посылалъ изъ Юрьева Бояринъ К. „Ан. Ив. Кафтыревъ (Ростовскій) Вас. Розладина и иныхъ Головъ къ Тар„васу (въ Генв. или Февр.) а тамъ былъ старой Маистръ Велимъ . . . . „и воевалъ (Розладинъ) 3 дни . . . . Посылалъ К. Анд. же К. Глѣба Обо„ленского Вильянскихъ мѣстъ воевати, и К. Глѣбъ воевалъ за 10 верстъ „отъ Вильяна; а какъ пошелъ прочь, и Нѣмцы его угонили и билися . . . . „и у Нѣмецъ многыхъ убили." Главные Воеводы прислали къ Государю въ Февр. Князей Барбашина и Шевырева съ вѣстію о завоеваніи Маріенбурга. Іоаннъ послалъ къ нимъ медали съ К. Палецкимъ. См. тамъ же, л. 473—476, и Курбскаго.

(579) См. выше, и Арита 250.

(580) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(581) См. Курбскаго.

(582) См. Арита 253 и Курбскаго.

(583) См. Курбск. Онъ пишетъ, что къ нему присоединилось тогда 2000 охотниковъ.

(584) Въ *Архив. Лѣт.*: „Февр. 26 (въ 1556 г.) родися Царю и В. К. „дщерь, Царевна Евдокія . . . Крестилъ ее у Чюда Архиепр. Михаила, а „принялъ отъ купѣли Макарій Митрополитъ. — Маіа 11 (1557) родися „сынъ Царю, Ѳеодоръ, на четвертомъ часу дни и крещенъ въ обители „Чюда, у Чюдотворца Алексія; а принялъ его отъ купѣли Митроп. Ма„карій. — Преставися (въ Іюнѣ 1558) дщи Царя Евдокія, и того же дни „ее схоронили въ монастырѣ у Вознесенья."

(585) Анастасія занемогла въ первый разъ въ Нояброѣ 1559, когда Іоаннъ былъ съ нею въ Можайскѣ. Въ *Продолж. Цар. Кн. л. 454* на об.: „Государь хотѣлъ ѣхати вскорѣ къ Москвѣ, да не возможно было ни вер„хомъ, ни въ санехъ: безпута была кромѣ обычая на много время; а се „грѣхъ ради нашихъ Царица недомогла."

(586) Тамъ же, л. 486: „17 Іюля на семомъ часу дни загорѣлося на Арба„тѣ у Ризъ Положенія Князя Ѳедоровской дворъ *Пожарьского*" — (здѣсь, кажется, въ первый разъ упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*) — „и по„горѣ много множество храмовъ и дворовъ отъ Успленского врага подлѣ „полое мѣсто до дровяного двора и берегъ весь до Клементія Св. въ Чер„торьѣ и по Семчинское сельцо по Пречистую на Могилицахъ, и Арбатъ „весь и за Арбатъ по Новинской монастырь; а Царица и В. К. Анаста„сія въ то время бысть больна, и Царь и В. К. Великую Княг. отпрова„дилъ во свое село Коломенское съ великою нужею, зане же болѣзнь ее „бысть велика зѣло; и пріѣхалъ на пожаръ, и великъ подвигъ учинилъ со „К. Владиміp. Андреев. и съ Бояры о унятіи пожара . . . . а у Леонтія

„Св. на Успенскомъ врагу ставъ встрѣчю огню . . . . и тако въ той „ночи досталь посаду сохранена бысть. Іюля въ 19 на 5 часу дни загорѣ„лося на Большомъ посадѣ въ Ромодановской слободѣ, и погорѣ дворовъ „съ 20. Того же дни на осьмомъ часу загорѣся за Неглинною по Дмит„ровской улицѣ . . . . и погорѣ много имѣнія, и едва Царь съ дворомъ „своимъ угасише огнь. . . . "

„Авг. въ 7, въ пятый часъ дни, преставися Царица и В. Княгиня Ана„стасія . . . . Та бысть *первая* Царица Руская *Московского Государь„ства*," и проч.

(587) Тамъ же, л. 490: „Всѣ нищіи и убозіи со всего града пріидоша на „погребеніе не для милостыни," и проч.

Дополнительная выписка изъ лѣтописей сего времени:

Въ 1553 г. основанъ городъ въ Мещерѣ, въ Шацкихъ воротахъ, на рѣкѣ Шатѣ, К. Дм. Сем. Шестуновымъ. — Въ 1554, 11 Марта, поставленъ на Крутицу Владыка, Новоспасскій Архим. Нифонтъ, а на *Рязань* Гурій, Игуменъ Троицкій. На полѣ, противъ Тулы, сдѣланъ городъ *Дедиловъ* К. Дм. Жижемскимъ. 23 Мая Новогородцы присягали Царю. Іюня 22 въ Новѣг. *заложили* церковь надъ гробомъ блаженнаго Николы Кочанова. Въ Сент. ѣздилъ Царь къ Троицѣ. „Повелѣ Государь воздвигнути церковь „Покровъ съ придѣлы надо рвомъ у града близъ Фроловскихъ воротъ; а „прежъ сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали церкви; и Сент. 30, въ Недѣлю, „Макарій Митр. Вечерню пѣлъ въ новопоставленномъ храмѣ (и бѣ ту „Государь и братъ его, К. Юрій Вас.), и Окт. 1 свяща ту церковь . . . . „Окт. 7 священа церковь Николы Гостунского Макар. Митрополитомъ. „Окт. 8 выѣхалъ Государь въ село свое Черкизово, и въ Клинскіе „лѣса, и на Волокъ, и въ Можаескъ, и въ Княже Володимірово се„ло Городенъ, и К. Владиміръ Андр. его встрѣтилъ, и Государь жало„валъ его, хлѣба ѣлъ и пировалъ; а оттолѣ въ свое село Денисьево и въ „Крылатцкое, и тамъ велѣлъ церьковь священи. Окт. 20 съ 1 часу но„чи до 5 было (въ Новѣг.) на небеси знамя: огнь ходилъ аки молонья, и „жгло небо; а ходило полосами, и бѣлыми и красными, и расходилось и „сшибалось вмѣстѣ аки люди. Женилъ Государь (въ Ноябрѣ) К. Ив. Дм. „Бѣльского: далъ за него сестричну свою, Царевичеву Петрову внуку, „дщерь К. Вас. Васильев. Шуйского; а выдавалъ ее съ своего Двора. Прі„идоша (въ Дек.) Старцы отъ горы Аѳонскія изъ Хиландаря монасты„ря Сербского, и били челомъ, чтобы ихъ Государь взялъ во Царское „свое имя: а мы выкупаемъ Вѣру Крестьянскую у Салтановъ, а соль не „имѣемъ, но сами дѣлаемъ винограды и землю копаемъ; и Государь ихъ „взялъ во свое имя, и строеніе церковное посылаетъ. Генв. 1 (1555) давали „Дьяки по монастыремъ (въ Новѣг.) Татаръ, которые сидѣли въ тюр„мѣхъ и захотѣли креститися; а которые не захотѣли, ино ихъ мета„ли въ воду . . . . Того жъ мѣсяца пришли Послы отъ Волошского Во„еводы Александра, Стопанъ Перкалабъ Романовской, да Микула Перко„лабъ Сорокичь, бити челомъ, чтобъ Государь помогъ, чѣмъ откупитися „отъ Турского, и Государь Пословъ отпустилъ по прежнимъ обыча„емъ . . . . По всѣмъ монастыремъ Новгородскимъ збирали деньги на Вла-

„дыку Казанского, да и книги пѣли. Да блюдо было огуречное дорога,
„гривенка 20 алтынъ, а блюдечко по гривнѣ Новгородская; и мосты мо-
„стили по всѣмъ дорогамъ Великого Князя; да опальныхъ людей и Пско-
„вичь свели въ Казань 10 семей; да и бумага дорога была, листъ полден-
„ги нищей . . . . Сгорѣло (въ Новѣ.) 15 улицъ, а дворовъ 1500 . . . ,
„Старцы Святогорского монастыря ѣздили по всѣмъ монастырямъ, про-
„шали милостыни, а съ ними Сынъ Боярской Московской; а Царь и В.
„К. прислалъ по монастырямъ милостыню и кормы. — Марта 17 поста-
„вленъ въ Смоленскъ Владыка, Кириловской Игуменъ Симеонъ, а Гурей
„оставилъ Епископство за немощью и сниде въ монастырь . . . . Апр.
„28 женилъ Царь и В. К. брата своего, К. Владим. Андреев., взялъ за не-
„го дщерь Княжъ Романову Одоевского, Евдокію . . . . Пришли Священ-
„ники съ Вятки били челомъ Государю, что на Вяткѣ образъ Николы
„Великорѣцкаго чюдеса творитъ, да онъ много лѣтъ не подѣлыванъ, и
„Государь велѣлъ имъ съ образомъ въ судѣхъ быти, и шолъ образъ Вят-
„кою и Камою, да Волгою и Окою, а съ Коломны Москвою, и принесенъ
„бысть Іюня 29, и Государь велѣлъ брату своему, К. Юрью Вас., встрѣ-
„тити у Николы на Угрѣшѣ у судна на рѣкѣ Москвѣ, а на Симановѣ
„встрѣтилъ самъ Царь, а Владыки у Яузкого мосту, а Митрополитъ у
„Фроловскихъ воротъ, и поставиша въ Соборной церкви, и много исцѣ-
„ленія быша по вся дни. И обновляя образъ самъ Митрополитъ (бѣ бо
„иконному писанью наученъ), а съ нимъ Андрей Протопопъ Благовѣщен-
„ской . . . . . и много образовъ съ него пишуще мѣрою и подобіемъ; и
„Государь велѣлъ заложить церковь камену Покровъ о девяти верхахъ,
„которой былъ прежде древянъ, о Казанскомъ взятьѣ у Фроловскихъ во-
„ротъ надо рвомъ придѣлъ той же церкви Живонач. Троицы Николу Чу-
„дотворца Вятцкаво; а прежъ того за два года заложена едина Троица,
„и Государь велѣлъ прибавить къ той же церкви Покровъ Богоматери
„и придѣлы, и поставити церковь древяну Св. Николы Вятцково, и съ
„его образа такой же написати въ новый храмъ Покрова, и свяща ю Ми-
„трополитъ Іюля въ 29; и чюдотворнымъ образомъ исцѣленія многа бы-
„ша. — М. Марта (1556) явилася звѣзда копейнымъ образомъ съ теплаго
„вѣтра межъ Полудни и Запада, и днію и нощію хождаше къ Востоку
„и не много поступаше къ Сѣверу весь Мартъ. Тогоже лѣта Госпожи-
„на дни заговѣнья бысть знаменіе (во Псковѣ) того мѣста, гдѣ звѣзда
„была на небеси, явися яко змій образомъ безъ главы стояще, станъ не
„далече отъ земля на небеси, и зрящимъ людемъ, что яко хоботъ хвостъ
„збираше, и бысть яко бочка, и спаде на землю огнемъ, и бысть яко дымъ
„по земли, и подхя ю. а стояше съ часъ. Авг. 3 отпущенъ изъ Москвы
„образъ Николы на Вятку, украшенъ златомъ и жемчюгомъ; и Царь и
„Царица проводили до Пречистые до Ямъ, и тутъ обѣдню слушали; а
„К. Юрьи Васильев. провожалъ образъ до Ростокина, и отпущенъ образъ
„на Устюгъ. Васильгородъ переставленъ на гору. Позлащенъ верхъ у
„Троицы Сергія. Сент. 1 выѣхалъ Царь съ Царицею и съ сыномъ, и братъ
„его К. Юрьи Вас. ко Троицѣ, и оттуду въ Переславль къ Никитѣ Чю-
„дотворцу, и повелѣ Игумену общину содѣлати, и велій монастырь со-

„градины, и пріѣхали къ Москвѣ 29. Пришелъ отъ Патріарха Діонисія изъ „Царяграда Митрополитъ Іоасафъ Кизицкой, а привезъ къ Государю мо- „щи Георгія Мученика, да Пантелеймона, да Варнавы Апостола, и Па- „тріархъ билъ челомъ *для пути о милостынѣ*, и уложилъ соборнѣ моли- „ти Бога о Царѣ. 1 Ноября священа церковь Ивана Лѣствичника, да при- „дѣлъ Евдокіи у Чюда Михаила Арханг. на заднихъ воротѣхъ строенья „Ц[illegible]; а пѣлъ тутъ самъ Царь и Царица. 1 Дек. поставленъ городъ „въ Галичѣ Ив. Выродковымъ. — Отпущенъ (въ Генв. 1557) Митропол. „Греческой, а съ нимъ Государь посылалъ къ Патріарху соболей на 2000 зо- „лотыхъ: а въ Хиландарь монастырь многую милостыню, да катапетазму „шиту, на ней образъ І. Х. и *Богоматери*, также утварь съ жемчюгомъ и „яхонты; и пѣлъ тогда Государь молебенъ въ Пречистой, и Митро- „политъ Греческой облачался по-Гречески и Священики Сербскіе; и Ми- „троп. Макарій обѣдню служилъ съ Руск. Соборы; и къ Митрополиту „послалъ Царь съ грамотою Ивашка Волохова, а въ Св. Гору бывшаго „Архимандр. Ефимьева *монастыря*, Ѳеодорита. Почаша писцы (см. Архив. „*Псков. Лѣт.*) писати городъ Псковъ и пригороды, и земли мѣрити, и об- „роки велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша. Бысть „гладъ по всей земли, а больше въ Заволожьѣ: во время жатвы дожди бы- „ли великіе, а за Волгою морозъ хлѣбъ побилъ, и люди помроша; а зима „*студена*, и снѣги паче мѣры. Окт. 28 *Игуменъ* Спаской Маркелъ Ху- „тынскаго монастыря, оставя Игуменство, жилъ въ Антоновѣ монасты- „рѣ, да сотворилъ житіе Никитѣ, Епископу Новгородскому, и Канунъ, „да поѣхалъ къ Москвѣ. — Пришли за милостынею (въ 1558 г.) отъ Па- „тріарха Іоакима изъ Александреи старцы съ грамотою, а писалъ Патрі- „архъ похваляя Государя" . . . . Слѣдуетъ многорѣчивое письмо и отвѣтъ Царя. „Апр. въ 30 обрѣтоша мощи Епископа Св. Никиты цѣлы . . . . и „послаша къ Москвѣ. — Іюня въ 24 поѣхалъ къ Москвѣ (изъ Новагорода) „Архидіаконъ Генадей, а ѣхати ему ко *Царюграду* и во Іерусалимъ, и во „Св. Гору и во Египетъ по монастыремъ съ милостынею Царскою, и обы- „чаи во странахъ тѣхъ писати ему. Іюля 26 Архим. Юрьевской повезъ въ „Москву шапку Іоанна Златоустаго Лисья монастыря, да ризы Никиты „Чудотворца, Еписк. Новог. Въ Февр. (1559) родися сынъ у К. Юрья Ва- „сильев. Московского, Углецково и Колужсково, К. Василей Юрьев.; а кре- „стили у Чюда Архистр. Михаила; а принялъ отъ купѣли Митроп.; а на кре- „щеньи былъ Государь и К. Влад. Андреевичь. Въ Сент. пошолъ Государь „въ монастырь къ Троицѣ и по селомъ. Окт. 1 священы предѣлы въ но- „вомъ городѣ у Фролов. воротъ, что ставлены о Казан. взятіи и Астра- „ханскомъ, Живон. Троица, да Входъ во Іерусалимъ, да Никола Велико- „рѣцкой, Кипреянъ и Устинія, Варламъ Хутынскій, Александръ Свирскій „Григорей Еписк. Арменскій, — Александръ, Иванъ и Павелъ, новые Па- „тріархи Цареградцкіе; а были тутъ Царь, Царица и Царевичи . . . . а „большая церковь средняя, Покровъ, тогда не совершена. Ходилъ (въ Окт.) „Государь въ Можаескъ къ Николѣ молитися и со Царицею и со Царе- „вичи, и въ *иные монастыри* и въ села *прохлажатися*. — Фев. 20 (1560) „преставился К. Василей Юрьевичь, Княжъ Юрьевъ сынъ Васильевича,

„году безъ дву недѣль, и о семъ Государю скорбь бысть не мала. Тоѣ же „ночи родилася К. Володимеру Андреев. дщерь Евдокія отъ его Княг. „Евдокія, и Царь, а съ нимъ сынъ его, Царевичъ Иванъ, да Царь „Александръ Казанской и многіе Бояре на завтрее того у К. Володимера Андр. на его радость были и овощи кушали."

Конецъ примѣчаній VIII Тома.

Замѣченныя опечатки въ VIII томѣ.

Напечатано:	*Читай:*	*Стран.*	*Стр.*
Кальгою	Калгою	20	31
ему	ему (Исламу)	26	32
mревожиmъ	mревожиmь	27	5
опасноu	опасной	37	16
госпо сmво	господсmво	45	4
просшесmвіемъ	происшесmвіемъ	67	22
Шихъ - Алей	Шигъ - Алей	130	14
виновиковъ	виновниковъ	153	12
Казанцевъ	Казанцевъ,	188	2
небо	Небо	189	18
5000	1500	225	16
пеъедовый	передовый	241	19
несоглашался	не соглашался	247	3
но	, но		8
Осmавъ	Осmавъ		23
ударилъ	,ударилъ	251	11
Лиmву	Лиmву	257	2
лич о	лично	274	21
маяmности	маеmносmи	285	11
Ливоніи	Ливонію	289	5
ко Тарвасmу	къ Тарвасmу	304	4
вѣmрѣ;	вѣmрѣ,	307	21
Оглавленія	Оглавленіе	313	30
Примѣчаніе	Примѣчанія		31
предѣлы	придѣлы	322	39
анры	раны	362	46
до	да	364	34
tvery ltle	very little	376	2
theiz	their		11
росхищены	расхищены		22
хохmями	когmями		24
Плещеенъ	Плещеевъ	392	38
Сmенанъ	Сmепанъ	395	43

РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ

РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не всѣ, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оставляю другому сочинишь полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (+), или тотъ, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая*; *третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

Роспись I.

Ярославъ Великій.

Илья. ✠ 1020.

Владиміръ. ✠ 1052.

Изяславъ. См. No II.

Святославъ. См. No III.

Всеволодъ (женатъ на Греческой Царевнѣ). См. No IV.

Вячеславъ (женатъ на *Одѣ*, Графинѣ Штадской).

Игорь (женатъ на *Кунигундѣ*, Графинѣ Орламиндской).

Елисавета (за *Гаральдомъ*, Королемъ Норвежскимъ).

Анна (за *Генрикомъ* I, Королемъ Французскимъ).

Ан... (за *А...*, Корол... Венгерс...

Ростиславъ. ✠ 1065. (сынъ Владиміра)

Рюрикъ. ✠ 1094. Володарь. Василько. (сыновья Ростислава)

Борисъ. ✠ 1079. (сынъ Вячеслава)

N. N. Давыдъ. (сыновья Игоря)

Ростиславъ. 1126. Владимірко. ✠ 1153. Дочь за сыномъ Императора Греческаго, *Алексія*. (дѣти Володаря)

Иванъ. Григорій. (сыновья Василька)

Мстиславъ. 1099. (сынъ N. N.)

Всеволодко (зять *Мономаховъ*). 1127. (сынъ Давыда)

Іоаннъ *Берладникъ*. 1144. (сынъ Ростислава)

Ярославъ. ✠ 1188. (сынъ Владимірка)

Борисъ. 1151. Мстиславъ. 1167. Глѣбъ. 1167. (сыновья Всеволодка)

Ростиславъ. (сынъ Іоанна)

Владиміръ (женатъ на *Болеславѣ*, дочери *Святослава* Всеволодовича Черниговскаго). 1198.

Олегъ, сынъ наложницы.

Дочь за Королемъ Венгерскимъ, *Стефаномъ* III. 1167.

(дѣти Ярослава)

Сынъ, женатъ на *Өеодорѣ*, дочери *Романа* Галицкаго. (сынъ Владиміра)

Роспись II.

Изяславъ, сынъ *Ярослава* Великаго.

Мстиславъ.

Святополкъ-Михаилъ.

Евпраксія (за сыномъ Болеслава II).

Ярополкъ.

Мстиславъ, сынъ Мстислава: Ростиславъ. 1093.

Сыновья и дочери Святополка-Михаила:

- Мстиславъ (отъ наложницы). 1099.
- Брячиславъ. ✠ 1127.
- Ярославъ, или Ярославецъ. ✠ 1123.
- Изяславъ. ✠ 1127.
- Сбыслава (за *Болеславомъ* Кривоустымъ, Королемъ Польскимъ). 1102.
- Передслава (за сыномъ *Коломана*, Короля Венгерскаго). 1104.

Сыновья Ярополка:

- Ярославъ. ✠ 1102.
- Вячеславъ. ✠ 1105

Сыновья Ярослава (Ярославца):

- Юрій (женатъ на дочери *Всеволодка*, внукѣ *Мономаховой*). 1144.
- Вячеславъ. 1127.

Дѣти Юрія:

- Ярополкъ. 1190.
- Иванъ. 1166.
- Святополкъ. на 1168.
- Глѣбъ. 1185.
- Ярославъ. 1185.
- Мальфрида (за *Всеволодомъ*, сыномъ *Ярослава Изяславича*, внука *Мстислава* Великаго).
- Анна, супруга *Рюрикова*.

Роспись III.

Святославъ, сынъ Ярослава Великаго.

- **Глѣбъ.** ✠ 1078.
- **Давидъ.**
  - **Изяславъ.** ✠ 1161.
    - Дочь (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, внукомъ Мономаха). 1154.
  - **Святоша.** 1099-1106.
    - Дочь (за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха).
  - **Владиміръ** (ж. на дочери Всеволодка, внукѣ Мономаховой). ✠ 1151.
    - **Святославъ** (зять Боголюбскаго). ✠ 1166.
  - **Ростиславъ.** ✠ 1120.
- **Ярославъ.** См. No. VIII.
- **Олегъ-Михаилъ.**
  - **Всеволодъ.** ✠ 1146.
    - **Святославъ** (ж. на дочери Василька Полоцкаго). ✠ 1194.
      - **Глѣбъ.** 1185-1205.
        - **Евфимія** (за Царевичемъ Греческимъ Алексіемъ, сыномъ Исаакія. 1194.
        - **Мстиславъ.** 1239.
      - **Владиміръ** (зять Михаила Суздальскаго). 1176-1182.
      - **Олегъ.** 1176-1210.
        - **Давидъ.** 1190.
        - **Борисъ.** 1166.
      - **Всеволодъ Чермный** (ж. на Маріи, дочери Казиміра, К. Польскаго). ✠ 1215.
        - Дочь (за Кирь-Михаиломъ Рязанскимъ).
        - Дочь (за Георгіемъ, сыномъ Всеволода Великаго). 1211.
        - **Св. Михаилъ Черниговскій.** ✠ 1246.
          - **Ростиславъ** (зять Белы, Короля Венгерскаго).
            - **Бела.**
            - **Михаилъ.**
            - **Агриппина** (за Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ).
          - **Глѣбъ Брянскій.**
          - **Мстиславъ Карачевскій.**
          - **Симеонъ Глуховскій.**
          - **Юрій Торускій.**
            - **Всеволодъ.**
              - **Андрей.** 1261.
            - **Константинъ.**
          - **Марія** (за Василькомъ Ростовскимъ).
      - Дочь (за Романомъ Глѣбовичемъ Разанскимъ).
    - **Ростиславъ.** 1147.
    - **Ярославъ.** ✠ 1200.
      - **Ростиславъ** (ж. на Всеславѣ, дочери Всеволода Великаго). 1187.
      - **Ярополкъ.** 1197-1214.
    - **Святополкъ.** ✠ 1162.
    - Дочь (за Владиславомъ Герцогомъ Польскимъ).
    - **Звенислава** (за Болеславомъ, братомъ Владислава, Герцога Польскаго). 1142.
  - **Глѣбъ.** ✠ 1138.
    - **Изяславъ.** ✠ 1134.
    - **Ростиславъ.** 1142.
  - **Игорь.** ✠ 1147.
  - **Святославъ.** ✠ 1166.
    - **Олегъ** (зять Ростислава Мстиславича Смоленскаго (жен. на Агапіи). ✠ 204.
      - **Святославъ-Борисъ.** 1185.
    - **Всеволодъ.** ✠ 1196.
    - **Игорь-Георгій.** ✠ 1202.
      - **Владиміръ** (зять Хана Кончака). ✠ 1212.
        - **Изяславъ.**
        - **Всеволодъ.**
      - **Романъ.** 1212.
      - **Святославъ** (зять Рюриковъ). 1205.
        - **Олегъ Курскій.** 1228.
      - **Олегъ-Павелъ.** 1176.
    - **Владиміръ.** ✠ 1201.
- **Борисъ.**
- **Романъ.**

Роспись IV.

Всеволодъ, сынъ Ярослава Великаго.

- **Янка.** ✠ 1113.
- **Евпраксія** (за Императоромъ Генрикомъ IV?). ✠ 1109.
- **Екатерина.** ✠ 1108.
- **Владиміръ Мономахъ.** (Первая его супруга Гида, дочь Англ. Короля Гаральда.) ✠ 1125.
  - **Мстиславъ Великій.** (Первая его супруга Христина, дочь Шведск. Короля Инга Стенкильсона.) ✠ 1132.
    - **Всеволодъ-Гавріилъ** (ж. на дочери Святоши). ✠ 1138.
      - **Іоаннъ.** ✠ 1128.
      - **Владиміръ.** 1136.
      - **Верхуслава** (за Княземъ Польскимъ).
    - **Изяславъ.** ✠ 1154.
      - **Мстиславъ.** См. No VI.
      - **Ярославъ.**
        - **Мстиславъ Нѣмый.** 1184.
          - **Иванъ.** 1227.
        - **Всеволодъ** (ж. на Мальфридѣ, дочери Юрія Ярославича Туровскаго).
        - **Изяславъ.** ✠ 1196.
        - **Ингварь.** 1202.
          - **Ярославъ.** 1229.
          - **Владиміръ.**
          - **Изяславъ.** ✠ 1224.
      - **Ярополкъ** (ж. на дочери Святослава Ольговича).
        - **Василько.**
      - **Дочь** (за Рогволодомъ Борисовичемъ Полоцкимъ). 1144.
    - **Ростиславъ.** ✠ 1168. См. No V.
    - **Святополкъ** (ж. на Княжнѣ Моравской). 1144.
    - **Владиміръ.** ✠ 1173.
      - **Ярославъ** (свояк Всеволода Великаго). 1181.
        - **Изяславъ-Михаилъ.** 1190.
        - **Ростиславъ.** ✠ 1198.
      - **Мстиславъ** (зять Святослава Всеволодовича Черниговскаго). 1175.
    - **Дочь** (за Норвежск. Королемъ Сигурдомъ, а послѣ за Датскимъ, Эрикомъ).
    - **Дочь** (за Брячиславомъ Борисовичемъ, внукомъ Всеслава Полоцкаго).
    - **Дочь** (за Канутомъ Св., Королемъ Оботритскимъ).
    - **Дочь** (за Ярославомъ, сыномъ Святополка II Михаила).
    - **Евфросинія** (за Королемъ Венгерскимъ Гейзою). 1149.
    - **Дочь** (за Греческимъ Царевичемъ Алексіемъ, сыномъ Императора Іоанна).
    - **Дочь** (за Всеволодомъ Ольговичемъ). 114[illegible].
  - **Изяславъ.** ✠ 1096.
  - **Романъ** (ж. на дочери Володаря). ✠ 111[illegible].
  - **Ярополкъ.** ✠ 1139.
  - **Вячеславъ.** ✠ 1154.
    - **Михалко.** ✠ 1129.
  - **Святославъ.** ✠ 1114.
  - **Андрей.** ✠ 1141.
    - **Владиміръ.** 1166.
    - **Ярополкъ.** 1157.
  - **Георгій Долгорукій.** ✠ 1157. См. No IX.
  - **Евфимія** (за Венгерскимъ К. Коломаномъ).
    - **Борисъ** (ж. на родственницѣ Мануила, Императ. Греческ.). 1139.
      - **Коломанъ.** (Правитель Киликіи.) 1139.
  - **Дочь** (за Всеволодкомъ Давидовичемъ, внукомъ Игоря, правнукомъ Ярослава Великаго).
  - **Марія** (за Леономъ Греческ. Царевичемъ).
    - **Василько.** 1136.
- **Ростиславъ.**

Роспись V.

Родъ князей смоленскихъ.

Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичъ, внукъ Мономаховъ.

- **Святославъ.**
- **Романъ.**
  - **Мстиславъ-Борисъ.**
    - **Святославъ.** 1232.
    - **Всеволодъ.**
- **Рюрикъ-Василій** (ж. на Аннѣ, дочери Юрія Яросл., внука Святополкова-Михаилова). 1195.
  - **Предслава.**
  - **Ефросинія-Исмарагдъ.**
  - **Ростиславъ** (ж. на Верхуславѣ-Анастасіи, дочери Всеволода Великаго). 1189.
  - **Владиміръ-Димитрій.** 1187.
    - **Андрей** Долгая Рука (родоначальникъ Князей Вяземскихъ).
- **Давидъ.** † 1197.
  - **Константинъ.** 1197.
  - **Мстиславъ-Θеодоръ.** † 1230.
    - **Ростиславъ-Борисъ.**
      - **Глѣбъ.**
        - **Всеволодъ-Александръ.**
          - **Иванъ.**
            - **Святославъ.**
              - **Юрій.**
                - **Θеодоръ.**
      - **Θеодоръ Ярославскій.**
        - **Давидъ.**
          - **Василій.**
            - **Василій.**
              - **Θеодоръ.**
                - **Александръ.**
- **Мстиславъ Храбрый** (ж. на дочери Глѣба Рязанскаго). 1173.
  - **Мстиславъ Храбрый.** 1224.
    - **Василій.** 1118.
    - Дочь (за Ярославомъ-Θеодоромъ, отцемъ Невскаго.)
  - **Владиміръ Псковскій.**
    - **Ярославъ** (ж. на Св. Евпраксіи).
      - Пасынокъ Евпраксіинъ.
  - **Давидъ Торопецкій.** 1152.

Роспись VI.

Родъ князей Галицкихъ.

Мстиславъ Изяславичъ, внукъ Мономаховъ, зять Болеслава Кривоустаго, К. Польскаго.

✠ 1170.

- **Романъ** (ж. на дочери Рюрика). ✠ 1205.
  - Неизвѣстный.
    - **Всеволодъ** 1245.
  - **Даніилъ.** 1224.
    - **Романъ.**
    - **Дочь** (за Андреемъ Ярославичемъ Суздальскимъ).
    - **Левъ** (ж. на Констанціи, дочери Короля Венгерскаго Белы).
      - **Юрій** (ж. на дочери Ярослава Тверскаго). 1289.
        - **Михаилъ.** ✠ 1284.
        - **Андрей.** ✠ 1324.
          - **Георгій.** ✠ 1333.
          - **Марія** (за Тройденомъ Мазовскимъ). 1336.
            - **Болеславъ.** 1336.
        - **Левъ.** ✠ 1324.
    - **Мстиславъ.**
      - **Даніилъ.** 1280.
    - **Шварно.**
  - **Θеодора.**
  - **Василько** (ж. на дочери Георгія, К. Владимірскаго).
    - **Дочь** (за К. Андреемъ Всеволод. Черниговъ). 1261.
    - **Владиміръ-Іоаннъ.** ✠ 1289.
    - **Ольга.** 1289.
- **Святославъ.**
- **Всеволодъ** Бельзскій.
  - **Александръ.**
    - **Гремислава** (за Лешкомъ Бѣлымъ).
    - **Анастасія** (за Болеславомъ Мазовскимъ, а послѣ за Бояриномъ Венгер. Димитріемъ).
  - **Елена** (за Казимиромъ Справедливымъ). 1196.
  - **Всеволодъ.** 1211.

Роспись VII.

Родъ князей Полоцкихъ.

Изяславъ сынъ Св. Владиміра отъ Рогнѣды.

- Брячиславъ. 1021.
  - Всеславъ. 1067.
    - Рогволодъ.
      - Василько.
        - Всеславъ (ж. на сестрѣ Мстислава Мстислав. Храбраго). 1165.
        - Володша.
          - Николай.
            - Изяславъ. 1181.
            - Всеславъ. 1181.
          - Андрей. 1181.
        - Брячиславъ
          - Василько (зять Давида Смоленскаго). 1195.
            - Дочь (за Всеволодомъ Великимъ). 1209.
        - Дочь (за сыномъ Всеволода II Ольговича). 1144.
      - Іоаннъ.
    - Романъ.
    - Борисъ.
      - Брячиславъ (зять Мстислава Великаго). 1129.
      - Рогволодъ (зять Изяслава II). 1144.
        - Глѣбъ. 1181.
    - Глѣбъ.
      - Всеволодъ. 1158.
      - Володарь. 1163.
        - Василько.
      - Ростиславъ.
        - Глѣбъ. 1158.
    - Давидъ.
    - Ростиславъ.
    - Святославъ-Григорій.
      - Вячеславъ.
      - Давидъ.
      - Евфросинія.
      - Горислава.
    - Дочь (за сыномъ Императора Греческ. Алексія). 1104.

Роспись VIII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ и ПРОНСКИХЪ.

ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЬ, ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

1127.

- Ростиславъ Рязанскій.
  - Глѣбъ.
    - Романъ (зять Святослава Всеволод. Чернигов.).
    - Игорь. ✠ 1194.
      - Ингварь-Козма.
        - Романъ. ✠ 1237.
        - Юрій. ✠ 1237.
          - Θеодоръ. ✠ 1237.
            - Іоаннъ Постникъ. ✠ 1237.
        - Олегъ.
          - Романъ.
            - Константинъ.
              - Ярославъ.
                - Іоаннъ.
                  - Іоаннъ Коротополъ. 1340.
                    - Олегъ. 1380.
                      - Θеодоръ.
                        - Іоаннъ.
                          - Василій.
                            - Іоаннъ. 1467.
                              - Іоаннъ.
                            - Θеодоръ.
                      - Родиславъ.
      - Юрій.
    - Владиміръ.
      - Глѣбъ (зять Давида Смоленск.).
        - Игорь.
          - Романъ.
      - Константинъ.
      - Олегъ.
      - Изяславъ.
    - Всеволодъ Пронскій.
      - Киръ Михаилъ. ✠ 1218.
        - Александръ.
          - Михаилъ.
            - Александръ. ✠ 1340.
              - Ярославъ.
                - Димитрій.
                  - Владиміръ.
                    - Іоаннъ.
                      - Θеодоръ.
                        - Юрій.
                    - Θеодоръ.
    - Святославъ Пронскій.
      - Мстиславъ.
      - Ростиславъ.
  - Юрій.
    - Сынъ. 1175.
    - Дочь. 1175.
- Святославъ Рязанскій.
  - Владиміръ. ✠ 1161.
    - Юрій. Муромскій. ✠ 1175.
      - Владиміръ. ✠ 1204.
      - Давидъ. ✠ 1228.
        - Юрій.
          - Ярославъ.
            - Юрій. 1351.
            - Василій.
- Юрій Муромскій.

Роспись IX.

Родъ Великихъ Князей Владимірскихъ и Московскихъ.

Георгій Долгорукій, сынъ Мономаховъ.

✠ 1157.

Ростиславъ. Андрей Боголюбскій. Іоаннъ. Борисъ. Глѣбъ. Мстиславъ. Василько. Ярославъ ✠ 1166. Михаилъ. Святославъ. Всеволодъ Великій, прозванíемъ Большое Гнѣздо.

Ярополкъ. Мстиславъ. Святославъ. Романъ. Владиміръ. Изяславъ ✠ 1165. Мстиславъ. Василій 1171. Георгій (ж. на Тамари, Царицѣ Грузинской). Дочь.

Константинъ (Отъ него Ростовскіе Князья). Борисъ. Юрій. Ярославъ-Θеодоръ. Глѣбъ ✠ 1189. Владиміръ. Святославъ. Димитрій. Іоаннъ (Отъ него Стародубскіе Князья).

Θеодоръ. Александръ Невскій. Андрей (Отъ него Суздальскіе Князья). Константинъ Галицкій. Аθанасій. Даніилъ. Михаилъ. Ярославъ (Отъ него Тверскіе Князья). Василій Костромскій.

Василій. Димитрій. Андрей. Даніилъ Московскій.

Юрій. Александръ. Борисъ. Іоаннъ I Калита. Аθанасій.

Симеонъ Гордый. Іоаннъ II. Андрей.

Димитрій Донскій. Іоаннъ. Владиміръ Храбрый.

Даніилъ. Василій. Юрій. Андрей. Петръ. Іоаннъ. Константинъ.

Іоаннъ. Василій Темный. Анна (за Греческ. Царевичемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.

Юрій. Іоаннъ III Великій. Юрій. Андрей. Борисъ. Андрей.

Іоаннъ. Василій. Юрій. Димитрій. Симеонъ. Андрей.

Димитрій. Іоаннъ IV Грозный. Юрій.

Димитрій. Іоаннъ. Θеодоръ Царь. Св. Димитрій.